

Ярослав Веров

ДВОЙНИКИ

Фантастическая проза

Ярослав Веров

Двойники

«Снежный Ком»

2011

Веров Я.

Двойники / Я. Веров — «Снежный Ком», 2011

Можно ли совместить в одном романе научную фантастику и сказочный мир, альтернативную историю (и не единственную) и философскую прозу? Можно, если автор романа – Ярослав Веров. Параллельные вселенные и секретные научные эксперименты, странствующие рыцари и волшебники, русские аристократы и современные бюрократы. Наука, неотличимая от магии, и магия, маскирующаяся под науку. Извечная борьба добра со злом, великая любовь и подлинная ненависть... Модернизм в фантастике, экзистенциальная притча, литературный эксперимент – называйте как угодно, но вся эта гремучая смесь – вот она, с коротким названием «Двойники».

© Веров Я., 2011

© Снежный Ком, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	26
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	41
Глава восьмая	47
Глава девятая	66
Глава десятая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ярослав Веров

Двойники

Часть первая

Глава первая

Ему казалось, что мир катится в тартарары. Мир обречен, и конец истории неизбежен. Всё останется незаконченным. Никогда нога человека не ступит на Луну, никогда люди не узнают, по каким законам живет Вселенная и что такое жизнь; почему мы есть и почему мы все должны исчезнуть с Земли.

Ему было двадцать шесть, работал кибернетиком, и звали его Григорий. Григорий Цареград. Он приехал сюда издалека, из небольшого городка, спрятавшегося от большой страны среди сопок, на берегу Восточного океана.

В городе у океана с тобой ничего не случится. Ты даже не повзрослеешь. Тебе дана маленькая жизнь в небольшой клетке. И ты такой же маленький, как твоя клетка.

Там, в школе милиции, были две секции: карате и джиу-джитсу. Последняя, правда, называлась «самбо». Это экзотическое самбо вел кореец Пак. Может, хотел сделать из пацанов супергероев и, получив от их родителей бумажки, мол, те отдадут себе отчет, что с ребенком может произойти всякое, гонял без пощады. Ни тени жалости не читалось на невозмутимом скуластом лице. Любимая приговорка учителя Пака была: «С тобой ничего не случится».

Когда Григорий при неудачном падении сломал руку и потерял сознание от боли, кореец привел его в чувство, наложил шину, влил в глотку полстакана водки и бесстрастно ободрил:

- Кричи не кричи, всё равно ничего с тобой не случится.
- Уже случилось, – промямлил Гриша, стараясь держаться героем. – Рука...
- Это ничего. Новая вырастет. А второго тебя уже не будет, – объяснил учитель Пак.
- Как это?
- Ты уже есть, – еще более туманно пояснил кореец. – Понимаешь?
- Нет.
- Ты есть, и больше с тобой ничего не случится...

Восточные мудрецы учат, что в душе человека есть белые и черные жемчужины.

Знание восточных мудрецов очень древнее, а потому они могут говорить всякую чушь. Григорий знал: человек состоит только из жизни и смерти. Это у него в глазах. У каждого во взгляде, как внутренняя катастрофа. Ему казалось, что планету населяют какие-то неправильные люди. Это ощущение из детства. Словно когда-то в детстве он видел настоящих людей, иные земли. У этих людей не было ничего, кроме жизни. Поэтому они и были людьми.

Он не мог вспомнить, где такое видел: во сне, или перенесся наяву на эту замечательную планету? И видел ли он? Но верил, что был на той замечательной планете, что она где-то летит во Вселенной.

И может быть, люди, живущие на ней, придут и завоюют Землю. Иначе Земля погибнет. Существа, состоящие из смерти, все ведут к разрушению. Они ничего не в силах понять, ничего не могут спасти, не в силах выйти за пределы своего гибнущего мирка. Еще немного помучаются – и тогда всему крышка. Эта маленькая космическая клетка взорвется.

Единственным человеком, в глазах которого он иногда не видел смерти, был Кирилл Белозёров. Они познакомились на городских прудах, на сборище толкенистов, хотя и рабо-

тали в одном институте. Институт был большой, Григорий работал у математиков-прикладников, а Кирилл у физиков.

В этот город Цареграда занесло волей обстоятельств. Учился в столице, а распределили сюда, потому что отказался работать на оборонное ведомство.

В этом мире товарищ Сталин умер в тридцать третьем году, в год рождения Григория. Но атомный проект уже развивался. Как развивались все области науки и техники. В сороковые начался неукротимый научно-технический прогресс. Второй мировой войны не произошло: в России не было Сталина, а в Германии Гитлера не назначили рейхс-канцлером.

А потом атомное оружие быстро установило равновесие двух противоборствующих систем. Быстро подросли новые открытия: квантовые генераторы, компьютеры, микроэлектроника, двойная спираль ДНК. Миру стало не до войн. «Золотой миллиард» превратился в жуков-потребителей, забрасывая остальных техногенными отходами.

Гонка потреблений уже в конце пятидесятых привела к победе Америки и ее сателлитов, а Россия погрузилась в хаос перемен. На этом историческом фоне и встретились герои этой истории: Григорий Цареград, Кирилл Белозёров и...

Впечатление Григорий производил человека холодного и равнодушного. Казалось, его мало трогали чужие несчастья и проблемы людей на сломе эпох. В студенческом кругу слыл философом, любил глобальные обобщения, такие, чтобы веяло от них нездешним морозцем. Человек весьма энергичный, он всю энергию держал глубоко внутри, используя ее исключительно в прагматических целях. Раз есть дела, значит, их надо делать, и без дураков.

Не потому, что был гончаровским Штольцем, а просто не желал себя баловать: не верил ни в ценность собственной жизни, ни в ценность человеческой цивилизации со всеми ее онёрами, ни в какую романтику. Но во что-то всё же верил, в нечто бесконечное и бессмертное, чему названия не находил. Надо было просто жить, по возможности – достойно, и только.

Трудно сказать, какое отношение к достоинству имеют карты. Но Григорий был профессиональным картежником. Играл, словно работал, методично, без азарта. Не хуже компьютера просчитывал варианты. Помимо того, что карты приносили деньги, ему нравилось побеждать. Себе же говорил, что это занятие необходимо для закалки воли и знания жизни. Сказывалась молодость, еще не наигрался в эти игры, еще хотелось театра. Приятно чувствовать себя героем, когда всё при тебе: интуиция, расчет, та же сила воли и при этом абсолютная безбашенность. То ли корейская наука подействовала, то ли сказалась жизненная философия, то ли родился таким, но Григорий ничего не боялся.

Специализировался на двух играх: преферанс и покер. В покере, как известно, чтобы побеждать серьезных соперников, нужно жульничать. Потому что они сами жульничают. Но Григорий ухитрялся обходиться без крапленых колод и прочих ухищрений опытных катал. Он умел читать по глазам. Как дауны безошибочно по мимике человека определяют – врет он или нет. Он читал мысли, не дословно, конечно, но очень точно, на уровне намерений.

Преферанс – другое дело. Даже если ты читаешь по глазам, как говорится, прикуп всё равно тебе не известен, а значит, в Сочи тебе не жить.

Как раз в Сочи Григорий вошел в «клуб» профессионалов. С легкой руки столичного друга он стал наезжать на этот курорт и бомбить богатых и азартных людей. Один раз нарвался на дуэт шулеров. Играть пришлось в паре как раз с богатым и азартным. Григорий, как, впрочем, и шулеры, не знал, что это вор в законе. Человек расслаблялся после очередного срока. Деньги для него значения не имели. Имела значение справедливость.

Вор казался спокойным дядькой, рубашки не снимал даже на пляже, чтобы не было видно татуировок. Шулеры, как положено, сперва дали им выиграть. Потом начался беспредел.

Григорий уже видел, что за игра пошла. Если ты попал в такую передрагу, остается тебе только одно – плюнуть на проигрыш и выйти из игры, потому что, если будешь упираться, вообще без штанов останешься. Он и готов был выйти. Но решил этого не делать: в глазах

партнера он разглядел столько смерти, что ему даже стало его жаль. И жаль шулеров, их будущее ему уже было хорошо видно: этот клиент обоих прирежет, из справедливости.

Поэтому, после очередного розыгрыша, сдав карты и оставшись на прикупе, Григорий поднялся и со словами «отлить пора, мужики», шагнул вперед. Но его вдруг качнуло, словно ноги затекли. Он слегка оперся о плечо шулера. Когда вернулся, тот недоуменно хмурился и массировал плечо: рука не поднималась. Ясное дело – это тебе, парень, джиу-джитсу, дело серьезное, не колоду «начесать».

«Авторитет», похоже, тоже понял, что к чему, и смотрел на шулеров ласковым таким взглядом, от которого у тех пошел мороз по коже. Гриша усмехнулся и поинтересовался:

- Что, еще не закончили? Что играем?
- Распасы, – отозвался авторитет.
- Ты мне руку покалечил, чмо, – прошипел травмированный.
- Каким образом? – прикинулся валенком Цареград.
- Таким! Что мне теперь, одной рукой сдавать?
- Получается, одной, – ласково обронил вор.

Шулер теперь не мог знаками показывать своему напарнику, какие карты у него на руках. Не мог и начесать колоду. Да, собственно, и сдавать не мог. Подельники пожелали закончить игру.

Но авторитет снял рубашку, чтобы стали видны все его регалии, и спокойно так произнес:

- Играем до упору, а то яйца пооткручиваю.

В итоге Григорий с вором «раздели» шулеров. Те рады были убраться. А вор предложил сходить в ресторан, обмыть выигрыш.

Ресторан вор выбрал самый дорогой. Ясно, платить за Гришу он не собирался, хватит того, что допущен присутствовать. После первых ста граммов вор, наконец, начал знакомиться:

- Ты кто будешь?
- Я Григорий Цареград.
- Ну-ну. А я Вася. Василий Тёртый, слышал о таком?
- Нет.
- Ну, понятно, еще не сидел. Студент?
- Студент.
- Я людей сразу вижу.
- А с каталами как же?
- Во!

Василий накатил еще сто и объяснил:

- Людям надо верить. А игра это игра. Тут как масть ляжет.

Да, Вася хоть и был искушенным человеком, но, видимо, как доходило до игры, что-то у него расклеивалось. За годы отсидки он слишком привык к уважительному отношению к своей персоне, и в мыслях не допускал, что кто-то может не знать, что с ним жульничать не надо.

Расстались по-хорошему. Вор закадрил какую-то девицу и напоследок сказал:

- Ну, если что, будешь в наших краях или что, запомни, я – Вася Тёртый.

Васю пришлось вспомнить пару лет спустя. Григорий уже окончил университет, его распределили в тот самый город, где держал общак Вася Тёртый, уже успел год поработать, как вдруг сменилась власть. И пора милых вечеров в компании с местной профессурой закончилась.

Времена тихой, где-то даже интеллигентной игры прошли.

Уже буйствовала инфляция, деньги ничего не стоили. Играли теперь исключительно на валюту. И прирезать могли элементарно. Карты еще не стали игорным бизнесом, зато бывшие физкультурники, которых раньше и близко не было видно среди картежников, заделались

вдруг игроками. Они не любили проигрывать, а в особенности отдавать долги. И то слово, если можно скрутить человеку шею – зачем ему еще что-то отдавать?

Из-за банального проигрыша в тысячу долларов вспыхивали целые войны.

Эта первая генерация «быков» еще не умела решать проблемы мирным путем, а вернее, не хотела, нужно было доказывать, что они не быки, а волки, настоящие герои.

С этими ребятами пришлось теперь иметь дело Григорию. Даже если бы он отказался от карт, – что, учитывая патологическое отсутствие у него страха, вряд ли было возможно, – на что-то же надо было жить. А он снимал квартиру, – не привык человек жить в общежитии, – и в перспективе собирался ее выкупить.

Когда он выиграл свою первую тысячу долларов, партнеры – все на одно лицо, бритые, коренастые, в спортивных костюмах и кожаных куртках – как-то сочувственно на него посмотрели, похлопали по спине, довольно ощутимо похлопали, и предложили насчет денег позвонить на днях.

Гриша понял, что если позвонит – убьют. А если не позвонит – не будут уважать и при случае всё равно убьют. Так уж в этой бандитской среде всегда получалось, что выбирать приходилось между двумя исходами: дерьмовым и летальным.

Цареград выбрал третье. Он вспомнил про Васю Тёртого и позвонил проигравшимся бандюкам, – давайте, господа, отстегивайте, что положено. Его вежливо спросили, а хорошо ли он подумал. Тогда Гриша спросил их, знают ли они Васю Тёртого? На том конце провода возникла пауза.

– А ты чё, братан, с Тёртым?..

– Позвони – узнаешь. – И Гриша повесил трубку.

На следующий день долг отдали.

– Ты это, в воскресенье приходи, треньку сбачаем. Без обид, да? – напоследок пригласил его посыльный-шестерка.

С тех пор он стал своим человеком среди городских картежников. Со временем начал играть с людьми более высокого ранга, с теми, кто уже лично не убивает, любит умную игру и ценит интеллигентного партнера.

А теперь расскажем о другой стороне жизни Григория Цареграда. Кибернетику в этом мире никто не объявлял продажной девкой империализма. Компьютерные технологии с первых же шагов развивались с уклоном в искусственный интеллект, алгоритмическое программирование оказалось лишь побочной ветвью. Мозги для этой кибернетики требовались высшей пробы: человек должен быть не глупее создаваемой им интеллектуальной системы.

В столичный университет, на закрытый факультет прикладной кибернетики, где готовили лучших спецов для «обороны», он поступил, потому что имел исключительные мозги. Эти способности обнаружились у него лишь в старших классах, до этого Гриша учился безо всякого рвения, налегая на спорт: то же джиу-джитсу, летом еще футбол, а зимой – хоккей, как приходил из школы, так допоздна на катке. Катки заливались в каждом дворе, оттепелей зимой не бывало, а морозы стояли умеренные. Лишь время от времени с океана налетали бураны.

С девятого класса Григорий стал побеждать на математических олимпиадах, даже на республиканской победил. На международную ехать отказался. Лень было погружаться в бумажную волокиту, давать какие-то дурацкие подписки, заполнять анкеты, стоять в очереди в ОВИРе. В общем, его пригласили на разговор к самому председателю горисполкома. И председатель спросил, – что ж ты, такой умный, позоришь нашу область? У нас прекрасный край, чудесный город, да только в стране об этом мало кто знает. А поедешь – о тебе расскажут газеты, может, по телевизору покажут. Или ты не патриот своего края?

– Меня в столичный специнтернат зовут учиться, – объяснил Гриша, – будете напрягать – уеду.

На том разговор закончился. В руководстве далекого восточного края сидели люди более или менее адекватные. Когда дверь за Гришаней закрылась, председатель с чувством обозвал его бранным словом и решил не досадовать на пацана, пускай себе учится, раз такой умный.

В университете выяснилось, что и здесь Григорий по способностям никому из однокурсников не уступает. Прочили ему большое будущее.

Его заметили после истории с одной лабораторной работой. Сама лабораторка относилась к курсу кибернетического управления процессами. Надо было для модельного процесса, пользуясь стандартной интеллектуальной кибернетической оболочкой, организовать управляющую структуру. Процесс был хитрый, с непредсказуемыми срывами на разных режимах. Методика предлагала отслеживать эти срывы и организовывать реакцию на них управляющей структуры.

Григорий решил, что реагировать на уже состоявшийся срыв – дело заведомо проигрышное. И, не зная, что подобные мысли посещали не только его и что уже есть работающие системы с предсказанием срывов в тех или иных реальных процессах, написал свою кибернетическую систему. Она умела отсеивать все неинформативные сигналы и отыскивать в их шуме предвестники катастрофы. Так как она была, как и все киберсистемы в этом мире, интеллектуальной, то для привязки к технологическому процессу, или процессу управления экономикой или хотя бы самолетом требовалось ее обучить, пропустить через нее реальную информацию. Оказалась она столь хороша, в смысле компактна и универсальна, что ею заинтересовались на профильной кафедре и взяли в научную разработку.

После этого куратор от госбезопасности пригласил его в свой первый отдел на профилактическую беседу. И лишь слегка пожурил за пристрастие к картам.

– Видите, Цареград, мы вас оценили. Но знаем мы о вас всё, и не только о ваших научных успехах. Знаем, с кем играли, сколько выиграли. Всё знаем. Я не стану требовать от вас бросить эту пагубную привычку. В конце концов мы тоже люди, и ничто человеческое, как говорил классик и учитель, нам не чуждо. Но для нас главное – государственный интерес. Пока голова твоя пашет как надо – играй себе, но отдавай государству, что должен, оправдывая, что на тебя возлагают. А если решишь плюнуть в лицо народу – всё тебе припомним. Понял? Такие дела, парень. Иди, учись.

Особист понравился Григорию. Такой пижонистый душка в заграничном костюме и в заграничных же туфлях, даже парфюмом от него воняет, наверное, тоже по заграничной моде. «Ничего, – подумал, выходя из кабинета, наш герой, – поиграем и с госбезопасностью».

Он знал, что за игры ему еще предстоят. Второй раунд состоялся при дипломировании. В первом отделе его принимали знакомый душка-особист и представитель военного ведомства, полковник.

– Родина вам оказала честь, товарищ Цареград, – начал университетский чекист, – вас приглашают в один из ведущих научных центров Общемаша, вы присутствуете в списках кандидатов.

– Григорий? – прочитал в анкете полковник. – Хорошее имя. Из восточного края, значит? Тоже хорошо, кузница патриотов. Я думаю, вы представляете, какое дело государство поручает вам, в каких масштабных проектах вам предстоит принимать участие. Так как, Григорий, чувствуете в себе силы? Как вы сами считаете – потянете?

– Не потяну, – ответил Григорий.

– Что-о? – не понял полковник. На скулах заиграли желваки, он отвернулся к окну.

Помолчал, и восстановив душевное равновесие, принялся уговаривать, мол, мы уверены, что вы, Григорий, справитесь, не боги горшки обжигают. А умные головы при такой международной обстановке – или укрепляют обороноспособность своего государства, или работают на чужое. В покое вас никто не оставит. Я знаю, что говорю.

– Цареград, вы что себе позволяете? – Университетский особист был перепуган: отказник в вверенном ему учреждении – ЧП! И заговорил как какой-нибудь директор школы: – Вы

мне здесь не зарывайтесь. Мы же вас знаем как облупленного. У нас же с вами был какой разговор? Вы всё на благо Родине, а мы вам разрешаем жить согласно вашим запросам. Ну кто из студентов может себе позволить снимать в столице трехкомнатную квартиру?

– Что? – удивился полковник. – Как это, трехкомнатную? Да у меня подчиненные, майоры, мать твою, очереди годами ждут. Да мы тебя в порошок сотрем. Ты что, думаешь так и дальше жировать?

– А что я там буду делать, в вашем «ящике»? Тоска. Бомбу делать – у меня, понимаете, на это не стоит.

– Как? Ты хоть понимаешь, где и с кем разговариваешь? Стоит у цулика на сучку! А может, у него того? – Полковник постучал себе по темечку.

Особист понимающе хмыкнул.

– У нас, Цареград, есть варианты распределения и на этот случай. Центральная клиника интенсивной психиатрической реабилитации, называется. Очень квалифицированный медицинский персонал.

Григорий пожал плечами:

– А зачем? Я что – диссидент, что ли?

– Ты хуже! Из-за таких вот, как ты, мудаков, всё летит в тартарары.

– Ну посижу я там. Преступление мое не такое, чтобы сгноить меня на «психе». Рано или поздно выйду – и готов стране новый диссидент. Вам надо?

– Ну, он же у нас умный, – развел руками полковник.

Особист утвердительно покивал. Григорий заметил в его глазах некий огонек уважения. И понял, что движется в верном направлении.

– Мы же тебя, бандита, даже к внештатной работе не привлекали. Двадцать человек с курса привлекли, а тебя – нет, берегли, засранца.

– Последний раз спрашиваю – согласен? – рявкнул полковник.

Григорий сокрушенно развел руками, мол, не получается у нас, мужики, договориться.

– Так, какая там у него была специальность? – осведомился полковник, будто нужная бумажка не лежала у него перед глазами.

– Основная – кибернетическая физика, специальная...

– Ну, специальная у него уже в прошлом. Физика? Ну, пусть и катится в Задрюпинск какой-нибудь. Есть у тебя такое?

Особист перебрал свои бумаги.

– Была заявка, но мы не думали давать им людей. Форвардная программа с этого учреждения снята.

– А, ну, пускай себе там покрутится. И чтобы никаких там наук. Умрешь лаборантом, парень.

Таким образом, второй раунд этой веселой игры Григорий тоже выиграл. Не стоит думать, что запрет на научную карьеру мог огорчить его. Если б мог – согласился бы Гриша и на «ящик», и на будущее орденоносного академика.

Третий раунд игры с госбезопасностью начался и затянулся на год уже по приезде на место распределения. Там за Гришу взялись ретиво, словно только его и ждали, чтобы наладить в городе и институте порядок и безопасность.

От стукачества он упорно отбивался. Посидел даже под предварительным следствием. Но дело закрыли: не вешать же статью об азартных играх на уважаемых профессоров из-за одного, понимаешь, сопляка. Тем не менее пришлось бы Григорию худо, но тут как раз грянула смена эпох. И уже он мог общаться в неформальной обстановке, за карточным столом с теми, кто еще недавно занимался его «воспитанием». Ставили они, правда, не валютой, рублями, но зато огромными суммами. Знали, что инфляция всё сожрет, вот и получали удовольствие.

А потом завелась у них и валюта, и многое другое: машины, особнячки и всё, что нужно человеку для жизни. Григорию они пели уже совсем другое. Признавались, что еще тогда его уважали, при режиме, но время было такое, знаешь, людоедское, а они люди служивые, приходилось исполнять приказы.

Самостоятельных научных тем в институте ему никто не давал, держали на компьютерных расчетах уже готовых моделей. Мозги в этом институте вообще были для научного работника лишней обузой, результаты исследований заранее подгонялись под уже известные вещи, чтобы легче было пристраивать статьи в научных журналах.

Еще в университете его заинтересовала возможность нематематического подхода в физике. Дело в том, что в этом мире, в отличие от нашего, кибернетика стала настоящей наукой со своим языком, со своим аналитическим аппаратом. Кибернетический язык, в отличие от математического, был открытым и позволял оперировать незамкнутыми формами. В математике любая формула, описывающая то или иное явление, уже содержит в себе все возможные свойства этого явления. Чего не заложил в формулу или уравнение ученый, что называется, «руками,» – того, тех свойств явление будет лишено. Ничего непредвиденного в математических объектах быть не может.

Непредвиденное должен закладывать человек. И всё равно, чтобы было как в природе, у него не получится. Всё равно получится абстракция.

Кибернетика же позволяла сталкивать разные объекты, не заботясь о том, как они друг с другом соотносятся. Они могли сами по себе, без участия человека, приобретать новые свойства, характеристики, модифицироваться. Конечно, на бумаге такое не сочинишь, всё происходило в недрах компьютера.

Вот Григорий и взялся перевести физические законы на кибернетический язык. За год с небольшим разработал интеллектуальную программную среду, где из элементарных процессов-агентов образовывались некие состояния, смысловые области, моделирующие тот или иной физический закон. А затем стал растить на этой базе собственно искусственный интеллект, чтобы эти состояния были взаимосвязаны, могли общаться, взаимодействовать, преобразовываться, но так, чтобы физическая картина мира не отличалась от настоящей.

Работал он втайне от всех, никому своих идей не открывал. Пускай себе думают, что он – одаренный лентяй.

С недавних пор его система стала выдавать результаты. Законы перестали быть строгими, собственно, перестали быть законами как таковыми. Теперь они работали, что называется, «в среднем», в большинстве случаев, но не всегда, ведь, как ни крути, они были коллективными состояниями псевдоразумных агентов. Кибернетические же эти агенты сами по себе никакого отношения к физике не имели, жили своей жизнью, и заставить их ходить по струнке было невозможно.

Камень мог летать как птица, редко, но мог. А вода могла сама закипеть в стакане, без кипятивника. Но для Григория важнее было то, что основополагающие теории физической науки теперь казались лишь бледными детскими модельками. Кибернетический «мир» внутри его системы создавал всё более мощные коллективные состояния, которые в целом не меняли картины мироздания, но это, кажется, была совсем другая физика, и моделировала эта физика природу-мать, которая не могла не быть разумной.

Верность любых теоретических результатов, как известно, подтверждается экспериментом. Гриша специально искал в журналах пионерские работы по новым направлениям и закладывал в свою систему самые свежие экспериментальные данные. В системе возникали новые состояния, а из них структуры, и в итоге – предсказания новых результатов. Через месяц-другой – в пионерских исследованиях ученые работают очень быстро – выходили статьи с новыми данными, которые объявлялись открытиями и почти всегда совпадали с расчетами Григория.

Через полгода руководителей тех научных коллективов национальные академии выдвигали на соискание главной научной премии. А Григорий лишь усмехался себе в усы.

Чем дальше, тем всё меньше он уважал нормальную физику. Что это за такая серьезная наука, если одна его система может заменить всех академиков и лауреатов?

В последнее время он даже стал развлекаться тем, что запускал в нее разные бредовинки. То пытался заглянуть в прошлое, предшествующее рождению Вселенной – какая, интересно, была там картина мира? То забирался в будущее, на миллиарды лет вперед.

«Экскурсы в прошлое» дали странные результаты. Но Григорий склонен был им доверять, ведь до сих пор система по крупному не ошибалась.

Выходило, что до своего рождения Вселенная, точнее, ее протовещество принадлежало совсем другой Вселенной, вернее, сразу нескольким. И, соответственно, связь между ними должна была сохраниться и после. Но связь эта была, опять-таки, разумного характера. Указать физический носитель этой связи Гришина система не могла, но связь была. Как-то вселенные видели друг друга. И только благодаря этой необычной связи законы, по крайней мере в этом мире, обретали устойчивую форму. Благодаря чему могли образовываться устойчивые атомы, молекулы, звездные системы... Понять этого Григорий не мог, но тут уж ничего не попишешь.

Заглядывая в будущее, он обнаружил тоже много удивительного. Вселенная могла в любой момент абсолютно перемениться, враз сменить все свои законы и стать совсем другой. Для этого, правда, и другие вселенные должны были, что называется, хотеть таких преобразований.

Чем дальше движется время, тем вероятней такая бифуркация. Вселенные почему-то хотели меняться. И обнаружилось, что неизбежен переход вселенных из физического состояния в чисто информационное. Выходило, что в этом, собственно, и состоит цель космогонической эволюции вселенных.

Глава вторая

Жан-Этьен Толкьен в этом мире родился во Франции и там, на материале рыцарских романов и древних галльских мифов создал свою знаменитую эпопею. После чего во всём западном мире началась эпидемия толкьенизма. Не обошла эта эпидемия стороной и наш город.

Кирилл Белозёров в этом городе родился, здесь же окончил местный университет, здесь же женился на своей Алле, как выяснилось, весьма удачно. Была она на два года старше его и была женщиной целеустремленной. В новой эпохе о таких стали говорить – «деловой человек», «деловая женщина». Она быстро нашла себя в сложившихся обстоятельствах. Открыла фирму, умела работать и ладить с людьми.

От мужа ничего подобного она не требовала. Ее как раз устраивало, что он к бизнесу не имеет никакого отношения, и на этой почве между ними никогда не будет соперничества и ревностей. Если бы Аллу спросили, – а за что она любит своего мужа, она бы чуть-чуть посомневалась – любовь это или нет. Просто ей нравился романтический характер Кирилла, точнее, ей казалось, что романтический. Так она его для себя определила еще в пору ухаживаний, так полагала и до сих пор. Поэтому всячески поощряла увлечение мужа живописью, более того, любила хвастаться этим перед подругами – такими же, как и она, серьезными женщинами. Даже хотела устроить выставку в местном краеведческом музее, но Кирилл твердо сказал «нет». А если уж он что-то твердо говорил, значит, быть по тому. Эта его черта тоже нравилась Алле.

Романтик с твердым, но покладистым характером – это находка. Романтики ведь бывают двух типов: взбалмошные истерики, непризнанные гении, или бесхарактерные мечтатели, прекраснотушные обломовы.

Она и сама не чужда была некоторой романтики, да попросту ее практиковала. Например, ежегодными выездами в горный Крым, с палатками. Водила Кирилла на концерты известных бардов, билеты на которые сейчас были доступны немногим.

А Кирилл спокойно работал в своем институте. Был он мастер на все руки: мог починить любую механику и электронику наладить. Поэтому его коллега по рентгеновской лаборатории Марк Самохвалов дал ему прозвище Маленький Мастер. Маленький – потому что Самохвалов был хоть и справедлив, но ироничен и при этом оправдывал свою фамилию: рядом с ним большим быть не полагалось.

В клуб толкьенистов Кирилл попал еще во времена студенческие.

Изготовил, как водится, длинный пластиковый меч и поролоновые доспехи. То и другое позволяло вести настоящие бои, с физическим контактом, не рискуя себе чего-нибудь ушибить. Первое время, правда, ходил с побитыми руками: кожаные перчатки плохо спасали от ударов. Пошил себе новые, из простого хлопка, но с накладками из гибкого пластика, и из него же изготовил налокотники. После этого он мог чувствовать себя в бою настоящим рыцарем.

Рыцарский кодекс, сказочные расы и имена его только сместили. Виду, что эта важная составляющая толкьенистской субкультуры его не очень уж занимает, конечно, не подавал. Его стихией были рыцарские поединки, по любому поводу. Числился он в орках, в которые поначалу никто идти не хотел и с которыми каждый стремился свести счеты. А когда наступила эпоха перемен, все ломанулись в орки. Эльфы стали отстойной расой. А хоббитов, к слову сказать, у Жана-Этьена Толкьена не было, зато все, кто при оружии, были рыцарями: рыцари-эльфы, рыцари-орки, рыцари-гномы.

Кирилл тогда придумал новую орчью расу и стал именовать себя Песчаным орком. В песчаные орки, как он и рассчитывал, никто не рвался. В итоге к нему пристала кличка Одинокий Песчаник. Его уважали, под этим именем он стал известен во всероссийском масштабе.

Алла охотно давала деньги на поездки на крупные ролевые игрища. Разок сама съездила, побывала драконихой. Но не понравилось. Какое-то всё детское, не настоящее. По-настоящему люди там только пили водку и занимались любовью.

У Григория к Жану-Этьену никаких симпатий не было. Но по вечерам он совершал пробежку вокруг городских прудов, где два, а то и три раза в неделю собирались толкьенисты. Стук их мечей был отчетливо слышен даже на другой стороне пруда.

Однажды среди пестрой толпы молодежи он обнаружил знакомое лицо. Этого человека он не раз встречал в институте, но кто таков не знал и никогда не интересовался.

Увидел его, в свою очередь, и Кирилл. Увидел и узнал. Григорий не подозревал, насколько он известен в своем институте. В болоте ведь всякая нестандартная лягушка вызывает много кваканья. Поэтому слухи о Григории ходили самые невероятные. Институтские стукачи утверждали, что он работает на органы, раз дело на него закрыли. И вообще, его прислали из столицы в качестве особого куратора с широкими полномочиями. А в столице из-за него генерал застрелился: проиграл в карты машину, квартиру и дочь. Откуда они узнали про генерала – загадка. В столице Грише доводилось играть с генералами. И один из них в самом деле проиграл машину, но этим дело ограничилось. И вообще, проиграл не Григорию, а третьему партнеру. Ходили и противоположного рода слухи, что его сослали сюда за политическую агитацию. То ли он кибернетику обозвал служанкой империализма, то ли призывал ввести в университете прямое студенческое правление, то ли нахамил первому отделу, что по сути было правдой.

Кириллу такой человек был любопытен. Конечно, хотелось как-то познакомиться, пообщаться. Но поди к такому подступись. А тут вдруг Белозёров поймал кураж. Встал поперек тропы, упер меч в землю и грозно произнес:

– Стой, незнакомец! Ты на земле Песчаных орков! Отвечай немедленно – кто таков и зачем забрел?

Друзья-толкьенисты обалдели и притихли, в их среде как-то не принято было задирать случайных прохожих. Знали, что есть среди них, толкьенистов, и такие, которые прямо на улице могут набить человеку морду: был один такой случай, в столице. Но били морду не просто человеку, а автору знаменитой серии сиквеллов-продолжений творчества Жана-Этьена. Били за извращение идей Учителя.

– А ничего, что я безоружен? Если я голыми руками – то ничего? – решил позабавиться Гриша.

– Голыми не годится, странник. Рыцари-орки чтут кодекс чести.

Толкьенисты хмыкнули, по ролевым играм они знали, как орки чтут этот самый кодекс. Кодекс чести у орков был самым лапидарным из всех кодексов. Состоял из нескольких однотипных пунктов: убей эльфа, убей гнома, убей... И последним пунктом: убей, свари и съешь!

– Можно на ножах, – добавил Кирилл. – У нас их много, можешь выбрать подходящий.

– Э нет, нам, странникам, оружие брать в руки нельзя. Так что бери себе нож, а я уж как-нибудь...

Из толпы донеслась восхищенная девичья реплика:

– Какой отыгрыш!

Отступать Кириллу было некуда. Он картинно отшвырнул меч и взялся за самодельный деревянный кинжал.

– Э нет, – остановил его Григорий. – Давай уж по-орочьи, стайей. Всем известно, что орки – злодеи. Кто здесь еще у вас орк, товарищи? – обратился он к остальным. – Что, нет орков?

Желающих не нашлось, народ почувствовал, что с этим человеком лучше не связываться.

– Жаль, товарищи сказочные герои. Значит, мне придется откупаться, поскольку один на один я дерусь только из-за дам. В качестве откупного я взберусь на этот клен при помощи одних рук.

Он подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку дерева, раскачался и пошел перебирать ветки до самых верхних.

Народ понял, почему он не желал один на один.

Когда спрыгнул на землю, Кирилл шагнул к нему, протянул руку.

– Кирилл, из... – Он назвал номер своей рабочей комнаты. – Ты заходи, чаю попьем.

– Григорий.

– Да я знаю.

– А... Чай – это, конечно, да, но я зайду с пивом.

– Тогда рассчитывай на троих, у меня еще друг-рентгенщик. Он пиво уважает.

– Заметано. Ну, раз пограничный инцидент исчерпан, я, товарищи сказочники, побежал.

Визит Григория в рентгеновскую лабораторию состоялся. А через день уже Кирилл навещал к Григорию, чтобы от имени жены пригласить в гости на семейный ужин. Накануне он рассказал ей о сосланном гении, и Алла, конечно, немедленно решила посмотреть, каковы они, гении науки.

Но Григорий оказался вовсе никаким не гением. Напротив, в разговоре всячески открепивался от приписываемых ему научных амбиций. Зато показывал бицепс, требовал, чтобы Алике, как он ее сразу же стал величать, пощупала этот камень. Предлагал пробить пресс, она отказывалась, мол, я не умею драться. Тогда он посоветовал взять вон тот подсвечник, – увесистое изделие городских кузнецов – размахнуться и садануть ему в грудь или в живот. Здесь уж ей отвертеться не удалось. Бизнес-леди – дамы, как правило, с шизинкой. А тут еще и винца попили, и энергетика у Гриши оказалась заводная.

Саданула она его этим подсвечником нешуточно. Так когда-то недоверчивый зритель ударом в живот убил великого фокусника Гарри Гудини. И саданула прямо под дых.

Когда Гриша разогнулся и восстановил дыхание, то снял рубашку, обнажив торс, и потребовал от Алики срочно лечить безобразный синяк. Синяк разрастался и густел цветом на глазах. Собственно, ради этого поучительного зрелища Гриша и обнажился.

В гости к Белозёровым Григорий теперь заезжал часто, по поводу и без. Они стали единственными его друзьями в этом городе. С Аликом у него установились вполне куртуазные отношения. А Кириллу даже показал свою кибернетическую систему, чем привел того в полный восторг. «Я же говорил, что ты гений!» – «Ладно, гений, только Алику не говори, пусть думает, что я просто картежник».

Насчет карт Алла часто заводила разговор и с Гришей, и с мужем. Всё не давало ей покоя, что такой человек и так рискует.

– Если ты не хочешь карьеры в науке, то с твоей головой ты же можешь такую карьеру в бизнесе сделать! Я тебе, Гриша, точно говорю. Поначалу поможем. Что же, всю жизнь в карты играть? Смешно для взрослого мужчины, – как-то раз укоряла она его.

– Мне уже многие предлагали помочь. Но я предпочитаю оставаться вольным философом. Поверь мне, Алике, это – нирвана. Давай будем вместе вольными философами.

– Серьезно? – Алла рассмеялась и спросила у мужа: – Кириуша, я похожа на вольного философа?

– Яволь, моя госпожа, – с готовностью отозвался тот. – Вылитый Кант. Я вообще считаю, что твои работники тебя за эту философию и любят.

– Да будет вам, охламоны, издеваться над женщиной. За глаза, небось, всех нас дурами держите.

– Грешен, – тут же признался Григорий, – я с женщинами играть не сажусь. Женщина или совсем не умеет играть, или, если уж играет, то лучше любого мужика.

– И с автомобилями у вас так же, – добавил Кирилл.

– Ладно, прощаю. Но все-таки ты же можешь так проигратъся, ведь даже жизнь проигрывают.

– Ну, обычно это не своя жизнь. Свою кто ж отдаст, – невозмутимо пожал плечами Григорий. – Крупно проигратъся хороший игрок не может. А я – хороший игрок.

– Гриша, дорогой, если ты всё время выигрываешь, так кто же с тобой играть сядет?

– Есть, мать, такое слово – азарт. Чем игрок ничтожнее, тем азартней, иные не водятся. Что же, разве в бизнесе твоём по-другому?

– В моем – по-другому.

– Значит, и ты – хороший игрок. Ну а вообще в бизнесе?

– Да, всяких лохов хватает...

Карты оказались у них единственным разногласием, во всём же остальном царило полное единодушие. Обнаружилось совпадение взглядов и на музыку и на живопись, – Алла однажды устроила целую экскурсию по дому, показывая полотна своего супруга, – и на романтику гор и походов. Сам Григорий в походы не ходил, но сочувственно относился к этому занятию.

– Я не хожу в горы. Я просто люблю стоять один на вершине. А взбираться, ползти – в этом есть что-то муравьиное.

– Да ты что, Гриша, ты же не знаешь, – приструнила Алла. – Альпинисты очень мужественные люди!

– Муравьи тоже мужественные. А ещё хорошо зайти в реку, чтобы вода по грудь, и слушать голос реки. Нирвана. Давай, Алик, Кирюха летом вместе? Вы куда обычно ходите в походы?

Оказалось, что супруги ходят каждый в свой поход. Сперва идут вместе в группе, а через несколько дней Кирилл по-английски, не прощаясь, куда-то сваливает. Никак его рядом не удержать. И ничего ведь жене не рассказывает – где был и зачем.

– Значит, и у тебя имеется тайна, Кириан? – как-то раз спросил Цареград товарища.

Сидели они одни, в лаборатории Кирилла. Разговор происходил в тот бурный период жизни Марка Самохвалова, когда он пытался наладить свой личный бизнес на перепродаже электроники, поэтому появлялся на работе крайне редко. И потому некому было досажать Григорию ироническими репликами, шуточками и сигаретным дымом.

Григория всё больше интересовал Кирилл, загадочным характером и тем, что во взгляде его почти не было смерти. Хотя это свойство – видеть в глазах людей смерть – Григорий и считал своим личным закидоном, но относился к нему серьезно. Что это за человек: жена, умная и проницательная, считает его одним, а он-то совсем другой?

Кирилл хмыкнул. Хотелось ему рассказать о своем, была у него тайна. Но больно уж странная, такая, что не решался рассказать даже всё понимающему Алусику.

– Ага. Так их есть у тебя.

– Ну есть. Такое дело, Гриша... Жаль, не был ты на перевале Звонящем, между Чатырдагом и Узуклумом. Там такой рассвет... Такого рассвета нигде не увидишь. Тогда бы ты понял. Знаешь, где-то есть страна, земля такая. Не знаю даже, как она называется, но она точно есть. Мир, не нанесенный на карту, в общем. Я его часто вижу. По-моему, таких снов не бывает. Слишком всё настоящее. Даже язык слышу, каким там разговаривают. Просыпаюсь и помню слова. А что за слова? Не могу перевести. А ведь в настоящем сне всегда понимаешь чужой язык.

– Да ладно, старик, не бери в голову. Я тоже когда-то видел слишком настоящий мир с настоящими людьми. А спроси где и когда – не знаю. Знаю, что было, а как – вопрос. Может, меня инопланетяне похищали? – Григорий усмехнулся.

– Даже песни их помню, певучий язык.

– Так тебе, я понял, хочется туда, чтобы там остаться?

– Хочется, да, но чтобы остаться – не знаю.

– Мне тоже хочется к себе. Только как? Знаешь, брат, кем я себя здесь ощущаю? Космонавтом, попавшим не в открытый космос, в смысле, не в пустоту вакуума, а в густой и тем-

ный хаос. Всё разрушается к такой-то матери. Они к звездам, рвутся, понимаешь. Кому там к звездам?! – понесло Григория. – Попомни мое слово – до Луны еще долетят, а и шагу по ней не сделают. Не по Сеньке шапка. Погубят планету, смерть здесь и только. А смерти быть не должно. Вот так вот.

– Присоединяюсь, – согласился Кирилл.

В этот день они поняли, что по жизни идут в одном направлении. А Григорий открыл для себя, что не обязательно быть вольным философом, можно и кем-то иным, главное иметь свой Мир, Не Нанесенный На Карту.

Одним летним утром Кирилл Белозёров сидел у себя дома и смотрел в окно. Там, за пыльным стеклом, – в этом городе все стекла были пыльные, – на балконе стояла пара задумчивых помидоров в цветочном горшке, которые вот уже второй месяц всё никак не могли или не хотели раскрывать свои бутоны. На улице, через дорогу, росло большое дерево, трепыхались, взблескивая на солнце, листья. А еще дальше, над крышами домов, над трубами и терриконами, плыли тяжелые серые тучи. Но Кирилл ничего этого не замечал. Он видел сейчас Мир, Не Нанесенный На Карту.

В том мире ласково светило солнце. В его лучах нежился обрывистый берег моря. Кружили чайки. И плыли над водой волшебные звуки. И сверкали на склонах холмов окна домов, утопающих в цветении апельсиновых рощ. На берегу стояли люди и пели негромкую песню.

Лилась мелодия. Тонкая и чудесная. Как будто звуки земли и неба слились воедино. В ней были шорох дождя и стрекотание кузнечиков, крики птиц и шум рек на перекатах, и потрескивание веток в костре. Казалось, солнце замерло, остановило свое движение, чтобы послушать ее. И чудилось, что тише плещет морская волна, что даже чайки притихли.

А он негромко повторяет слова, будто старается их запомнить:

И сяду я в ладью хрустальную,
И веслом хрустальным
Буду раздвигать воды изумрудные.
И править я буду ладью мою
В сторону берега светлого,
В сторону неба жемчужного,
В сторону земель удивительных,
Которых не видел никогда,
О которых лишь мечтал.
И будет Он ждать меня
На берегу лазурном,
С ногами босыми,
С объятиями открытыми.
И сойду я с ладьи моей,
И войду я в Его объятия...

Кирилл поймал себя на том, что понимает язык, что это он стоит на дощатой палубе большой ладьи, и именно его провожают этой чудесной песней. А рука его лежит на рукояти меча...

В небе плыли всё те же серые тучи, неторопливые и равнодушные. Проплывут так свои тысячи миль и никогда не увидят Мира, Не Нанесенного На Карту.

Глава третья

В небольшом павильоне фирмы «Смерноусов и сын», расположенном в Староконюшенном переулке, снимал свой очередной фильм знаменитый кинорежиссер Иван Разбой. Собственно, фамилию Разбой он взял себе для куражу, чтобы выделяться в богемной среде из сплошных Сценаристов, Режиссеров и Гениев. Пребывал Разбой сейчас в крайне дурном расположении духа.

Причиной тому явилась вчерашняя игра. Началось всё с похода в оперу, куда его пригласил наследный дюк Глебуардус Авторитетнейший. Давали «Годунова» с Густобасом в главной роли. Компания успела набраться еще в антракте, в театральном буфете. После спектакля решено было ехать в ресторацию «Палисад», а там самому горячему из них, князю Церетели, или как его в глаза называли друзья – Усатому Кацо Из Поднебесной, взбрело в голову навесить графа Сидорчука, для друзей – Бравого Хохла, и учинить у него знатный кутеж.

Сам Кацо Из Поднебесной еще в экипаже стал грызть ногти, задумчиво напевать себе под нос георгианскую народную песню «Сулико», а потом и вовсе заснул. Сидорчук-Бравый Хохол встретил гостей радушно, он и сам не прочь был развлечься. И тут дюк Глебуардус предложил:

– А не сыграть ли нам, господа, в «Начальник – подчиненный»?

– К столу! – поддержали дюка.

Внезапно боковая дверь залы распахнулась, и на пороге возник воодушевленный и вдребезги пьяный Пим Пимский, приват-доцент столичного университета, происхождением из мелких разорившихся дворян. Введенный в высшее общество дюком Глебуардусом, он теперь постоянно обнаруживался в гостях то у одного, то у другого аристократа. Держа в вознесенной руке бокал с шампанским, Пимский торжественно провозгласил:

– Господа! Поздравляю всех! Нам удалось сбежать из варварского двадцатого столетия в просвещенный девятнадцатый век! И... поверьте мне, я не ожидал!

Иван Разбой совсем не хотел играть. «Начальник – подчиненный» – безумная смесь карт и лото, в которую играть человеку небогатому в общем-то противопоказано. Он решил было, что выходка Пима как-то отвлечет компанию, приват-доцент славился экстравагантными выходками подшофе и умением говорить много и ярко.

Но Пим Пимский лишь безвольно махнул рукой, расстегнул манишку и рухнул в кресло, в котором и забылся сном.

Пришлось Ивану играть. Было у него с собой немного денег. Фортуна поначалу вроде бы оказалась к нему благосклонной: первым начальствовать выпало ему. А у подчиненных было много всего: и в ассигнациях, и в золотых монетах, и в коштовностях. Они, казалось, горели желанием расстаться со всем этим добром. Но, известное дело, чтобы нагреть подчиненных, необходимо начальственное коварство, которого Ивану не хватало и в жизни. А ведь всего-то надо было подставить Витечку Седовласова под Хмелика Короеда. Это тоже были прозвища: господа аристократы, у которых фамилии столетиями передавались по наследству, считали особым шиком придумывать себе прозвища позаковыристей, чтобы было как у простого народа. А в простом народе фамилии по наследству не передавались, зато брать можно было какие угодно, и не раз, лишь бы не совпадали с дворянскими.

Так у режиссера денег и не стало. Пошли долги, за ними заклады...

И вот теперь киносъемка, разумеется, не клеилась. Всё выходило не так. Актеры приставали к нему, чтобы объяснил сверхзадачу, ассистент с утра крепко дышал перегаром, а техник всё никак не мог наладить освещение – и из «окна спальни» вместо мягкого лунного света сочился розовый закат.

Разбою хотелось обозвать актера Глубокого, что играл в фильме роль романтического любовника, крепким непечатным словом, а актрису – дурой. И выгнать обоих взащей, а вместо них пригласить англиканских, а лучше – алеманнских. И снимать не любовную драму, а комедию. Алеманны серьезные, любую глупость будут изображать, словно на плацу, – выйдет очень смешно. Ассистента – тоже взащей, и техника туда же, всех к такой-то матери!

Словом, мысль переменить всю съемочную группу несколько развлекла Разбой. Ну не у одного него должны быть проблемы!

Правда, с Дусей – так звали исполнительницу главной роли, – распрощаться бы не вышло. В Дусю был влюблен граф Мамайханых (настоящая фамилия – Долгопрудов), главный меценат фильма. Собственно, ради его денег Разбой и затеял всю эту бодягу с мелодрамой. А теперь, в свете новых обстоятельств, выходило, что все расценки на фильм сильно повышаются. И без Дуси уж никак их не повысить.

От мрачных размышлений Разбой отвлекло появление Сценариста Серню, студиязиуса столичного университета. Тот как всегда ворвался в павильон стремительно. Стекла очков торжественно взблескивают, вокруг тощей шеи – шарф в три витка, форменный сюртук помят. Студента Разбой взял для написания сценария, чтобы побольше сэкономить, да и фильм не стоил качественного сценария. Серню моментально сменил фамилию и стал употреблять ее перед именем, для весу.

Сценарист был в крайней степени творческого возбуждения: он придумал, как усилить сюжет. Даже не поздоровавшись, пустился в объяснения:

– Я придумал, о чем эти двое будут говорить в сцене на балу, – указал он на главных исполнителей, которые безмятежно ворковали, сидя на софе. – Граф Щ. делает ей предложение. Ее мать бросается ей на шею: «Наконец-то мы распрощаемся с долгами, дочь!»

– Фильм немой, могут и помолчать! – услышав про долги, в крайнем раздражении рявкнул Разбой.

Затем, несколько уняв себя, спросил:

– Ты финальную сцену написал? Чтоб завтра была у меня.

– У меня завтра экзамен по космогонии, – растерялся Сценарист Серню.

– Что-о? – прогудел своим басом Иван Разбой. – Чтоб я этого не слышал! Одна нога здесь, другая там. Взял на свою голову, облагодетельствовал. Экзамен у него!

Сценарист нисколько не обиделся, а направился к уже начавшим придремывать на софе актерам и принялся им что-то втолковывать. Слышно было про «храм искусства», «служение Мельпомене» и прочие идиллические штуки.

К Разбою подскочил ассистент:

– Шеф, есть свет!

– Да? Зови девушку с хлопушкой. Будем снимать.

Все бросились по местам.

– Давай, сделай так, – Разбой пальцами показал девушке с хлопушкой как надо сделать.

– Эпизод в будуаре, дубль пятый, – пропищала та.

– Мотор! – оживился Разбой.

Заработал мотор камеры. Актриса, доселе безмятежно лежавшая на софе, сжалась и с ужасом принялась смотреть на партнера. Глупая улыбка в одно мгновение исчезла с уст актера Глубокого. На лице обозначился нехороший оскал. Руки угрожающе потянулись к партнерше. Та задрожала как осиновый лист и, словно защищаясь, вытянула руку навстречу злодею. Отвернулась и уперлась взглядом в пол. На полу живописной кучей лежали розы, только что любезно подобранные ассистентом.

– Молодца! – гудел Разбой, направляя актеров. – Хватаешь ее за руку...

– Сейчас вскочит с софы, – шептал Серню, поглядывая в сценарий.

Героиня вскочила на ноги и встала во весь рост на софе. Глубокий обхватил ее ноги руками, но, оскользнувшись на розах, стал падать. Героиня на него. «Здесь этого нет!» – удивленно произнес Сценарист Серню.

– Прекратить, – бросил сквозь зубы Разбой и принялся рассматривать пальцы.

Пальцы его были темны от машинного масла, ногти в многочисленных заусеницах. Имелось у кинорежиссера одно незамысловатое хобби: любил возиться на досуге со всякими подшипниками и кривошипками. Он даже умудрился собрать из больших артиллерийских шестерён куранты, но те, правда, шли так, будто в часе сорок пять минут и не более. Пришлось преподнести в дар университету.

Дуся в истерике билась на софе, возле нее хлопотал дурак-ассистент, актер Глубокий смущенно стоял в стороне и потирал исколотый локоть, а Сценарист Серню, размахивая листами сценария, что-то ожесточенно выговаривал актерам.

Тут в павильоне появился человек в клетчатом, хорошего кроя, но поношенном костюме, невысокий, толстенький. Это был частный сыщик Гений У («У» относилось к фамилии и должно было, по его мысли, обозначать принадлежность к уголовному сыску). Мягкими шагами он приблизился со спины к креслу режиссера и, наклонившись к его уху, прошептал:

– Вы просили книг Верова. Так вот я знаю теперь, где их достать.

Разбой недоуменно обернулся к незнакомцу:

– С чего вы взяли, любезнейший, что именно я просил вас об этом?

Гений У нимало не смутился.

– В таком случае разрешите откланяться, – кивнул и тем же мягким шагом, не спеша, пошел из павильона.

Разбой почесал в затылке, махнул рукой, поднялся и сказал:

– Все по домам. На сегодня баста.

Вечер тоже вышел скомканным, и Разбой решил лечь спать пораньше. Слуга задул свечи, – Иван сэкономил на электричестве, – и комната погрузилась в приятный полумрак. В полумраке этом темнели контуры фортепиано, массивного книжного шкафа, огромного, по современной моде, английского письменного стола. В углу стояла бронзовая копия «Ахиллеса», пытающегося извлечь стрелу из пяты. Этот шедевр древнего ваятельства подарил Ивану Пим Пимский, большой ценитель всего античного. Разбой любил смотреть на обреченного героя, вот уже третье тысячелетие борющегося с коварной стрелой, – и все неприятности дня улетали куда-то туда, где безмолвно колыхнется та самая глубь тысячелетий.

Он лежал и смотрел в окно. Окна Иван шторами никогда не занавешивал, чтобы лежа на диване смотреть на звездное небо. «Эх, хорошо, – думалось ему, – чтобы изобрели такую штуку, чтоб показывала то, что сейчас где-то там». «Где-то там» означало – «очень-очень далеко на небе». Еще думал с негодованием о том, когда же, наконец, изобретут звук в кино. Фильмы красивые, яркие и при этом немые. Безобразие, как ни посмотри. С этой мыслью он и заснул.

– Ба! Какая птица в наших пенатах! – услышал он знакомый голос.

Разбой открыл глаза и от неожиданности хотел вскочить с дивана. Но его повлекло вниз, на пол, потому что был он сейчас не в постели, а стоял посреди ярко освещенной комнаты.

Незнакомая мебель, в углу вертикально поставленный металлический цилиндр с манометром, – слово «манометр» он почему-то знал, – слева у стены – зеленый диван непривычной формы; рядом один стол, а справа, возле окна, второй. На этом втором стоял компьютер, по экрану дисплея вилась змейка экспериментальной кривой, и все эти предметы и слова, их обозначающие, были Разбоем известны.

А прямо напротив режиссера стоял и смотрел на него Глебуардус Авторитетнейший. Или всё же не он? Похож, да нет, совсем не похож. Впрочем, во снах так бывает, что человек сам на себя не похож, а ты знаешь, что это именно он. Этот «дюк» был гораздо моложе настоящего.

«Дюк» повернулся к еще одному персонажу сна. Того Иван не знал – патлатый, как женщина или шотландские горцы, в странных потрепанных синих брюках и свитере, какие обычно носят норманны.

– Слышишь, Мастер, – обратился к тому «дюк», – всё дело было в фильтре. Какая-то сволочь забила его в коллиматор. Вот пучок и ослаб.

Разбой, к своему удивлению, понял, что речь идет о рентгене, о рентгеновском дифрактометре ДРОН-1, который находился в смежной камерке.

А потом «дюк» снова глянул на Разбоя.

– Ты чего? Э-э... Кирюха, глянь на человека. Ваня, ты чего тормознул?

– Послушайте, Глебуардус, – шепотом поинтересовался Разбой, – а где это мы?

Глаза у «дюка» сделались оловянными. Казалось, его кто-то невидимый огрел обухом по голове. Он открыл рот, намереваясь что-то сказать, но ничего не сказал. Лишь сглотнул слюну.

Тот, второй, ухмылялся, наверное, решил, что Иван разыгрывает спектакль.

– Повтори, – просипел «дюк». – Что ты сказал?

– Я спрашиваю, – повышая голос, сказал Разбой, – что это мы здесь делаем? Я ведь сплю. Какой-то странный сон. Я сплю и понимаю, что сплю. Да еще цветной. И всё такое настоящее.

– Повтори, как ты меня назвал.

– Дюк... Как же еще, хотя вы совсем не похожи на себя. Но это ничего, я знаю, что это вы, ваше сиятельство.

Тот второй засмеялся.

– Доигрался, Самохвалище. Достал людей кликухами – теперь будешь ходить в дворянах. Ничего, дюк, теперь не попишешь, терпи.

Но «дюк» не слышал товарища. Его глаза были по-прежнему оловянные, кажется, он даже не мигал.

В комнату вошел новый персонаж. Разбой посмотрел и узнал его: Пим Пимский. Но опять же, не совсем такой, как наяву. Гораздо моложе, повыше и гораздо крепче телом. В черном костюме не совсем обычного кроя, в белой рубашке с галстуком. А ведь Пим галстуки на дух не выносит. Чудное дело эти сны!

– Пим! – обратился к нему Разбой. – Хоть ты объясни, где мы находимся?

С лицом «Пима» тоже произошла мгновенная перемена. Улыбка слетела, как ветром сдуло, глаза сузились и взгляд сделался хитрым.

– Глебуардус, Пимский, да что вы, господа, в самом деле? – не унимался Разбой. – Что с вами? Это ведь только сон!

– Так, – подал голос «Пим». – Товарищи, кто здесь будет дюк Глебуардус Авторитетнейший?

Разбой улыбнулся: Пим, кажется, решил чудить и во сне.

– Да вот, Ваня его разыграл, – ответил лохматый.

«Пим» мягко подтолкнул Ваню к дивану.

– Присаживайся, брат. Поговорим. Ввожу в курс дела. Этот, который дюк, здесь, во сне – Марк Самохвалов, тот, что у окна, – Кирилл Белозёров, ну, его ты можешь и не знать.

Кирилл, услышав это, хмыкнул.

– А я, – продолжал «Пим», – Григорий, э-э, Цареград. Никогда таких имен не слышал?

– Никогда. Вы что же, не Глебуардус и не Пимский?

– Во сне, конечно, мы не совсем мы. Во сне оно, знаешь, как бывает, брат? Вот зачем ты меня спрашиваешь – Пимский я или нет? Что верное ты можешь узнать от того, кто тебе снится? Это я должен тебя спрашивать, ведь это я тебе снюсь. Или ты уже не спишь?

– Сплю.

– Есть теория, что вообще весь мир – это чей-то сон... – продолжал говорить Цареград.

– Ну, понес, – сказал себе под нос Марк.

– Скажем, мой сон. В моем сне вполне может быть так, чтобы я снился тому, кто снится мне, чтобы я мог посмотреть на себя глазами того, кто мне снится, а не своими собственными, ведь меня здесь нет. Я ведь где-то там, откуда вижу сон. И сам по себе, как таковой, не нуждаюсь ни в каком материальном выражении. А материя, скажем так, суть субстанция моего сна. И так как я своим сном не управляю, а скорее, управляю самим фактом сна, а не тем типом, кто в моем сне называет себя мною, то сделать так, чтобы ты вернулся обратно к себе в девятнадцатый век, не могу.

– Припоминаю. Накануне, у Сидорчука, ты про двадцатый и наш век говорил.

– Здесь и сейчас именно двадцатый. А что я у Сидорчука говорил?

– Не помню. Ты сильно пьяный был. Что-то такое крикнул и уснул. А я пять тысяч проиграл. Одному Хмелику целых три.

– Да, этот из тебя душу вытрясет, он сам в долгах, как в шелках. И когда же такое безобразие произошло?

– Да вчера. То есть уже позавчера.

– Ну, про это я своего сна еще не видел. А ты, товарищ дюк? – повернулся Григорий к Марку.

– Так, парни, – тоном главы партячейки заговорил Самохвалов, – давайте помедленнее и потщательнее. Здесь такое дело, что я даже не знаю...

– Ну, раз даже ты не знаешь, то что уж говорить обо мне, – пошутил Григорий. – Правда, с тобой, друг, мы кое-что, хоть и с трудом, понимаем. А вот Кирилл, вижу, абсолютно не в теме.

Кирилл и вправду глядел странновато. Он-то думал, что здесь спектакль с импровизациями, чудят ребята. А они вроде как серьезно, словно грибов-псилоцибов наелись. Не по себе ему стало, когда понял, что они о девятнадцатом веке говорят всерьез: не поехала ли у людей крыша? Но потом задумался о другом – он ведь сам тоже...

– Я ничего, – отозвался он. – Вы говорите, мне интересно, если это, конечно, не секрет.

– Да какие там секреты! – рявкнул Самохвалов. – Цареград, ответь мне, ты о каком дюке Глебуардусе говоришь?

– Не ко мне. Я сам в ауте. Его спрашивай.

– Хорошо, – и Самохвалов заговорил уже тоном следователя из телесериала. – Ответь мне, Разбой, о каком Сидорчуке ты говорил? О графе, у него еще кликуха – Бравый Хохол?

– Ну да.

– А Хмелик – это Хмелик Короед, он же барон Витольд?

– Даже во сне покоя мне нет, – поморщился Иван. – Прошу, не напоминайте мне о моем проигрыше. Мне уже сегодня предстоит разговор с Мамайханычем, чтобы еще денег дал под фильм. Наверное, придется ему и права на фильм продать. Почему я должен выпрашивать денег, унижаться? Я что, плохие фильмы снимаю?

– Да, не повезло тебе, брат. Ты бы лучше не там, а здесь играл, и в паре со мной.

– Но ты, Пим, ведь в карты не играешь.

– Да, я – Пим в карты не играю. Зато играю я – Григорий.

– Ты про Пимского видишь... во сне? – спросил Марк Григория.

– Да, во сне. И как понимаю, ты тоже.

– И я во сне, – подтвердил Марк.

– То-то я гляжу, ты в последнее время гоголем ходишь. Как же – герой Морской войны!

– Вот именно. И друг самого государя императора. А какие страны там, как называются! Англия, Галландия, Алемания, Пиренея! А здесь что? – сумерки цивилизации, закат истории. Всё испаскудили, загадили, разворовали.

Марк заговорил о сумерках цивилизации, потому что такое сумрачное настроение у него было всё последнее время. С месяц тому назад погорел его бизнес. У Самохвалова был компаньон, человек из их же института, в отличие от Марка – большой специалист по электронике. Но, опять же, в отличие от Марка бизнесмен никакой. Но поди ему это докажи. Звали его Андреем Дубовиком, по данному ему Самохваловым прозвищу – Дубовичком Радиоактивнейшим. Но Дубовичком он был до этого месяца. А теперь стал просто Дубом. Отдал все их оборотные средства своему однокашнику Фоме, ныне крутому человеку. Фома обещал наварить с них за пару недель триста процентов. В итоге через месяц идти к Фоме пришлось Марку, выпрашивать свои же деньги: Радиоактивнейший говорить со школьным товарищем побоялся.

С Фомой Самохвалов встретился в кафе. Фома сидел, развалившись, за столиком и небрежно поигрывал ключами от машины. Угрюмый взгляд исподлобья ничего хорошего не предвещал. Так и вышло. На предложение Марка отдать деньги процедил лишь:

– Хочешь – будут тебе деньги.

Марк понял, почувствовал, о чем это Фома. «Он нас с Дубычем убьет».

– Фома, ведь вы с Андреем со школы дружите...

– Ну и чё?

– Ну, давай и ты в нашем деле будешь?

– А мне оно надо, ваше дело? Делами лохи занимаются. А я контролирую, понял?

– Да я не то, чтобы из-за денег. Деньги я заработаю...

– Как хочешь... – безразлично ответил Фома.

– Не сердись, Фома. Наверное, я Андрея не так понял.

– Вы там сами у себя разбирайтесь, чего мне яйца морочите? – недовольно проворчал Фома.

А у Марка отлегло от сердца – кажется, пронесло.

Потом он интересовался у Григория, встречал ли тот Фому? Оказалось, разок играл с Фомой в покер и кое-что слышал о нем от других.

– Кому он деньги отдал? – удивлялся Григорий наивности Дубовика. – Этот даже карточные долги не возвращает. Его же за это в пруду топили, потом он тех парней порезал. Вы бы меня сначала спросили...

– Да они же с ним друзья детства. Радиоактивнейшему разве что можно объяснить?

И теперь Самохвалов вновь, как и до своих коммерческих трудов, жил на деньги отца, ранее полуподпольного, а ныне весьма успешного торговца антиквариатом. Папахен начинал еще в молодости как нумизмат, затем стал мотаться по северным деревням за иконами, как тогда было модно, а после сталинского голодомора в опустевших деревнях на Севере их можно было мешками собирать. Он и собирал. Потом началось увлечение живописью, потом оружием. Одним словом, богатым и уважаемым человеком был папахен Марка.

Одно было у него в жизни огорчение: не хотел сын идти по стопам отца, никак не хотел. Чем только не искушал его родитель. Обещал даже машину купить. Марк на это лишь поморщился и сказал: «Да, купишь, и вози тебя потом везде на своем горбу».

Жил сейчас Марк у родителей, с тех пор как развелся с женой. Поженились они на четвертом курсе, а уже на пятом разошлись. Марк оставил бывшей жене квартиру, которую им на свадьбу купил его отец. И теперь мечтал заработать на новую, доказать отцу, что и сам способен заработать, но, видно, не судьба. Может, оттого он в девятнадцатом и богат, что здесь беден, успокаивал себя Самохвалов. До разговора в лаборатории с Цареградом и Разбоем об их удивительных снах он чистосердечно верил, что живет сразу двумя жизнями в двух соседних веках. Правда, мир девятнадцатого значительно отличался от этого, но ничего, так даже интересней.

– Погодите, мужики, – вмешался в разговор Кирилл. – Вы серьезно такие сны видите?

– Чего уж серьезней. Невероятно, но факт, – ответил Григорий, – три человека, волей случая сошедшиеся в этом городе, в этом институте, в этой комнате, оказывается, видят сны об одном и том же. Вероятность такого факта равна нулю. Поверить нельзя, остается принять, как есть.

– Понимаете, я тоже вижу сны... – Кирилл разволновался. – Я тебе, Гриша, рассказывал о той стране, помнишь?

– Помню.

– Это Иканоя. Я там катанабуси, странствующий рыцарь...

– Рыцарь он... – проворчал Самохвалов. – Еще один феномен на голову человечества.

С Разбоем вдруг произошла неуволимая перемена. Он поднялся с дивана и пошел к дверям. И уже когда выходил, обернулся:

– Слушай, Самохвалыч, чуть не забыл, зачем пришел – тебя шеф хотел видеть.

– А чего он не позвонил? – спросил Марк.

– Он сейчас у эпээрщиков, ты зайди.

– Уже лечу.

– Смотри, наш режиссер пришел в себя, – сказал Григорий, когда за Иваном закрылась дверь. – Может, там проснулся?

– Ну да, такой кошмар бедняге приснился, – ответил Марк. – Если он еще раз мне в таком виде на глаза попадется – прибыю!

– Остыньте, дюк, – перебил Григорий. – Тебе когда эти сны начали сниться?

– Двадцать шестого сентября.

– У меня днем ранее. Выходит, всё у нас с тобою началось недели три назад. Здорово. Ну, у Вани спрашивать, по-моему, бесполезно. И что думаешь – кто-то психотронным оружием балуется?

– Живем мы в разных концах города. Нет, если и оружие, то не дома. Что, если здесь? У нас в комнате или за стеной, или в доме напротив? – предположил Самохвалов.

– А как же с Разбоем? Он сюда редко заходит, реже меня.

– Ну, поэтому у него наблюдаются такие накладки со снами.

– И как думаешь проверять гипотезу, экспериментатор? Думается мне, что роль следователя тебе не чужда.

– Подумать надо... – Марк уже думал, уже крутил в голове эту проблему и так и эдак, пытался припомнить, что он слышал или читал о психотронном оружии.

– Постойте, мужики, – вмешался Кирилл. – Я ведь тоже вижу подобные сны.

– Это только подтверждает нашу гипотезу, – ответил Марк. – Ты же целыми днями торчишь в лаборатории.

– Э, нет. Я Иканую вижу с детства. Только раньше как бы извне. А сейчас, с конца лета – изнутри. Живу я там. Ночью, во сне перехожу в тот мир и живу. А днем вспоминаю: как говорит Гриша – нирвана...

– Это правда, – подтвердил Цареград. – Он мне еще года два назад о своем мире рассказывал. Так что не знаю... – и вдруг с иронией в голосе Григорий продолжил: – Вы, экспериментаторы, люди твердо стоящие на ногах, причины явлений склонны искать в простых инженерных решениях. А я простой теоретик, витаю, знаете, в облаках всяких. Только имеется и у меня нечто посильнее вашего железного ДРОНа. Я рассказывал Кириллу, и больше никому об этом говорить не собирался. Тебе, Марк, всё же расскажу. В свете, так сказать, обстоятельств. Имеется у меня такая забавная кибернетическая система, работающая, естественно. И она описывает физические законы. Давать ей рекламу и что-то доказывать я сейчас не стану. Поверь мне, Марк, она кое-что умеет. Так вот, я получил результат, касающийся времени до рождения нашей Вселенной. Выходит так, что вселенных не одна и не две, а очень много, может быть, даже бесконечно много – но кибернетические системы не оперируют бесконечно-

стями, и поэтому наверняка сказать не могу. Эти вселенные должны общаться друг с другом. Агент связи между ними идентификации не подлежит, но он несомненно существует. Если бы вселенные не имели этого общения, то все законы в них не имели бы никакой устойчивости. Кисель, сплошные флуктуации. Так вот я думаю, что те, кого мы видим в своих странных снах и кого считаем собой в ином мире, – это результат связи между вселенными. Как это достигается – не спрашивайте, не отвечу. Как вселенные передают информацию одна другой, я не знаю.

– И дюк Авторитетнейший – это не я? А? – с некоторой тревогой спросил Марк.

– Может, и ты. Не знаю. Как вольный философ могу предположить, что наше личное Я существует одновременно во всех вселенных. Но не каждому дано собрать воедино всех существ, в которых оно там вселяется. Правда, чего стоят эти мои слова – судить не возьмусь, пока что они ничего не стоят. Хотя лично мне идея со вселенными нравится.

– Мне тоже, – заметил Кирилл.

– А мне нет. По-моему, всё намного проще. Здесь и одной вселенной много... – не согласился Марк. Но иных соображений у него не было и он решил свернуть разговор: – А не пора ли, мужики, по домам? Наедине с собой обдумаем, и завтра там, или еще когда обсудим.

– По домам, так по домам. Ты завтра подойди ко мне, я тебе покажу свою папку с результатами, может, впечатлит.

Пухлую папку с описанием результатов, полученных кибернетической системой, а также с заметками философического характера Григорий в шутку называл «моя диссертация» и держал на работе, в несгораемом сейфе, приобретенном на собственные средства. И никогда не думал, что и его теория найдет такое странное практическое применение.

Глава четвертая

Мастер Ри был еще юношей, но юношей с твердым характером, закаленным серьезными испытаниями, через которые проходит каждый, кто избран духом Иканодзу быть катанабуси. Удары судьбы он держал, как воин держит удар на поле боя, и не ждал от жизни ничего – ни хорошего, ни плохого. И жил сегодняшним днем.

Мастер Ри был воином Империи Конских островов, как называют эту загадочную страну люди с континента. А сами обитатели Конских островов – Иканоей. Учитель Матахаса Аа отправил его на континент – пройти свой Путь Одного без помощи наставника и товарищей по оружию, а заодно изучить обычаи северных варваров.

Путешествовал катанабуси по континенту уже второй месяц и ничего интересного здесь для себя не находил. Жители были скорбны умом и скуповаты. Могущественные походили на детей, падких лишь до бранных утех. Крестьяне же малообщительны, глядят на вооруженного с плутоватой предусмотрительностью: то ли боятся, то ли выгоду себе высматривают.

Но сегодня, наконец, произошло событие. Может, был сегодня день судьбы: Мастера Ри нашел сам Король Артур, посвятил в странствующие рыцари и отправил в поход.

Впрочем, обо всём по порядку.

Светило осеннее зябкое солнце, порывами налетал ветер. Мастер Ри сидел на пригорке, под могучим дубом. С полей поднимался дым сжигаемого жнивья. Шумели деревья, ветер срывал золотую листву. Над всем этим осенним миром в кристалле недоступности летели, курлыча, журавли.

Мастер Ри был сосредоточен и отрешен. Ножны с удивительно длинным мечом покоились рядом, безмятежно ожидая прикосновения руки хозяина. Взгляд Мастера Ри скользил по краскам, моментам, далеким движениям, по переменам, свершающимся вокруг. Слух же пребывал во власти ветра, несшего вести из дальних далей.

Послышался неторопливый перестук копыт и позвякивание сбруи. К холму приближались всадники.

«Меня не минуют», – подумал Мастер Ри.

Ветер швырнул к ногам катанабуси багряный лист. Мастер Ри поднял его и посмотрел сквозь него на солнце – лист ожил, словно вспыхнуло багровое пламя.

На опушку неторопливо выехали трое рыцарей. На двоих были черные, расшитые серебром плащи. У третьего же – фиолетовый, с золотисто-зеленой каймой.

Трое приблизились. И громкий, повелительный голос – не без некой высокомерной нотки – произнес:

– Мир тебе, рыцарь!

Всадник, обратившийся к Мастеру Ри, был совершенно уверен в его подчиненном положении.

Мастер Ри промолчал, ожидая, когда заговорит действительно старший из незваных гостей.

– Сударь, к вам обращается Рыцарь Круглого Стола! – подал голос самый молодой из троих.

– О, господа, прошу вас, не берите в голову, – в разговор, наконец, вступил третий; его голос был снисходительно мудр.

Это был тот самый седовласый человек в фиолетовом плаще с золотисто-зеленой каймой. В лице его Мастеру Ри почудилась некая странность: на устах играла доброжелательная улыбка, глаза же улыбались с плохо скрытой издевкой.

– Помнишь, Ланселот, предсказание старой Пифии? – спросил он молодого рыцаря.

– Поганой кривоногой ведьмы? – отозвался Ланселот, сплюнув. – Какое же, сир, именно? Она много чего набрехала.

– Молодой человек опрометчиво вспыльчив. Оно и понятно, ведь старая ведьма вытянула из него целую пригоршню золотых, – в несколько церемонной манере промолвил сэр Борс Александер, рыцарь средних лет.

– Вот еще! Я и не думал сердиться из-за каких-то там золотых. Хотя, признаюсь...

– Не сто́ит об этом, – оборвал его обладатель снисходительно-мудрого голоса. – Она предсказала моему отцу смерть от падения с коня в ночь новолуния. Так всё и случилось. Клянусь моим мечом, старуха хорошо знает свое ремесло!

– Мой государь прав, именно так погиб отважный король Хлодвиг Второй! – вскричал сэр Борс.

Государь тускло глянул на него:

– А что, Хлодвиг тоже скончался подобной смертью, да будет проклято его имя вовеки?!

Борс Александер поперхнулся.

– Наш «равный из равных», вероятно, вспомнил службу при дворе норманнского варвара, – съязвил Ланселот.

– Ну что ж, юноша, – обратился, наконец, к Мастеру Ри Король Артур, – да будет тебе известно, что пред тобой – сам Король Артур, государь Камелота и предводитель Рыцарей Круглого Стола!

Катанабуси лишь коротко глянул в его сторону и преспокойно вернулся к созерцанию осеннего мира. Он не знал, что такое государство Камелот, чем оно знаменито и где находится.

– Гм-м... Однако... Послушай, незнакомец, а не желаешь ли ты честного рыцарского поединка с этим юным рыцарем, отважным Ланселотом Озерным? – спросил Король Артур.

– Почему со мной, государь? – Ланселоту казалось недостойным сражаться со столь невоинственным рыцарем.

– Гм-м... Изрубить бы, да и вся недолга. Но предсказание это... – задумался, глядя на Мастера Ри, Король Артур.

Он нехотя спешился, потрепал кобылу и приблизился к Мастеру Ри.

– Я перед тобой, незнакомец. Изволишь ли говорить со мной, как пристало мужчине?

Говорить с этими троими Мастеру Ри было не о чем. Опасности для себя он в них не видел. Он точно знал, что произойдет, попытайся хоть один из них обнажить меч – все трое будут мертвы. Это было простое и точное знание катанабуси. Но было здесь и иное, чуждое знанию Иканодзу, духа-хранителя Иканои, и чуждое этому осеннему миру с его пылающим убранством лесов, с его плутоватыми крестьянами и простодушными рубаками-воинами. Имени этому не было.

«Этого не миновать», – подумал Мастер Ри и, взяв в руки меч, поднялся и склонил голову в поклоне.

– Назови себя, рыцарь! – властно молвил Король Артур.

– Я Мастер Ри, катанабуси Империи Южного Моря! Надо мной нет власти иной, кроме дружеской власти моего гения.

– Гения?

– Подобно гению Сократа, существу незримого мира.

– Я сразу приметил в тебе, Мастер Ри, некую необычность...

– Просто нахал, коего давно не секли по ягодицам! – рявкнул сэр Ланселот.

– Не будь столь суров, – улыбнулся Король Артур. – Есть ведь и иные, куда более действенные способы внушить почтение.

Мастер Ри посмотрел вверх. В поднебесье парил коршун, зорко высматривая добычу. «Какими он видит нас? – подумал Мастер Ри. – Четверо охотников? Четыре тени?»

– Я должен сообщить тебе, рыцарь, что мне было важное предсказано, – продолжал между тем Король Артур. – Было мне поведано, что в день, когда задует восточный ветер, встречу я на холме у старого дуба странного рыцаря. С одного боку – вооруженного воина, а с другого, опять же, – невоспитанного юнца, с мыслями, отвлеченными от зримого...

«Он не свободен», – подумалось Мастеру Ри.

– К сожалению, судьба Камелота окажется в руках этого, гм, рыцаря. Внемли, рыцарь Ри...

– Мастер Ри, – поправил Мастер Ри.

– Что? – запнулся Король Артур, будто сбившийся с роли актер.

– Я – Мастер Ри.

– А-а... Так вот, внемли! Отныне ты Странствующий Рыцарь Короля Артура. И надлежит тебе, мой мальчик, отыскать и завоевать Королевство Бород, коим правит Железный Грон, да будет его имя проклято навеки. Железного Грона охраняет страшное заклятье, снять которое никому не под силу, кроме юноши с «отсутствующим взглядом, рыцарского звания, к сильным мира сего равнодушного». Так что прими свою судьбу, сэр рыцарь Ри!

– Мастер Ри, – вновь поправил Короля Мастер Ри.

– Что?!

– Я – сэр Мастер Ри.

– Быть посему. Мое слово – закон. Отныне и навсегда.

– Король, я не вижу себя на пути, предложенном тобой.

– Посмотри вправо, сэр рыцарь.

Мастер Ри посмотрел. Бесчестное чародейство: за плечом угрюмо возвышался, раскачиваясь, мрачный башибузук ростом по меньшей мере в пять саженей, с кривым ятаганом, с плохо прорисованным ртом. Башибузук хмуρο ухмылялся.

– Смотри, рыцарь. Этот воин всегда будет у тебя за плечом, незримо для прочих. Куда бы ты ни шел, что бы ты ни делал. И если свернешь с предначертанного пути... – Король махнул рукой.

Тускло сверкнул ятаган чародейского воина, и могучий дуб рухнул наземь, срезанный, как подсолнух, одним ударом.

– Так будет с тобой, сэр рыцарь.

До слуха Мастера Ри, словно издалека, донесся голос: «Это твой путь».

– Я берусь за это дело.

– Ха! Еще бы тебе не взяться! Несчастный, что ты знаешь об этом мире, о его чудесах и силах? Воистину ничего!

– И этот сопляк должен решать судьбы королевств! – презрительно процедил сквозь зубы юный Ланселот.

– Прощай, рыцарь. Помни, кто у тебя за правым плечом...

Вскочив в седло, Король Артур рысью погнал коня вниз по склону. Вслед за ним устремились и двое его спутников, успевших осоловеть от безделья во время разговора Короля с неучтивым чужестранцем; вскоре странная тройца исчезла из вида, словно её и не было.

Восточный ветер налетел свежей волной, бросив в пространство: «Всё тщета. Всё не то».

Мастер Ри глянул на поверженный дуб, засунул меч за пояс и, подхватив куль с доспехами и провиантом, стал спускаться с холма.

Глава пятая

Приват-доцент Пим Пимский был человеком глубоко пьющим. Если на занятиях в университете он еще как-то держал себя в руках, то к вечеру расклеивался и, как правило, напивался.

Обычно ходил по гостям, особым нюхом чуя, в каком доме сегодня прием, или кутеж, или игра. Хотя сам в карты не играл, любил, однако, присутствовать. Потому что к его услугам всегда был буфет. Пима тоже любили – за всякие экстравагантные выходки и безудержную склонность к напыщенным речам на исторические темы. В речах этих перемешивал он времена и эпохи, помещал кровавых тиранов прошлого в либеральную современность, и наоборот, веле-речивых думских деятелей – в темное средневековье, где особо не разговоришься.

Была уже ночь. На улице разыгралась непогода. Вовсю лупил холодный дождь, от порывов ветра содрогались стекла окон. Капли молотили в окна, словно армия маленьких, но беспощадных троллей-камикадзе в ворота осажденной крепости.

Пимского еще до дождя привез домой с очередного кутежа дюк Глебуардус. Приват-доцент был, что называется, «в дрова». Пришлось дюку, как это случалось уже не раз, уложить пьяного товарища на кровать.

Пелагеи, служанки и домработницы Пимского, дома не оказалось, он обычно отпускал ее на выходные. Дюк вышел на улицу, хлопнул дверью, проверил, хорошо ли заперлась, и укатил.

Среди ночи Пимский проснулся. Всякий пьющий человек хорошо знает, что за напасть эти ночные пробуждения с перепою. Ведь, собака, мало того что душа наизнанку, так еще и помнишь всё, что вчера начудил, и до того стыдно, до того отвратительно, до того себя презираешь... И ведь, если снова не выпьешь – до утра не уснуть.

Пим, когда с ним случалось это несчастье, спасался розовым ликерчиком, который делала ему Пелагея по особому рецепту. Этому искусству она научилась, когда была в дворовых девках у князей Новгородских. Ликерчик Пимский употреблял маленькими стопочками, чтобы всё шло плавно и естественно. Усаживался в свое знаменитое кресло неизвестной этнокультурной принадлежности, ставил бутылку рядом и принимался за дело.

Кресло Пимского, как и весь интерьер кабинета, заслуживало подробного описания. Обширное дубовое кресло, имея глубокую посадку, опиралось на четыре мощные когтистые лапы, а от широких подлокотников отходили небольшие, крепкие крылья с филигранной резьбы перьями; венчала всё весьма правдоподобно вырезанная морда филина над изогнутой спинкой, которая, судя по всё тем же перьям, была спиной этой самой неведомой птицы о четырех лапах.

Вокруг кресла стояли два журнальных и один ломберный столик, все от разных гарнитуров, все три завалены какими-то манускриптами, разрозненными листами плотной желтой бумаги, какая употреблялась два столетия тому назад, свитками древнего пергамента и современными книгами.

У стены, рядом с диваном, имелось массивное бюро восемнадцатого века, за которым любил работать Пимский. На бюро громоздилась настольная лампа с малахитовой подставкой. У прочих же стен высились монументальные книжные шкафы, битком набитые книгами. С потолка на трех цепях свисала люстра, выполненная в средневековом духе, с плафонами из фряжского стекла.

Пимский сидел при свечах – на ломберном столе имелся подсвечник. Приват-доцент уже успел пропустить полдюжины стопочек, уже немного попустило на душе, уже воспоминания о вчерашних безобразиях потускнели и не досаждали, уже мысленный взор его блуждал в исторических материях. Время от времени он даже начинал бормотать: «Афиняне, сволочи, убили Фокиона... Сократа, подлецы... Всех убили... Всегда вот так...»

Вдруг в двери кабинета медленно вошел человек в черном мокром плаще.

– Здравствуй, Пимский, – сказал человек, сбрасывая плащ на спинку другого кресла, вполне обыкновенного, обтянутого кожей. – С чего это афинян ругаешь?

Пимский поднял взгляд на гостя. В и без того хмельной голове всё словно потекло. Он не знал, следует ли удивляться визитеру или у них было договорено? Он сейчас не мог бы даже твердо сказать, какое время суток – вечер, ночь, или уже светает, но из-за дождя по-прежнему темно? Поэтому отвечать не стал и не нашел в себе сил спросить у гостя, кто тот таков.

– О! Каков фамилия – разит, однако! – Гость потянул носом воздух. – Набрался, Пимский?

– Чем имею? – наконец выдавил из себя приват-доцент.

Гость блеснул моноклем и уселся в кресло, закинув ногу за ногу.

– Ну-с, приступим, – по-хозяйски произнес он.

Пимский смотрел на него и никак не мог подумать, ухватить хоть что-то отчетливое. Его не удивляло, каким образом гость проник в его квартиру, а между тем Символист Василий, так звали гостя, воспользовался обыкновенной воровской отмычкой. Его не удивляло, что гость может так бесцеремонно требовать внимания. Ничего его не удивляло. Единственное, на что сподобился приват-доцент – наполнить еще одну стопку и выпить единым глотком.

– Значит, афинянами недоволен, – еще раз помянул гость афинян. – А меня не узнаешь?

Пимскому почудилось, что он напоминает этого человека, что где-то когда-то между ними что-то было... или могло быть?... или еще будет? Он помотал головой – в не й как будто несколько прояснилось. Но возникла тревога. Он посмотрел на Символиста уже с беспокойством.

– Ну так я тебе напому. Символист Василий. В своем роде, свободный художник. – Гость хохотнул.

Этот смех не понравился Пимскому. Но в голове уже возникли названия брошюр: «Символист и Луна», «Мироздание и честный Символист». И были эти названия из мира двадцатого столетия.

Пимский часто вспоминал двадцатое столетие. И все эти машины, механизмы, книги и моды не казались ему чем-то диковинным. Эти образы приходили к нему из памяти Григория Цареграда. Да вот беда – помнил всё это Пимский только будучи сильно пьяным, а протрезвев, напрочь забывал. И снов, какие снились тому же Григорию, не видел и о существовании двойника не подозревал.

– Что-то припоминаю, – признал приват-доцент. – Пойдите. «Символист и Луна» – не ваша ли вещь?

– Моя, – усмехнулся гость. – Поест ли найдется? Замерз как бобик.

– Я отпустил Пелагею. Могу налить. – Пимский приподнял бутылку за горлышко.

– Этого не употребляю. Чай есть?

– Есть, но меня, понимаешь, ноги не держат.

– Я сам разберусь.

Гость вышел на кухню. «Ну сам так сам», – подумал Пимский и употребил еще стопку. А потом еще одну.

Вскоре Символист вернулся с подносом, уставленным провизией. Похоже было, что он основательно выпотрошил запасы Пимского. Тут были и большой земляной орех, произрастающий на востоке, в Поднебесной империи, и миндаль в сахаре, и конфеты, и любимые ванильные пирожные Пимского. Символист Василий водрузил всё это на ломберный столик, прямо поверх рукописей, снова вышел и вернулся с самоваром и большой литровой бутылкой кваса.

Снова расположился в кресле, не спеша налил себе чаю, – хозяину не предложил, – кинул в рот пригоршню миндаля и, прожевав, сказал:

– А скажи мне, Пимский, откуда ты так хорошо знаешь будущее? Что интересно – только двадцатый век.

– Откуда мне знать? – хмуро ответил тот.

– Ну как же. Повесть «Символист и Луна» написана в двадцатом веке. И написана мною. Так-то. Признайся, ты знаешь, что такое «самолет» или, скажем, «танк», а? Ну шевели мозгами!

– Знаю, – подтвердил Пимский. – Слова знакомые, и как выглядят знаю. Да что вы... Символист поморщился:

– Пимский, давай на «ты». Скажи, что ты по этому поводу думаешь?

– На ты, так на ты.

– Да нет же, я о твоём знании двадцатого века.

– Шут его знает. Делириум.

– Да нет, Пимский, не горячка у тебя. Пимский, ты почему не помнишь? Ты врешь, ты всё помнишь! Ты не можешь не помнить, ты ведь так устроен, чтобы помнить всё! Ты же знаешь, кто тебя таким устроил!

– Грехи мои тяжкие, – медленно и вдумчиво произнес Пимский. И протянул руку за бутылку.

– Хватит пить. – Символист поднялся и бесцеремонно отобрал бутылку. – У нас серьезный разговор. Я долго тебя искал. Ты думаешь, я забыл наши прошлые встречи? Где твои грома, где молнии? Ты решил играть со мной? Играть в пьянчугу?

Пимский всей пятерней сдвинул лицо. Хмель куда-то улетучился, Пим уже не был тем приват-доцентом, чудаковатым историком, точнее, был не только им, но и кем-то еще. Тем, кто на самом деле когда-то, в иных мирах встречался с этим существом, которое нынче сидело перед ним и разрезало земляной орех. Но Символист удивлялся не зря, Пимский на самом деле ничего этого не помнил, словно кто-то запер на ключ его глубинные воспоминания.

Василий блеснул моноклем, бегло глянув в глаза Пимскому, – не вспомнил ли тот. Пимский смотрел на Символиста жестко и враждебно. Но и только. Откуда-то он знал, что Символист – враг, смертельный и беспощадный. Но не понимал истоков и смысла этой вражды.

Символист очистил орех, отрезал дольку и съел. Запил квасом. Поставил чашку на стол и, вдруг изменившись в лице, вскочил и закричал:

– Забыл, как топил меня в Меконге?! Забыл, как замуровал меня в пирамиде?! Забыл, кто тебя предал в руки жрецов «Щита»? А как рвали тебя на куски голодные львы?! Неужели ты и это забыл?!

Вспышка Символиста закончилась так же внезапно, как и началась. Он вернулся в свое кресло и взял ванильное пирожное.

Пимский понимал, что всё, о чем говорил гость, было. Но не вспоминалось ничего.

А Василий пытался напомнить об их встречах в иных мирах. Была история с рекой, которую сейчас Символист называл Меконгом. На самом деле река называлась Змеей, и текла в ней не вода, а жидкий метан. И на людей оба они нимало не походили. А уж о сути конфликта и вовсе рассказать тяжело. Пирамида была в аналоге древней Мексики. Символист узурпировал трон, а Пимский, которого, как, впрочем, и Василия, звали совсем не так, был в той стране оракулом и предрек гибель народа, если узурпатор не принесет себя в жертву. Из-за предсказания вспыхнул мятеж военачальников. Символист был принесен в жертву, положен в яму, сверху придавлен базальтовой плитой. И над этим местом воздвигли пирамиду.

Со жрецами «Щита» история вышла более содержательной. Оба, и Пим и Василий, были жрецами. Государство напоминало Древний Египет Нового царства. Символист был одним из вдохновителей тайного культа Щита. Эта секта существовала внутри египетского жречества, и целью их было не допустить второго Эхнатона с его «мерзким культом Единого Солнца». Защищали они отнюдь не пантеон египетских богов, а нечто другое. Щитоносцы тайно поклонялись Хозяину Ночи. Который, по их представлениям, должен был вот-вот воцариться в мире богов, сделав их своими рабами. А для этого следовало нести стражу, дабы боги не ведали

о скором пришествии Хозяина и ничем не могли ему помешать. Помешать могло воцарение культа Единого Солнца, бога, который изначально был великим воителем с силами хаоса и мрака, мистических ипостасей Хозяина Ночи.

Съев пирожное, Символист вновь заговорил, на этот раз негромко.

Он несколько успокоился. Когда зашел к Пимскому и увидел, что тот пьян, решил покушаться. Ему было смешно оттого, что Пимский его не узнает и пропускает уколы. Но потом стало не до смеха. Сообразил, что Пимский его не узнает вовсе не из-за Бахуса, и не прикидывается. С такой петрушкой Символист столкнулся впервые. Во все их прошлые встречи, в иных мирах, узнавание происходило мгновенно, да иначе и быть-то не могло. Как два полюса магнита чувствуют друг друга, так и эти два заклятых врага, воюющие чуть ли не самое Вечность, узнавали о присутствии противника в этом мире на любом расстоянии.

А на сей раз, мало того что Символисту пришлось изрядно потрудиться, разыскивая Пимского, так этот самый Пимский и в самом деле ничего не помнил. Символисту подумалось, что это неспроста, что сила, которая стоит за Пимским, устроила ему неожиданную ловушку. А ведь и Символист в этот раз, в этот мир пришел не с голыми руками. Имелось у него тайное оружие. Если бы только Пимский помнил – ничто бы тогда не спасло ни его, ни его друзей-соратников.

И Символист сорвался, потерял самообладание. Но поняв, что и это всё ни к чему, – ни к чему не вело даже убийство Пимского, – Символист решил действовать иначе. Имелся у него и другой план, более изощренный. Если крепость нельзя взять приступом, в силу невидимости ее стен и защитников, так возьмем подкупом. Авось, кто-то и покажется, выйдет из невидимых ворот.

Итак, Символист заговорил негромко.

– Слушай, Пимский, внимательно меня слушай. Вы всегда проигрывали. Всегда. Никогда и нигде вы не могли избавиться от нас. А наша власть только росла. В чем была наша власть? В том, чтобы не было вашей абсолютной власти. Но теперь всё меняется. Теперь наша власть – чтобы вас не было совсем. Вы обречены. Это предсказано издревле во всех мирах. И ваш хозяин прекрасно осведомлен. Он жертвует вами. Для него ничто были страдания ваши и множества существ, ради которых вы якобы стараетесь. Вы думаете – вы бессмертны? Вы думаете – вы непобедимы? Не-ет! – Символист Василий помахал пальцем перед носом Пимского. – Вы исчезнете из всех миров! Все и бесследно. Ты понял, бесследно! Если не думаешь о себе, хоть о других подумай. Ты всё равно вспомнишь, рано или поздно. И тогда твоих друзей в других мирах ничто не спасет. Их ждет небытие. Я мог бы сейчас говорить это твоему двойнику, как его, кстати, зовут?.. – Символист сделал паузу, внимательно глядя на Пимского.

Тот молчал, хотя и вполне осмысленно, но что с того?

– Тебе выпал исключительный шанс, один из миллиарда миллиардов. Я дарую тебе вечность. Скоро ты поймешь, насколько я прав. Не опоздай присоединиться к сильнейшему! Вселенные станут одним миром, новым мирозданием, нашим мирозданием! Всякая сущая ныне жизнь истребится. Мы создадим новые сущности, гораздо более разумные и правильные. Смотри, не опоздай стать на сторону Хозяина Мира! Ибо близится последняя битва.

Символист вещал. Он расхаживал по кабинету, жестикулировал и гримасничал. Мысленно он уже видел эту титаническую картину гибели вселенных. И был в числе демиургов нового миропорядка.

Но вот он остановился, глянул на часы. И уже иным, вполне деловым тоном, произнес:

– Ну вот-с, и поговорили, господин приват-доцент. Я вас навещу намеренно. Вы обдумайте мое предложение. Спешить не надо. Главное, чтобы мы оба могли поговорить по существу. Надеюсь, к сроку вы вспомните, откуда пришли и куда, собственно, идете. Да. Пирожные были неплохие, но орех перезрелый. Можешь себе позволить самые лучшие продукты, а такую гадость покупаешь.

Символист натянул плащ и вплотную приблизился к Пимскому, всё так же сидящему в кресле. Василию то ли показалось, то ли так оно и было – Пимский ныне в полной его власти, что его воля, которую Символист никогда не мог победить, на этот раз побеждена. Поэтому он пошел на последний трюк, который проделывал только с простыми смертными. Он подхватил бронзовый поднос, на котором приносил из кухни еду, взял его под мышку и, обернувшись к Пимскому, промолвил:

– Ну, что ж, теперь и ты мне должен. Так даже лучше. Жди меня, Пимский, скоро.

И с тем ушел.

Пимский поднялся из своего фантастического кресла, шагнул за бутылкой розового ликера, стоявшей под креслом, где еще недавно сидел Символист, но ноги его подкосились, и он упал на ковер. Упал и забылся сном. Все-таки он был очень пьян.

Глава шестая

После встречи с Королем Артуром направление пути Мастера Ри обратилось к северу. Башибузук с кривым ятаганом не досаждал, напротив, сколько б Мастер Ри ни оборачивался, всякий раз видел дремлющего янычара. Для прочих же башибузук был совершенно незрим.

День шел за днем. Постепенно вид местности менялся. Всё меньше попадалось полей с аккуратными стогами сена, деревень и городков, обнесенных надежным частоколом. Лес густел, поля становились всё запущеннее, словно на них давно уже не сеяли и не убирали. Иногда, то на холме, то на одиноком утесе возвышались замки, один нелепее и несчастнее другого. Дорога становилась всё безлюдней. Случалось, за целый день не встретишь ни души: ни пешей, ни конной.

До поры до времени ничто не нарушало однообразия пути.

Беда случилась в лесу. Старый был лес, большой, но ни крика, ни писка зверя или птицы, ни одного живого голоса не слышно было в этом лесу. Лесная дорога была завалена перегнившей листвой, местами ее преграждали стволы упавших деревьев. И к вечеру, когда сгустились сумерки, в голове словно взорвалось, словно ударило изнутри, он даже споткнулся о выпирающий из земли корень и упал. И вдруг почувствовал, что не в силах подняться: слабость и необычайная сонливость. Но, будучи катанабуси, он мог заставить себя действовать помимо желаний и нежеланий тела. Озарилась воля, он поднялся и двинулся вперед, как слепой, держащийся за посох поводыря.

Его разум словно накрыло плотное свинцовое облако. Всё стало безнадежно пусто и уныло в этом сумрачном и печальном мире. Здесь некуда и незачем идти, все пути ведут в никуда, в безбрежное море мрака. У этого сумеречного моря нет ни начала, ни окончания; здесь властвует многоликая безысходность: то устрашающая, неистовствующая, то мягкая и вкрадчивая, убаюкивающая, то холодная, выстуживающая, то опускающаяся как снег, но тяжелая как урановое покрывало. Не нужно тебе, рыцарь, никуда идти, потому что безысходность, овладевшая миром, для которой всё равно чем владеть, – человеком ли, морем или горой, или воздухом над землей – уже здесь, и нет, и не может быть от нее спасения.

Но Мастер Ри всё шел, точнее брел, утратив ощущение пространства, и время для него словно остановилось. То и дело натываясь на деревья, он ничего не видел, а между тем дорога под ногами давно исчезла; он проламывался сквозь дремучую чащобу.

Когда весь изодранный, едва волоча ноги, он выбрался из леса, солнце стояло на закате. На опушке безнадежность и тяжесть отступили, рассеялся мрак перед глазами – он снова мог видеть и чувствовать. Но чувствовал он только боль и безнадежность. И слабость осталась; если бы не его особенная воля, он не смог бы сделать и шагу.

Впереди клубился бледный дымок. Наверное, село или хотя бы хутор. Волоча избитое, будто чужое тело, он двинулся туда. Вскоре из-за деревьев показались крыши.

На поверку хутор оказался обыкновенным домиком с пристройками, с огородом вокруг да стогами сена на небольшом, тщательно убранном поле.

На пороге стоял немолодой, могучего телосложения мужчина. Он был похож на воина, благородного рыцаря, а не крестьянина. За поясом у него торчал кинжал, на рукоять которого он положил руку при виде вооруженного человека.

На пороге появилась хозяйка и, мягко взяв за локоть мужчину, произнесла:

– Этот рыцарь болен, Труворд.

Тот опустил руку и шагнул в сторону:

– Входи, воин.

Воля, владевшая телом катанабуси, уступила место мягкой власти голоса хозяйки. Мастер Ри мешком рухнул в траву.

Кириллу и в эту ночь снился иканийский рыцарь. В этих снах Кирилл забывал о себе и становился Мастером Ри. Но, в отличие от реального катанабуси, он не переживал той глубины чувств – мук ли, радости ли, потому что жизнь странствующего рыцаря была всё же жизнью странствующего рыцаря, и как бы они не были связаны, каждый должен был пройти свой жизненный путь.

Но неведомая сила, овладевшая Мастером Ри в колдовском лесу, бумерангом ударила и по Кириллу Белозёрову. Он не был катанабуси, и не мог он сопротивляться чужой беспощадной воле, вынырнувшей из чужого мира, сопротивляться этому чувству бессмысленности всего сущего. Он лишь закричал, заметался в постели, пытаясь скинуть с себя оковы сна, но они держали крепче самого крепкого железа.

И вдруг он оказался в пустоте. Это была не пустота теплой ночи, не пустота космического пространства. Абсолютное ничто смотрело на Кирилла, и он ощутил *взгляд*, исполненный холодной злобы. Не было ничего в мире, кроме этого взгляда, этой злобы. Он снова закричал в тщетной попытке освободиться. «Велика моя власть, и ты в моей власти», – говорил *взгляд*.

Кирилл не слышал, как Алла, отчаявшись привести его в чувство, набирала номер телефона скорой помощи. Он был на грани, отделяющей жизнь от смерти.

Он летел на космическом корабле. Сидел в рубке и смотрел на экраны. На экранах блистали немигающие звезды, множество разноцветных, сияющих светил. И казалось, что звезды – это догорающие костры, это тлеющие руины домов, это коптящие и вздрагивающие от порывов ветра факелы в темном подземелье. А пространство – огромное и прожорливое чудовище, навеки поглотившее его корабль-песчинку. Пульт управления, и тот, казалось, мигал и переливался сполохами тревоги.

Прямо по курсу – зеленая планета, цель его долгого странствия. Он сбросил скорость и повел корабль на посадку.

Звездолет снижался, а планета уже менялась.

Нет, не двигатели обезображивали ее. Что-то происходило с самим миром: белоснежные горные вершины становились призматическими надгробными глыбами, радостно-зеленые верхушки холмов превращались в угрюмые безжизненные плечи. Деревья расплывались корявыми тягучими тенями, кусты рассыпались на биллионы копошащихся насекомых, бессмысленно нагребавших по крупницам кучи смолянисто-черного, едко дымящегося песка, возникшего там, где только что колыхался бархатный ковер серебристо-жемчужных и изумрудных трав.

Корабль оказался на острие чудовищного меча, беспощадно падавшего на эту зелено-голубую планету. Враждебная реальность, несомая кораблем Кирилла, вторгаясь в чужой мир, превращала его в нечто ирреальное, в мертвенно-спящее подобие живописи Сальвадора Дали. Звери превращались в пляшущих монстров, реки и озера становились желеобразными наледями или гигантскими свинцовыми лоскутами тяжело всплывали в небо, оставляя земле черные раны котлованов. Стая красивых розовых птиц обернулась сонмищем членистокрылых, которые, лениво помахивая уродливыми перепонками, покрикивая тухлыми голосами и алчно поблескивая глазами, увязались за кораблем.

У него был выбор – посадить корабль, навсегда превратив этот мир в могилу, или улететь прочь, и будь что будет.

Он принял решение – звездолет начал набор высоты. И членистокрылые, оставшись позади, снова превратились в красивых птиц. Планета снова оделась зеленой листвой, чистыми реками и озерами, белыми шапками ледников.

Но возникло оно. Оно не могло принадлежать этому миру, оно было вообще вне всякого мира. Его не должно было быть здесь, не могло оно встать на пути корабля. Но оно встало, и его невозможно было избежать.

И был скрежет металла и грохот взрыва. Обломки корабля падали в зелень, снова превращая ее в смутный бред, на этот раз – навсегда.

Врачи приехали вовремя. Искусственное дыхание, непрямой массаж сердца, дефибрилятор. Остановившееся сердце забилося вновь. Карета скорой помощи мчала Кирилла по ночному городу.

А он, с головы до ног закованный в тяжелый доспех, нёсся верхом на драконе по выжженным дотла просторам. Он знал, что должен успеть кому-то помочь, и дракон мчал быстрее стрелы. Низкое рубиновое светило разливало кровавый сумрак, обугленные останки деревьев под ударами крыльев дракона рассыпались в прах. Казалось, облако пыли за спиной всадника растянуто угасающим временем на многие мили.

Вдалеке возник столб смоляно-черного дыма. Это горел окруженный врагами лагерь. Кирилл спешил и выхватил меч. Устоять перед ним не смог бы никто.

Лагерь защищала лишь баррикада из массивных телег. Телеги горели.

Дракон изрыгнул пламя, враги, какие-то низкорослые гоблины, трусливо расступились, путь стал свободен. Сейчас он выведет друзей из огненного кольца, и – спасены.

В тот же миг из ниоткуда вынырнул он.

Он был холодом самой студеной, не знающей рассветов, ночи. Его нельзя было миновать или победить. Кирилл замер с поднятым мечом, и сотни стрел, копий и клинков пробili его доспех.

Тем, ради кого он вступил в бой, надеяться было больше не на что: Кирилл Белозёров умер.

Дефибрилляция, еще дефибрилляция, инъекция адреналина. Остановившееся сердце забилося вновь.

Потом он был горноспасателем, ангелом со сломанным крылом, еще кем-то...

И вдруг всё закончилось. Кирилл открыл глаза и увидел лицо склонившейся над ним жены. Она что-то говорила, но он ничего не мог разобрать.

Он лежал на койке, в палате интенсивной терапии, в отдельном боксе. От руки тянулась змейка капельницы, мерно пикал кардиометр.

Пожилой профессор, местное светило кардиологии, которого Алла своим звонком подняла среди ночи прямо с постели, вывел ее в коридор.

– Леонид Анатольевич, что вы скажете?

– Голубушка, я могу сказать одно, сейчас он вне опасности. Но если вы спросите, встречался ли я с подобным в своей практике, отвечу честно – случай уникальный. Рефлекторная остановка кровообращения, причем несколько раз, без видимых причин... Сердце-то ведь здоровое. Пять запусков подряд выдержало... Не знаю, не знаю... – Профессор развел руками. – Никаких органических нарушений нет. Уверен, если до утра эти странные приступы не повторятся, всё будет в порядке. Получите своего молодца живым и здоровым. Но недельку подержим, понаблюдаем. Так сказать, от греха подальше.

Когда Кирилл проснулся, первое, что он произнес – неразборчиво, плохо выговаривая слова, – была странная, на взгляд Аллы, фраза:

– Вера – это когда выталкиваешь этот мир к Богу.

Мастер Ри очнулся, когда женщина подошла и села на краешек кровати. Низкий потолок, закопченные дубовые балки, треск поленьев в камине; лучи света пятнами лежат на стенах. Тихо. Пахнет знакомым с детства – сдобой.

Он взглянул на женщину. Русоволосая, то ли молодая, то ли нет; смотрит серьезно, а в уголках губ прячется улыбка. Ему показалось, что он знает ее, словно бы встречал когда-то, словно бы знал ее всегда.

В руках она держала кружку. Он хотел приподняться, но понял, что не в силах оторвать голову от подушки. Тогда он закрыл глаза, и пришло воспоминание.

Это было летом десятого года его жизни. В то утро он проснулся рано, собрался идти в лес – вырезать из орешника удилище. В доме царил тот самый аромат сдобы и еще чего-то неуловимо знакомого, что бывает только в родном доме и только в детстве. Тихонько встал, проскользнул в кухню, где уже хозяйничала мама, и, взяв нож, вышел из дому.

Он шел по лесной дороге, придиричиво глядя в заросли орешника, росшего по обе стороны, – ведь удилище должно быть и ровным, и длинным, – когда впереди послышался мерный стук копыт. Он отступил с дороги, из-за поворота выехал всадник, верхом на исполинской, как ему показалось, лошади. На всаднике был алый плащ с белой подкладкой, у луки седла – копьё, за спиной, в ножнах – длинный меч. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь листву, и по плащу, по плечам всадника прыгали солнечные зайчики, а длинные волосы, казалось, испускали сияние.

Поравнявшись с мальчиком, воин обернулся, улыбка чуть тронула губы, а рука приподнялась в приветственном жесте. Мальчик так и замер с открытым ртом: впервые он увидел живого катанабуси, воина меча, защитника родных Конских островов.

А вечером того же дня – впрочем, это сейчас ему кажется, что того же, но вполне может быть, что и другого, к ним в дом пришел гость в сером плаще, и они с мамой долго разговаривали в горнице. А потом мать позвала его, и в ее взгляде были гордость и тревога. Человек в сером внимательно и цепко заглянул ему в глаза и, кивнув, произнес: «Да, это его путь».

Человек в сером плаще был воином духа, айконадзобуси. Он благословил Мастера Ри на его путь – путь воина меча, путь катанабуси.

Он вновь открыл глаза, воспоминание растворилось в солнечных бликах и шорохе голубей под крышей. Женщина приподняла ему голову – щека ощутила прикосновение ее волос, – и поднесла кружку к губам. Там оказалось обыкновенное молоко. Мастер Ри выпил совсем немного, но ему стало легче – он снова мог говорить.

– Как твое имя? – спросил он, медленно выговаривая сложные слова северного наречия.

– Можешь звать меня Хозяюшкой, воин, так зовут меня все, кто со мной дружен.

– Я – Мастер Ри, рыцарь...

– Я знаю, ты с Конских островов. А я... Хочешь узнать – послушай сказку, Мастер Ри.

Хозяюшка отодвинулась, лицо стало отрешенным. И в тихое пространство дома словно проник шум давних времен.

– Давным-давно, – рассказывала Хозяюшка, – в одном маленьком королевстве северо-запада, из тех, что словно из ниоткуда возникали на месте пепелищ, но столь же легко приходили в упадок и гибли, жила принцесса, единственная наследница трона. Король нежно любил свою дочь. И думал о подходящей партии для нее. Ему хотелось, чтобы брак укрепил королевство и вместе с тем принес счастье дочери. Однако она не спешила отдавать свое сердце. Впрочем, и сам король был доволен осмотрительностью принцессы. Всеобщая любимица, она могла позволить себе самые причудливые капризы, но этого не было. Принцесса была серьезна и редко смеялась. Казалось, она предчувствовала необычное и удивительное, что должно было однажды войти в ее жизнь.

Приступ странной болезни впервые случился с нею, когда король решил начать большую войну. Король послал гонцов к своим союзникам, чтобы те явились к нему держать совет. Однако время шло, а гонцы всё не возвращались.

Однажды, когда все обедали в охотничьей зале дворца, принцесса встала и обратилась к королю с такими словами:

– Отец мой, король! Умоляю тебя, не мешкая собирай дружину и скачи в Северные горы, за перевалы, там твои гонцы в большой беде и вызывают о помощи.

– Опомнись, дочь, – отвечал король, – кто тебе сказал такое? Даже если правда, что ты говоришь, нельзя поспешно выступать навстречу неведомой опасности. От основания королевства не бывало в нем такого.

Но принцесса всё твердила свое и ходила как безумная три дня. А через три дня и три ночи пришла она к королю. Король держал совет со своей дружиной в тронном зале. Она вошла и сказала «Они мертвы» и замолчала. И вновь была принцесса спокойна, безумие оставило ее.

Король тоже успокоился, однако спокойствие его было недолгим – приступы стали повторяться – принцесса умоляла помочь попавшим в беду, спасти неведомых людей. Вскоре открылось, что в словах ее есть истина и молила она не напрасно. Но это лишь породило слухи, – сперва при дворе, а затем и в народе – мол, наследница безумна, а то и вовсе ведьма, мол, злым чародейством изводит людей со света, а затем слезы свои ведьмовские по ним проливает; и это грозит королевству бедой, и что лучше бы ей исчезнуть, сгинуть.

Отец даже ради блага всего королевства не причинил бы дочери и малейшей боли. Но она тоже любила отца. Однажды вечером вывела своего любимого коня из королевской конюшни и покинула те земли навсегда. И ничего о ней с тех пор в королевстве не слыхали.

Хозяюшка прервала свой рассказ.

– Хозяюшка, эта история – твоя? А что было дальше, как сложился путь принцессы? – спросил катанабуси.

– Дальше была жизнь, длинная, какие бывают только в сказках. Принцесса стала помогать всем, кто просит помощи на трудном пути. Как просил ты, воин.

– Я не просил...

– Просил, воин. Ведь я услышала и привела тебя в свой дом. Так ясно увидела, что ждет тебя – слепое блуждание в чародейском лесу, пока последние силы не оставят тебя, а потом уснул бы ты колдовским сном и спал бы, покуда не остановилось твое сердце. Ах, воин, люди так часто просят о помощи, но почему слышны мольбы лишь немногих? Я помогла бы всем, у меня много сил, я бы смогла. Но их слов не слышно, ведь они не просят, они лишь произносят слова, бедные страдалцы. А когда, наконец, вспомнят, кого просить – это случается так поздно, что даже я не всегда успеваю...

– Хозяюшка, вышло так, что твой дом оказался у меня на пути. А если бы ты жила за тридевять земель?

– А я и живу за тридевять земель. Там наш дом – мой и Труворда. Ему я тоже помогла когда-то. Он полюбил меня и остался со мной. Не испугался разделить ношу... Но довольно воспоминаний. Тебе, воин, надо хорошо отдохнуть. Тебя ждет долгий путь. И я вижу тень смерти у тебя за плечом.

Мастер Ри вспомнил о башибузуке и осторожно повернул голову – того не было.

– Нет, – покачала головой Хозяюшка, – здесь, в моем доме даже эта тень отступает. Но ты ведь не останешься навечно здесь затворником, а избавить тебя от тени я не могу. Отдыхай, Мастер Ри. Сейчас я еще напою тебя и накормлю. К тебе вернутся силы. А завтра в путь.

Вечером на пороге дома возник странник.

– Ну, вот я и пришел, Хозяюшка, – сказал странник и постучал посохом по крыльцу.

Она кивнула и прошла мимо, неся в дом крынку с парным молоком.

– Болен, стало быть, – странник подошел к постели катанабуси с таким видом, словно они были знакомы уже лет сто и виделись в последний раз не далее вчерашнего, и положил свою шершавую ладонь на лоб Мастера Ри. – Выздоровливаешь. Ну что ж, завтра с рассветом уходим.

Странник подсел к огню. Там он просидел весь вечер. Что-то перебирал в походном мешке, что-то штопал, читал в ветхой книге, время от времени подкидывая дровишки в очаг. Пламя уютно играло тенями на бревенчатых стенах. Мастер Ри заснул...

– Вставай, лежебока! – Странник толкал его в бок. – Вот и утро. Пора идти любоваться рассветом.

Мастер Ри поднялся. Вчерашней разбитости как не бывало – он ощущал себя легким и отдохнувшим. Хозяйшка накрыла стол, они позавтракали, все вчетвером. А потом, собрав вещи, странник с катанабуси вышли из дома.

– Ну, стало быть, мы ушли, – попрощался странник и зашагал в сторону леса.

– Прощайте. Спасибо вам, – поблагодарил Мастер Ри.

– Не благодари за помощь. До свидания, Мастер Ри, отважный воин. Мне нечего дать тебе с собой, но пусть улыбнется тебе удача и дух твоего народа да будет с тобой, – Хозяйшка прощально помахала рукой.

Молчаливый Труворд стоял рядом с ней и улыбался.

Мастер Ри со странником углубились в лес и пошли по тропе, петляющей среди редких деревьев. Катанабуси обернулся, чтобы еще раз увидеть гостеприимный дом – но странно, даже дыма уже не было видно.

Еще немного они прошли и незаметно очутились на большаке. Остановились осмотреться.

– Однако отклонился ты, рыцарь, – заговорил первым странник. – Ведь тебе на север и к востоку?

– Туда я иду.

– Эта дорога ведет в иную сторону. Разве не знал?

– Нет. Я шел по тракту, но в лесу сбился с пути. Сильно отклониться, думаю, я не мог.

– Эх, молодо-зелено, – вздохнул странник. – Знаешь, что это за земли? О, здесь тебя ожидает много чудного! Отныне я тебя поведу, так будет вернее. Куда и зачем идешь – то мне ведомо. Дорогу туда я знаю.

Мастер Ри задумался. Лес совсем не походил на позавчерашний – колдовской, страшный. Редколесье тянулось по левую руку большака, – оттуда они и вышли, – а по правую, к востоку, расстился большой луг. Насколько луг велик – сказать было трудно, из-за тумана. Туман стылými струями змеился у земли, а дальше, к горизонту, поднималась розовая стена. Лучи восходящего светила уже проникали эту пелену, чтобы вскоре ее развеять без следа.

Раздался треск ломаемой ветки – через большак перескочила косуля и понеслась по лугу, исчезая в тумане. Мастер Ри проводил ее взглядом и сказал:

– Что ж, води.

– Тогда пошли, рыцарь. Ты верно меня понял. Я тебя выведу. Сначала вот этой дорожкой, ну а потом, как стемнеет, пойдем по звездам. Держать путь по звездам – самое верное в этих местах. Звезды не обманут.

Когда странник, наконец, объявил отдых, присел на поваленное дерево и полез в мешок за едой, Мастер Ри, случайно глянув вправо, обнаружил давно уж не маячившую там фигуру башибузука. Тот как будто мирно посапывал, но был разбужен взглядом Мастера Ри – зевнул, ухмыльнулся и со значением провел пальцем по лезвию сабли.

– Вот она, началась твоя дорожка, рыцарь, – сказал странник, указывая на узкую тропку, уводящую вправо от большака. – Стало быть, по ней нам и идти. А пока давай посидим-поедим.

Вечером, на привале в лесу, у костра, когда на огне поджаривался изловленный Мастером Ри заяц, завязался у них разговор.

– Знаешь, зачем идешь к Железному Грону? – спросил странник.

– По предсказанию Королю Артуру, – ответил катанабуси.

– Нет, рыцарь, в мыслях у тебя иное, – странник смотрел на пламя костра, на аппетитную, истекающую жиром тушку.

– Почему ты ведешь меня? Тебя позвала Хозяюшка?

– Да, она меня просила. Но есть и иная причина, какая – не скажу. А еще мне надо всё видеть. Всё самое главное, что происходит в этом мире. Такая моя судьба – видеть великое и свидетельствовать об увиденном. Знаешь, сколь много брехни родится в головах тех ничтожных, что неспособны подать грош несчастному бедняку, а рядят себя в тоги героев? Знаешь, сколько мерзких дел выдается за великие и созидательные деяния? Поживи с мое – узнаешь. Да, я прихожу только к носителям великих судеб, рыцарь. Твоя судьба тем и привлекла меня. Судьба и Хозяюшка, вот так.

– Ты умеешь читать судьбы, странник? Может, ты волшебник, предвидишь будущее?

– Э-э, пустое. Не волшебник я вовсе. Волшебники и колдуны и близко к землям Железного Грона не ходят. И будущее не могу я предсказать. Меня иное интересует. Слышал о книге судеб?

– Слышал. У нас, иканийцев, есть три книги судеб.

– Нет, эта книга иного рода. Не у людей она, нет. Там, где она пишется, наша жизнь, будь она длиною в один день, будь в тысячу лет – лишь одно слово.

– Может, ты говоришь о знаках судеб? Мы, иканийцы, знаем, что у каждой судьбы есть свой знак – об этом и говорят наши книги.

– О знаках... Пусть будут знаки, видно уж, иначе с тобой, иканийцем, не поговоришь, – махнул рукой странник. И веско изрек: – Знай, о рыцарь, меня не интересуют судьбы, у которых всегда один и тот же знак...

– Но других судеб не бывает, – удивился Мастер Ри.

– Ну да! Есть судьбы, у которых по два, а то и по три знака. Станные они, когда повстречаешь их здесь, среди людей...

– Человек с судьбой разных знаков – разве возможно такое?

– Что ты смыслишь в этом, юный рыцарь? Человек и есть судьба. А судьба – не то, что будет, а что уже есть сам человек, если смотреть оттуда, – странник показал пальцем в ночное небо, – на нас.

– И ты смотрел оттуда?

– Э-э... куда мне.

– Откуда тогда всё это знаешь?

Странник вместо ответа затеял есть зайца. Крякал от удовольствия да нахваливал Мастера Ри за поварское искусство. Только перед сном, когда стали укладываться, зарываясь поудобней в листву, произнес:

– А бывают судьбы вовсе без знака. И такие я тоже ищу, рыцарь.

– Пусть будет с тобой удача, – повторил почти дословно прощальные слова Хозяюшки Мастер Ри и удивился себе.

Да, удивительные люди повстречались на его пути, пришли к нему. Кто их позвал? Или призвал? Чей то был голос ему на холме под дубом? Великие судьбы и судьбы без знака – судя по словам странника, всё это о нем, о Мастере Ри. Но странник, кажется, не собирается больше ничего объяснять.

Но какие бы таинственные силы не угрожали или же благоволили Мастеру Ри на его пути – не могли они лишить его присутствия духа. Пускай до поры до времени всё идет своим чередом, он не станет вмешиваться в ход событий. А когда придет время, тот, чей голос позвал его в путь, укажет ему на это. И тогда вмешательство катанабуси будет как удар молнии: внезапное и окончательное.

Они заснули под негромкое потрескивание догорающего костра.

Глава седьмая

Вот уже вторую неделю Иван Разбой чувствовал себя не в своей тарелке. Работать не мог. Приходил в кинопавильон ровно в десять утра, просто, чтобы чем-то занять себя: привычка быть среди тех, кто зависит от тебя. Помощник подносил свежую кипу газет. Иван усаживался в режиссерское кресло, раскрывал газету, брал в руки ножницы... И так читал и резал, резал и читал до самого обеда. На обед заказывал обычно щи и что-либо из области студня или жареной куропатки. Заедал когда крем-брюлле, когда ванильным мороженым. Запивал исключительно крепким чаем вприкуску.

После обеда он и вовсе распускал труппу и отправлялся восвояси, гулять, куда глаза глядят.

Актеры и персонал пребывали в полной растерянности, о причинах столь странного поведения главного режиссера оставалось лишь гадать. Даже появление на съемках главного мецената, графа Мамайханыча, не вывело Разбоя из состояния мрачной задумчивости.

Между тем всё объяснялось просто и одновременно загадочно: к мучившим в последнее время режиссера снам про двадцатый век и научный институт прибавились куда более неприятные сны про «последний поход».

Сон этот повторялся каждую ночь с завидным постоянством. Каждый раз с неизменной стратегией сценария: он призывался к своему непосредственному начальнику, командиру, монарху, учителю, отцу-настоятелю и отправлялся за Эликсиром Жизни. И вот он уже шел, ехал на осле, коне, бронетранспортере, а то и летел на дирижабле, вертолете, «боинге», птице-фениксе, брел, плыл. И слышался один и тот же звук – бой далеких барабанов, и голос: «Это его последний поход. Это его последний поход...» Голос не был человеческим. Конец же пути венчала встреча с неприятелем. Неприателем был один и тот же человек – то в пышном жреческом одеянии, то в скромной военно-полевой форме, то в сплошном рванье, то в начищенной кольчужке, а то просто в виде отдельно взятой головы. Человек смотрел на Ивана в упор устало-равнодушным взглядом, словно доводя до сведения – «видишь, как оно – я-то здесь по принуждению, а вот ты по своей воле пожаловал».

И невоспроизводимой скороговоркой что-то произносил. Разбой ничего не мог разобрать, он рассыпался на множество мыслей-воспоминаний о прошлых «последних походах» и погибал.

К слову сказать, особенно неприятной штукой в этом весьма похожем на явь сне было то, что в очередной раз, получив задание добыть эликсир, Иван вполне отчетливо помнил, чем заканчивались предыдущие последние походы. И еще, в этом сне он был не собой, а кем-то другим, казалось, персонажем бездарно снятого фильма или плохо написанного романа.

После «гибели» Иван безо всякого перехода попадал в двадцатый век, в лабораторию научного института и становился научным сотрудником, человеком совершенно иной природы. Но и там он не знал покоя: не мог освободиться от мысли, что на самом деле спит.

Сегодня Разбой решил после обеда направиться к Пиму Пимскому, благо не заходил к тому уже чуть ли не месяц. Но того дома не оказалось. Заспанная Пелагея недовольно пробурчала что-то про остывшие блины и скукожившуюся запеканку. На вопрос Разбоя, давно ли ушел Пимский, ответила, что «как ушел с утра на «лексию», так доныне не являлся». И вообще, оказывается, вот уже который день кряду барин уходит с утра, а возвращается затемно, причём «тверёзый и сердитый».

Это было странно. Разбой хорошо усвоил жизненную методику Пимского, знал, сколь большой тот любитель сидеть дома именно что после обеда. Выгнать его на улицу в это время могло разве что нечто совершенно неожиданное.

В задумчивости побрел режиссер домой. Войдя к себе во двор, направился к сараю, который арендовал под механическую мастерскую. Там и пришлось скоротать время до вечера, вытачивая очередную шестеренку к очередным хитрым часам и с тоскою думая о предстоящей ночи с очередным «последним походом»...

Иван Разбой – инженер Иван Разбой – был известен в институте своей добросовестностью. Был он родом из крестьянской семьи, из тех, кого принято называть «куркулями». Когда младший сын (в семье детей было семеро) изъявил желание учиться в городе, родители не стали чинить препятствий, а прикупили ему небольшой домик в городском частном секторе. После смены эпох, домик помогал Ивану пережить трудные времена: Разбой выращивал на приусадебном участке картофель, который бойкая соседка продавала потом на рынке.

Видимо, эта крестьянская жилка сказалась и в его научной добросовестности. Как-то раз начальник Разбоя задумал поставить грандиозный эксперимент. В эксперименте было заложено тридцать серий по двадцать образцов в каждой. Всего, сами понимаете, шестьсот образцов сверхпроводящей керамики. И вот наш Иван два месяца кряду растирал, «давил» на прессе «таблетки» и запекал в лабораторной печи, запекал и растирал...

Но сейчас душевный покой инженера был нарушен. Причиной были странные сомнамбулические состояния, в которые он в последнее время стал впадать в самых неподходящих местах, очень часто прямо на работе. Его и так угнетало, что он переставал быть самим собой, но, кажется, за спиной сотрудники уже обменивались на его счет странными взглядами. И ни к кому не обратишься с бедой, разве что к доктору. Но докторов Иван остерегался, сказывалась крестьянская натура.

Но именно Ивану с его «глюками» суждено было стать началом цепочки удивительных событий, объединивших одним общим делом людей из совершенно разных миров.

Шел он однажды к Марку Самохвалову, поболтать. В темном и низком институтском коридоре повстречал унылого Андрея Дубовика, по кличке Дубовичок Радиоактивнейший. На самом деле, того уже давно отправили в длительный отпуск за свой счет, и зачем он временами наведывался в храм науки, оставалось загадкой.

– Привет, ты как? – спросил Разбой просто чтобы поздороваться.

Выглядел Дубовичок излишне энергично, глаза блестели, одет неважно.

– Дела серьезные. Знаешь, с какими людьми я завязался? Про сеть магазинов «Копенгаген» слышал? Я им всё делаю. Перешиваю чипы в кассовых аппаратах, чтобы сами обнулялись, когда надо, чтобы никакие проверки...

– Да? – Иван понял, что с Дубовичком ему говорить не о чем. – И много платят?

Вопрос Дубовичку не понравился.

– Я ведь только сон, – как-то буднично, ни с того ни с сего сообщил Дубовичок Радиоактивнейший.

– Как это?

Разбою подумалось: «А вдруг и Дубовичок себе снится? А то ведь временами и не знаю – сплю я или бодрствую?»

– Я – сон. И ничего больше. И никого не боюсь! Понял?

Дубовичок нарочито хохотнул и, не видя больше причин задерживаться, пошел своей дорогой.

«Случай у человека тяжелый, – пожал плечами Иван. – Ему бы к психотерапевту... А мне куда? Да, я же к Самохвалову».

На улице валил снег и хлестал ветер. Снег падал в лужи, оставленные вчерашней оттепелью, и превращался в ржавую кашу, в месиво. Всё это летело фонтанами из-под колес машин, хлюпало под ногами прохожих, которые упорно, словно безумные кондитеры, месили и месили

тесто какого-то на редкость несъедобного пирога. Месили, чтобы его отведал тот, кто из года в год насылает на город такую погоду в начале ноября.

Марк Самохвалов был в своей рабочей комнате на четвертом. И угрюмо смотрел в окно на серый мир. Вся жизнь Марк боялся всякого рода неприятных событий, как то: служба в армии, война, неизлечимая болезнь. Боялся перехода, зависания, когда еще не уверен, но уже подозреваешь, что жизнь твоя переменится. Однако оказавшись в гуще событий, Марк обретал иное состояние души, переставали его волновать необычность и опасность. Но сейчас всё казалось скучным, хлюпающим каким-то, как этот грязный снег за окном.

Мысли о собственном сумасшествии, коллективном помешательстве в этой комнате, или о пресловутом психотронном оружии больше не занимали Марка. Он больше не видел никакой трагедии в собственном раздвоении. Даже успел привыкнуть к тому, что его двойник – большой человек. Уже никаких сильных эмоций это не вызывало. Марк старался не задаваться вопросом – кто же он на самом деле. Просто теперь ему с этим жить. Вот и всё.

Дверь распахнулась, и в комнату, диковато озираясь по сторонам, шагнул Иван Разбой.

– Опять я здесь, дюк, – огорченно произнес он. – Ну что ты будешь делать.

Иван развел руками, уже привычно уселся за стол у компьютера.

– Сон, значит, – так же привычно стал рассказывать Разбой. – Вообразите, дюк, мое положение. Наяву кому сказать – сочтут чудачком. Так я хотя бы во сне пожалуюсь. Хотел сегодня излить душу Пимскому, так дома не застал. Забавное дело – жаловаться на сон в ином сне... Вообразите, дюк, снится мне, что я – некий Скирд, дружинник царя Ашоха. И вот вызывает меня их верховный жрец, Агот... Имена одни чего стоят, я наяву таких слыхом не слыхивал. И отправляет меня в поход... За чем бы вы думали?

– За эликсиром жизни, – угрюмо произнес Самохвалов.

– Откуда вы знаете? Впрочем, да, сон. Так, значит, вы всё знаете про последний поход? Вот беда, и здесь мне не найти сочувствия...

Марк потянул из пачки сигарету, неловко чиркнул спичкой – раз, другой. Наконец закурил и, выпустив клуб дыма, осведомился:

– А младший храмовый жрец по имени Иу-ти? В государстве Аату-а?

– Мерзейшее название! Дюк, вся беда в том и заключается, что каждую ночь я делаюсь кем-то иным, новым, и этот новый помнит всё о тех, предыдущих, которые погибли в последних походах! Да, я же там каждый раз погибаю! Хотя и во сне, а всё же неприятно.

– М-да... – Марк думал о чем-то своем. – А скажи, голубчик, фамилия Веров тебе ни о чем не говорит?

– Веров? – Иван почесал в задумчивости щеку. – Веров. Веров... Нет, дюк, ни о чем не говорит. Впрочем... Но это же не из области сновиде...

Разбой качнуло так, что он чуть не слетел со стула. Он в недоумении огляделся.

– Марк, а как я сюда попал? Вот хрень, опять у меня помутнение.

– Не бери в голову.

– Здесь на меня уже косятся. Что делать?

– Спроси об этом Гриню, он тут умный, пусть посоветует какие лекарства.

– Вспомнил, я же к тебе и шел. Кстати, встретил Андрюху Дубовичка...

– Дуб он, а не Дубовичок, – машинально поправил Самохвалов. – Большой, ветвистый, твердый, как все дубы.

– Говорит, что он сон.

– Прикалывается. Соврет – дорого не возьмет.

– На полном серьезе говорит. Нет, серьезно, так и заявил: «Я – сон». Как это понять? Может быть, он тоже снится самому себе, как со мной случается?

– Еще один феномен на мою голову, – сказал Марк. – Ты что, Победитель, Дуб-Дубыча не знаешь? Прикалывается, чтобы другим было так же фигово, как ему.

– Его-то я знаю. Я не знаю, что со мной, – ответил Иван. – Думал у тебя спросить...

– Зачем тебе знать это? Жизнь длинная и небезопасная. Вот и живи. Ты ж у нас Непобежденный Реальностью Победитель – вот и побеждай, – обрубил дискуссию Марк.

Иван Разбой обиделся. Молча поднялся и пошел из комнаты.

– Постой, Ваня, – крикнул ему вслед Самохвалов. – Не обижайся, у меня самого дела хуже некуда. Ты новый роман Верова уже читал?

– Ветрова? Детективщика?

– Константина Верова. Фантастика. Недавно книга вышла.

– Нет. Марк, по фантастике это ж ты главный спец, я больше детективы...

Дверь за Разбоем закрылась. Марк ещё некоторое время курил, расхаживая по комнате, а затем чуть ли не бегом кинулся к Григорию Цареграду.

Тот был на месте – в своем полубоксе-полуподвале. Попивал чаёк и созерцал дисплей компьютера, на котором то рисовались, то рассыпались калейдоскопические узоры.

– Бездельничаешь? – поздоровался Марк.

– Медитирую, – пояснил Гриша, указав чашкой на дисплей. – Хорошая программка получилась. Наблюдай и лови нирвану. Каждому гражданину по личной нирване, большой и увесистой.

– Есть новости. Как говорится, всё страньше да чудесатее... Разбой, Победитель наш, стал видеть чудные сны.

Марк сделал эффектную, как ему казалось, паузу в ожидании вопроса. Но Цареград молчал и невозмутимо смотрел на дисплей. Про сны Ивана наяву он знал. Что может быть чуднее их?

– Да что ты за человек такой! – вспыхнул Самохвалов. – Тебя хоть чем-то пронять можно? Выключи ты эту болботень!

– Ты рассказывай, на самом деле я внимательно слушаю, – не отрываясь от экрана ответил Цареград.

– Слушает он... Ну так слушай. В двух словах – заваливает ко мне Иван, в образе кинорежиссера. Сон, понимаешь, режиссеру новый снится из ночи в ночь. Про его последний поход.

– И?

– А то, что «Последний Поход» – название нового романа некоего Константина Верова.

– О романе тебе Разбой-режиссер сказал?

– Ты фантастику не читаешь?

– Нет, мне и без нее хорошо.

– Веров живет в нашем мире. Здесь! А режиссеру снятся буквально главы его романа! И при этом ни режиссер, ни наш Иван ни о каком Верове не знают. Оцени!

– И как, хорошо пишет?

– Что? Да так себе, все так нынче пишут. Да постой, Грегуар, я о другом. Ты дослушай. Вроде бы наш, местный автор, а с другой стороны – вроде бы и нет никакого Верова. Никто его не видел. У меня с книготорговцами нормальные контакты: и о новинках сообщают, и о новых авторах, и по заказу что надо из столицы привезут. О местных авторах они знают всё. Я и о Верове интересовался. Говорят, что это, само собою, псевдоним, причем неизвестно, одного человека или сразу нескольких. И больше о нем ничего не известно. А теперь выясняется, что и роман у него странный. Там всё построено на том, что персонаж постоянно перевоплощается, накапливает память о прежних жизнях в разных мирах. Во всех же своих жизнях раз за разом у него приблизительно одна и та же судьба. Всякий раз погибает от руки таинственного противника, охраняющего эликсир жизни. Сечешь, о чем я?

– Надо думать, ты этого Верова хочешь тоже в сновидцы записать.

– А вдруг? С чего бы тогда этот роман снился Победителю?

– А ты у него спроси, у Верова. Найди и спроси.

– Ну да! А что я ему скажу? Я, знаешь, не люблю, когда на меня как на чокнутого смотрят. Цареград выключил монитор, снял с этажерки еще одну чашку и наполнил чаем из термоса.

– На, Марк, пей. Я сейчас тебе расскажу кое-что поинтереснее. С Пимским не всё ладно. Григорий принялся рассказывать про ночного гостя приват-доцента. Марк хмурился, морщился, пару раз порывался что-то вставить, но сдержался.

– И вот после встречи с Символистом Пимский снится мне перестал. Такие дела. И вот что, Маркуша. Я это не тебе рассказываю. Я это твоему дюку рассказываю. Может, найдет решение... Может, отыщет того Символиста. Потому что не к добру был его ночной визит.

– Как же, – фыркнул Самохвалов. – Станет он искать. Это же не человек – кремень! У него психика как три наших. И дел у него хватает, государственной важности. Для него что сон, то, безусловно, сон. Я для него – нечто близкое, но всё же виртуальное.

– Это мы будем посмотреть. Кстати, ты обратил внимание, что Кирилла уже две недели на работе нет?

– Да, что-то он не в меру манкирует, Мастер наш...

– Ты бы ему позвонил. Его чуть не убил сон про рыцаря.

Марк поперхнулся чаем и закашлялся, пролив жидкость себе на штаны.

– Рыцарь угодил в переделку, что-то вроде злого чародейства на него наслали. А у Кирилла во сне сердце остановилось. Хорошо, Алла, умница, в «скорую» успела... Профессор смотрел. Сказал – уникальный случай. Без видимых причин пять остановок сердечной мышцы. Я бы тебе этого не рассказывал, да вот только... – Григорий решил спародировать собеседника и взял паузу.

– Что только? Да говори уже, хрен бы тебя забрал!

– Остановки сердца сопровождались видениями, очень напоминающими сны Ивана. С одним «но» – смерть «персонажа» и вызывала у Кирилла эту самую остановку. Взаправду вызывала. Такие, Марк, пироги.

Самохвалов уже взял себя в руки.

– Значит, что же выходит? Выходит, что ситуация в одном мире вызывает проблемы в другом. Так?

– Страшно, да?

– Страшновато. Я, знаешь ли, не против того, чтобы быть не как все, но не до такой же степени!

– За всё надо платить.

– За что? – не понял Самохвалов.

– За то, скажем, что не всякому дано видеть себя наследным дюком и другом государя-императора...

– Не завидуй.

– Было бы чему.

– В психологии, вижу, ты не силен. Возьмем нашего Маленького Мастера. Ведь рыцарь его не с пластиковым мечом по лесу бродит, с настоящим. Каково будет нашему толкенисту, если его рыцарь кого-нибудь взаправду зарубит? Он же эту кровь как пить дать на свой счет запишет. К гадалке не ходи. Да-а... Ну а как он там своей Алле с кем-нибудь изменит? То-то же. А говоришь тут...

– Ты вот что мне скажи, экспериментатор сиятельный, что следует из того факта, если Веров все-таки сновидец?

– Ну, надо подумать.

– Значит, у него в каком-то из миров есть двойник.

– Так. И дальше?

– Почему не в девятнадцатом веке?

– Молодец, уважил. А почему бы ему не быть жителем Атлантиды или Гондваны?

– А тогда были люди?

– Когда?

– Когда Гондвана.

– Это принципиально?

– Для нас – нет. Но если бы твой дюк поинтересовался обстановкой в литературном мире?.. Понимаю, Символиста искать – дело сложное. Но литература – дело вполне приемлемое. Нас интересует фантаст. Имя может быть каким угодно, но произведения должны как-то соотноситься с произведениями тутошнего Верова. Так? Кроме того, скорее всего, и псевдоним не случаен, возможно, точно такой обнаружится и там. И если он, в самом деле, не случаен, тогда точно не Гондвана, а Россия иного мира, очень возможно, того, где обитает дюк. Жаль, если твой дюк окажется таким толстокожим. Мое впечатление о нем, напротив, самое положительное. Хотя, конечно, государственные дела у человека... Но ведь и на попойки у него времени хватает?

– Ему время от времени необходимо расслабляться, по-русски.

– Ну, это я хорошо понимаю. Мой Пимский, кажется, дораслаблялся. И все-таки через дюка многое можно было бы узнать. – Цареград неожиданно подался вперед и положил руку на плечо Марка: – Не подкачай, ваше сиятельство. Очень тебя прошу: не подкачай...

Глава восьмая

Сценарист Серню и Писатель Фомич шли по Малой Мясницкой. Осень. Шорох листьев, каблучки спешащих дам, цокот копыт и скрип проезжающих пролетов.

– Что ж это выходит, Фомич, сколько я не читал из твоего, э-э, наследия, нигде нет даже намека на присутствие женщин. Разве так можно писать? – спросил Серню.

Он любил старину Фомича, такого же, как и он, студента, изучавшего цикл естественных наук на втором курсе университета. Такого, да не совсем: в Морскую войну Фомич воевал в составе русского Добровольческого корпуса. Поэтому Серню еще и побаивался своего друга.

– А как иначе, старик? Женщины, они все как-то мимо, ни с боку ни с припеку, – благодушно возразил Фомич. Собственно, их и нет вовсе. Где ты их видел, старина? Их нет, это всё пар, иллюзия!

– А вот эти что, не женщины? – показал Серню на проходящих мимо дам.

– Ну и что? Ты докажи, что они есть...

Сценарист закашлялся. Он знал, что если Фомич хотел спорить, то готов был спорить с самой очевидностью.

– Ладно, я твоих софизмов касаться не буду. Но ведь во всяком литературном произведении всегда обнаруживаешь даму, и не одну...

– А зачем?

– Как это? – не понял Серню. – Если желаешь, изволь я тебе поясню...

Он имел кое-какой литературный опыт, писал сценарии и потому полагал себя компетентным в литературных материях.

Но посмотрел на довольного Фомича и осекся. Потом спросил:

– Что, небось, ловушку заготовил?

– Не без этого, старик. Ну, так зачем они нужны в этой самой литературе?

– Как же, ничто в нашей жизни не обходится без них, – повел речь вовсе не о литературе Серню. – Всякое событие, движение души несут в себе знак их присутствия. Из-за них рушились империи и опять же создались; Генрих Восьмой отказался от католичества и сделал Англиканию англиканской. Потом...

– Так ведь это всё литературщина, мой друг, дань романтической традиции, уже порядком изжившей себя.

– Но Генрих Восьмой?

– Он вполне мог пылать страстью и к небесным светилам. Результат был бы тот же. Если бы судьбы империй зависели от женщин, то никаких империй не существовало б, а жили б мы натурально в шалашах и грызли кости мамонтов...

– Позволь, но мамонты давно вымерли...

– Это фигура речи, при том – не бессмысленная.

– Но исторические примеры?

– Ты еще скажи, что курок является причиной выстрела из ружья, а не охотник вкупе с пробегающим мимо зайцем. Или скажи, что какой-нибудь Раскольников порешил старушку потому, что где-то спёр топор.

– Я этого не говорил!

– А тогда при чем здесь женщина?

– Но, дорогой мой, Бальзак, Тургенев, классический роман...

– Ты сценарист. Если в сценарии не будет дамы – его возьмут для съемок?

– Нет. Разве что это какой-нибудь «Аттила» или «Царь Пирр».

– Ну а если в романе дамы не будет, то хватит фантазии у писателя?

– А это здесь при чем?

– При том при самом. Писание романов – тяжкий труд. Ты думаешь, что вдохновляет писателя?

– Что же?

– Вот этого ты и не знаешь. Душа таланта – потемки. А у не-таланта – так полный мрак. А я тебе расскажу, я их, писателишек, насквозь вижу. У всех у них наблюдаю я не вдохновение, несомненное и настоящее, а комплекс солдата.

– Какого солдата?

– Обыкновенного. О чем двадцать четыре часа в сутки думает солдат?

– О чем?

– Ясно, ты в войске не бывал. А мне вот пороху понюхать довелось... О бабе солдат думает. Об ином просто не интересно, не выходит у него об ином. Уяснил?

– А-а...

Оба замолчали и, свернув на Несуглинную, направились к ближайшему трактиру.

– Послушай, – вдруг сообразил Серню.

– Слушаю.

– А не приходило тебе в голову, что у тебя комплекс сражающегося солдата? Скажем, во время рукопашной солдат вспоминает о дамах?

– Как можно, бой ведь идет!

– Вот у тебя это самое и есть.

– Да ну! Разве я в рукопашной?

– Хуже, старик. Всякая рукопашная имеет завершение, а у тебя... – Серню картинно махнул рукой.

– Что же выходит? Ты решил приравнять меня к этим писателишкам? Но только с обратным знаком?

– Так и выходит, брат.

Фомич сделал вид, что обиделся. Надулся и замолчал.

– Вот именно, с обратным, – всё более воодушевлялся Серню. – В каждом твоём сочинении не «шерше ля женщину», а наоборот, «не шерше ля женщину», или так – «лучше и не ищи», – эдакий императив. Не потому, мол, написано сие сочинение, что «она есть», а потому, что «ее нету и быть не должно»! И всё в таком роде.

– Ах ты, прохвост! – перебил его Фомич. – Ах ты, шельма! Как это ты так ловко умудрился воткнуть даму в мои произведения?

Тут Фомич сделал страшные глаза и ухватил Сценариста за лацкан сюртука.

Что поделаешь, любил он такие грубоватые шутки. И особенно – то, что знакомые, обычно, вот как, скажем, Серню, принимали его гнев за чистую монету и нешуточно пугались.

– Ну, стоит ли из-за этого ссориться, ведь мы с тобою старые друзья, и, право, эдакий пустяк... – залепетал Серню.

– Ха! Пустяк. Да за такое оскорбление порядочные люди стреляются на дуэли.

– Послушай, старина, давай лучше заглянем вот в эту книжную лавку, а? Поглядим, как твои труды распродаются. Должно быть, бойко распродаются...

Фомич сразу сменил гнев на милость, отпустил Сценариста и даже помахал тростью, словно бы в предвкушении пиршества славы.

После визита Символиста Василия с Пимом Пимским приключилась скверная перемена. Он потерял вкус к жизни. Ничто не трогало душу, ничто её не одушевляло. Не хотелось даже пить. Каждое утро он, как автомат, безо всякого интереса волочился в университет, так же вяло читал лекции, после чего отправлялся беспцельно бродить по городу. И бродил дотемна. Домой возвращаться тоже не хотелось.

Не то чтобы приват-доцент не боролся с этой внезапной и необъяснимой хандрой – один раз он честно попробовал напиться. Стало еще хуже. Пимский забросил светские визиты и некогда регулярные кутежи с дюком Глебуардусом Авторитетнейшим, своим покровителем и бессменным кредитором. Удивительно, что с ночным гостем он всё это никак не соотносил. Более того, наутро он начисто позабыл про ночного визитера. Помнил только, что ему непременно нужно что-то важное вспомнить, да вот что именно?

Вездесущий случай привел его сегодня к книжной лавке господина Требесова. Войдя туда, Пим отправился к самому дальнему стеллажу и принялся бесцельно листать книги.

Господин Требесов приходился Сценаристу Серню дядей, поэтому книги Фомича – а писал он всё больше батальные повести про Морскую войну – красовались на видном месте, но не на центральном прилавке, где вальяжно покоились тома в твердых переплетах, а на стойке справа, где были разложены книжицы в мягких пестрых обложках, выпускающиеся главным образом для народа. В том, что труды Фомича не разделили общей радости солидных трудов, барственно взирающих на них, сырых, с главного прилавка, был повинен сам Фомич. Именно он, соблазненный предложением издателя, сулившего минимальные затраты при быстром и несомненном барыше, согласился на мягкие обложки и разрозненные книжицы, – по одной на каждый опус.

По правде сказать, Фомичу это было, в общем-то, безразлично, книги про Морскую войну пользовались в народе не меньшим спросом, чем, скажем, получастушечные стишки модного «крестьянского» поэта Небраскова. Но сегодня он поймал кураж и потому решил продолжить представление.

Начал он негромко:

– Что ж, дружище, выходит, я никому и не нужен?

– Отчего ж, – отвечал Серню. – Видишь ли, твои книги покупает народ всё больше малообразованный...

– А где же высокообразованный народ? Отвечай, милейший, – возвысил голос Фомич.

– Да известно где – вон у того прилавка.

– А почему же тогда, я тебя спрашиваю, мои книги здесь, а не там? Отчего, спрашиваю я, проистекла такая нелепость?!

– Да ведь ты сам пожелал, чтобы их печатали в мягкой обложке да на серой бумаге, ты сам...

– Я?! Да как ты смеешь обвинять меня! Я писатель, и мое дело – писать, а не издавать и по прилавкам раскладывать! Ясно?

– Но ведь ты сам...

– Опять я?!

Пим Пимский был большой любитель подобных сценок, но теперь, глядя из своего угла, лишь равнодушно скользил взглядом по лицам двух спорщиков, один из которых показался ему смутно знакомым. А видел он его в павильоне Ивана Разбоя, на съемках, но сейчас не узнал.

– Думаешь, я не заходил в эту лавку? – всё распалялся Фомич. – Вчерашнего дня, между прочим, заходил. И что же? Вон там, – он указал на центральный прилавок, – лежал двухтомник какого-то Верова. Что за Веров такой, никто не знает. А сегодня его уже нет! Изволь видеть – нет!

Ситуацию на главном прилавке Фомич успел оценить, ещё когда только вошел в магазин.

Он снова схватил Сценариста за лацкан сюртука и чуть ли не ткнул носом в прилавок. После чего развернулся и размашистым шагом пошёл из лавки прочь. Серню грустно потерял свою фуражку и поплелся следом.

Между тем при словах «какого-то Верова» стоявший у прилавка человек поднял голову и приват-доцент узнал дюка Глебуардуса Авторитетнейшего. Тут уж, несмотря на свое плачевное состояние, Пимский удивился.

Дюк Глебуардус, разумеется, любил показать себя либералом, не чуждым простой жизни, да он и в самом деле не чуждался её. Потому носил он серый недорогой костюм, обычно с черным узким галстуком. Из рубашек же предпочитал хлопковые. Но книги всегда просматривал дома, у себя в кабинете, куда ему на выбор доставляли их приказчики от издательств. И встретить его в книжной лавке было делом совершенно внезапным.

– Признаться, удивлен. Какими судьбами, дюк? – произнес Пимский, подойдя к прилавку.

– По твоей милости, – усмехнулся дюк и, внимательно поглядев на Пима, добавил: – Разве не припоминаешь?

Пимский не помнил своих переходов во сне в другой мир, поэтому забеспокоился, решив, что когда-то по пьяному делу просил дюка о какой-то услуге, а теперь позабыл.

– А что, разве я тебя просил? Может, это было в гостях у Боунов, где, признаться, я несколько перебрал? Но ведь это так давно было, в прошлом месяце. Не пойму, о чем ты спрашиваешь.

– Нет, это коннектировано с теорией сна, дорогуша.

Пимский удивленно глянул на дюка, – такие странные слова в его устах! – но ничего не ответил.

– Сейчас поймешь. – Глебуардус повернулся к приказчику и осведомился: – Скажи, любезный, а нет ли Верова?

– Никак нет, ваше сиятельство, – бодро ответил тот, но дюк уловил заминку в ответе.

– Откуда знаешь, кто я таков?

– Да кто ж вас не знает, ваше сиятельство!

– Тогда почему врешь? – Дюк грозно уставился на юношу.

Тот смутился и часто заморгал.

– Видите ли... В самом деле, таких книг нет. Извольте видеть, не далее как сегодня утром зашел к нам некий господин и выкупил по немалой цене все книги. Это двухтомник... Не извольте гневаться...

– Что? Что ты мелешь, болван? Сочинил мне черного человека... Говоришь, скупил все книги? А цену кто надоумил поднять? Отвечай.

– Видно хорошо было, как они ему нужны. Отчего же не поднять, когда такая надобность? Дело коммерческое. Господин Требесов и назначил твердую цену.

– Вот тебе, Пимский, роковое стечение обстоятельств. Я до этого дня ни о каком Верове слыхом не слыхивал, – дюк снова обратился к приказчику: – Кликни-ка сюда своего хозяина.

– Сию минуту!

Приказчик опрометью бросился на второй этаж и вскоре спустился в сопровождении хозяина, господина Требесова. Тот держал под мышкой два синих тома с золотыми буквами на корешках.

– Не извольте волноваться, ваше сиятельство, – поклонившись, заговорил он. – Вы удостоили нас честью посетить наше скромное заведение, и такая незадача. Не извольте гневаться, ваше сиятельство, всё можно уладить самым наилучшим образом. Есть, есть ваши книги. Вот!

– Что ж, благодарю. Как же понимать слова приказчика?

– Всё правда. Сами были крайне удивлены. Недели тому назад от издательства прислали, и ведь всего пять экземпляров, по два тома. Автор, сказать по чести, неизвестный, спросом у публики не пользовался, так что до вчерашнего дня лежал мёртво...

– Неизвестный, говоришь? Что ж, Пим, вот и запахло жареным. Теперь держись, – и вновь вернулся к разговору с господином Требесовым: – Так что же произошло сегодня?

– Хотя спросом книги не пользовались, но я отложил один экземплярчик для себя, быть может, выйдет когда библиографическая редкость. А уж когда господин этот захотел купить все экземпляры, какие ни есть в моей лавке, тут уж я и подавно решил, ваше сиятельство, – нипочем ему свой не продам. А он уж допытывался, как учуял что, и даже вдвое против цены платил.

– Скажи, милейший, а каков из себя тот господин?

– Внешности самой непримечательной, господин дюк. Затрудняюсь, право... Я ведь решил, что это автор и есть. Стыдно ему стало или навроде того, – такие казусы в истории, знаете ли, известны. Тем более, думаю: нипочем не отдам экземплярчик. Никому не отдал бы – вам отдаю ваше сиятельство.

– Что ж, сколько я должен? – спросил дюк.

– Ни единой копейки! – Хозяин торжественно вручил дюку книги, только что завернутые приказчиком в белую мелованную бумагу.

Дюк Глебуардус, однако, потребовал назначить цену и именно ту, что уплатил незнакомец. Затем они с Пимом вышли на улицу.

– Гм! Что всё это значит, объяснись наконец, – Пимский был в крайнем смущении, как обычно бывает с человеком в подобных обстоятельствах, когда надо вспомнить, что ты делал вчера на собственных именинах, а вспоминаются только, как на грех, чьи-то похороны.

– Книжки эти заинтриговали меня благодаря тебе, – дюк Глебуардус был доволен произведенным эффектом. – Не ты ли изволил назвать меня толстокожим?

– Но... я не помню... Зачем мне было тебя обижать? Я знаю, многие принимают меня за чудака, но это исключительно из-за моей болезни. Да, излишняя любовь к вину – это болезнь. И разве я могу отвечать за слова, сказанные в момент приступа этого недуга?

– Не обижайся, друг. Говорил те слова ты во сне. Вспомни хорошенько свои сны – и всё станет на свои места. Я подозреваю, что мы находились с тобой в одной твиннинговой реальности, в одно время и в одном месте. Забавно, не так ли?

– Да уж, – только и выдавил из себя Пимский. – Чего забавней. Я своих снов никогда не помнил. Не знаю даже – вижу ли я сны?

– И заметь, – невозмутимо продолжал Глебуардус, – мы оба помним, что жили когда-то в двадцатом столетии. Я ранее полагал это за наш с тобою возвышенный бред. Это сближало нас, выделяло из общего сэрраунда. Итак, в одном из снов я вновь попадаю в тот самый двадцатый век, о котором ты, на самом деле, очень хорошо помнишь, обнаруживаю там тебя, себя, Ваню Разбоя. И Разбой рассказывает мне содержание романа Константина Верова, никогда не читав его и не слышав об этом литераторе. Ты же убеждаешь меня искать этого Верова наяву, здесь. И вот я, в совершенной уверенности, что мне привиделась ночная иллюзия, фата моргана, и что никакого такого Константина Верова нет, совершаю поход по книжным лавкам, чтобы только очистить совесть. О Верове даже Катрин не слыхала...

– О-о! – встрепенулся Пим Пимский при упоминании сестры дюка.

– Ну да, так она и сказала – фантазии.

– Ты ей рассказывал про свои сны?

– Нет, разумеется, только спросил об этом энигматическом писателе. И вот я здесь. Дальнейшее ты видел сам: их принесли на продажу с неделю тому, и некто неведомый скупает тираж. Так как ты догадался, что книжки Верова должны быть наяву? Отвечай!

– Я не понимаю, чего ты постоянно от меня требуешь, – поморщился Пим.

– Ну, хорошо. А что за гость к тебе приходил ночью?

– Не помню. Кто-то приходил. Я только сегодня вспомнил, что недавно у меня с кем-то был ночной разговор. О чём был разговор, с кем? Оно и то странно, что я это припомнил, ведь если спяну забываешь, то навсегда. А я даже помню, что неприятный был разговор. С того дня я и захандрил. А ты откуда о нём знаешь?

– Из сна... Пора бы тебе уже всё вспомнить, Пим.
– Увы, твои слова для меня загадка. При чем здесь сны?
– Из них наша память о грядущем веке. Ты ведь часто двадцатый поминаешь.
– Ну, находит временами, когда выпью. Врачи говорят – такое у меня от некоего потрясения, пережитого в раннем детстве.

– Нет, не увернешься. Придется тебе всё вспомнить, милый, выложить всё как есть. Иначе...

Воцарилась пауза. Затем Глебуардус предложил:

– Предлагаю прямо ко мне. Думаю, нам есть о чем побеседовать. Не торопясь.

– Ну что ж...

– Да, и смотри у меня, чтобы с сестрой не было никаких эксцессов. Она и так уж косо смотрит на твои чудачества, так изволь держать себя мудрецом, то бишь помалкивай. А на вопросы старайся отвечать кратко и без заднего смысла.

– Ну что ж... – повторил Пим.

– Пожалуй, пошлю и за Иваном. Он, быть может, тоже свидетель твиннинга.

Они сели в кабриолет, и он покатил. Погода стояла отменная. Солнечные осенние дни – что может быть лучше? Прозрачная прохлада осени. Ясное небо, и деревья, и листва, и ее прелый аромат. И ожидание перемен, и вера в их благоприятность.

«М-да. Вот ещё один день пропал», – думал Иван Разбой, покидая съёмочный павильон. Но в этот миг в павильон вошел посыльный от дюка Глебуардуса. Дюк звал отобедать у него дома.

Приглашение и обрадовало и удивило Разбоя. Глебуардус Авторитетнейший никогда ещё не приглашал его к себе в дом. Что же случилось? Разбой шел и думал о своих снах, о том, что надо одолеть себя и приступить, наконец, к съемкам, что сны – это всего лишь сны... Что надо уметь быть выше обстоятельств. Потом незаметно перешел на опасные мысли о ценности искусства. Зачем он снимает картины, для чего? Чтобы убажить толпу? Древние считали поэтов и ученых вторым сортом. За первый сорт полагался только тот, кто работал на себя и для себя. Да и сейчас в глаза восхищаются твоим талантом, а за глаза пускают смешки, мол, что за профессия такая, режиссер – ни то ни сё. Погруженный в свои мысли, Разбой не замечал ничего вокруг. Помнил только, как пропорхнула мимо стайка гимназисток. Они глянули на него и зашушукались: должно быть, узнали. За спиной он расслышал их смешок. Помнил ругань извозчика, который вполне мог бы на него наехать, но не совершил одного происшествия по причине собственной трезвости. Единственный его довод так и звучал: «А ежели б я был выпимши?» Иван запомнил этот вопрос, потому как в одном слове почудилось «Пим».

Только вдруг Иван поднял глаза и увидел, что стоит на Воробьиных горах, прямо перед особняком Глебуардуса Авторитетнейшего, точнее, вот уже несколько минут прохаживается перед парадным крыльцом. «Здорово», – подумал он и решительно поднялся по лестнице.

Его ждали. Пожилой дворецкий помог снять пальто и неторопливо провел в кабинет.

В кабинете присутствовали: сам Глебуардус, его сестра Катрин и Пим Пимский. Последний выглядел обескураженно.

– А, какие люди! Позволь, Иван, представить тебя моей сестре, – поднялся со своего места Глебуардус. – Вот, Катрин, это наш талант, не знаю даже, как я не приглашал его к нам ранее, ведь ты о нем не раз спрашивала. Иван Разбой. Над какой картиной творите, мэтр? А! Руки всё так же черны, заметь, Катрин, каков цвет его рук. Знаешь ли, он собирает часы из подшипников и прочих шестерёнок.

– Большие часы, даже куранты, случается, – сказал Иван.

– Ведь я ваш фильм смотрела с подругой на прошлой неделе! «Сон горничной».

– Что же, не понравился?

– Отчего? Напротив. Мне ваши фильмы нравятся, они необычны. Вообрази, Глебус, зимний вечер, сумерки... Обширная зала. Горит лишь одна свеча – на рояле. И, опершись на крышку рояля, дремлет горничная. Знаешь, у нее еще такая метелочка, для смахивания пыли. Так забавно, право. И вот зала начинает наполняться людьми. Сперва заходят дворецкие и зажигают все свечи. И свечей так много, что свет заливает всё – и стены, и потолок с таким чудным узором кремовых тонов, и даже снег за окном. Как вам это удалось?

– Включили софиты. Что ж здесь такого, – пожал плечами Иван.

– Вы оригинал, Разбой. И вообрази, Глебус, залу заполняет самая изысканная публика. На дамах, знаешь, такие платья – последней европейской моды, удлиненные с волньерами, эти шляпки с африканскими перьями. Бриллианты ослепительно вспыхивают. И вот один молодой человек, очень даже недурен собой... Где вы его нашли, Иван?

– Да кто там его искал, они сами к нам приходят.

– Вы большой шутник. Так вот, этот молодой человек, этот юный лев, подходит к горничной. Но ее всю не видно, только голова, покоящаяся на руках. И вот он склоняется и что-то ей шепчет на ухо. Она просыпается, удивленно озирается, и, вообрази, она уже одета в белое бальное платье с розовым рюшем. На ней кольцо со «слезками» голубого жемчуга. А на рояле – большая белоснежная шляпа. Бежевые перчатки на руках...

– И что было дальше? – не вытерпел Пимский.

– Погодите, Пимский. Что же вы перебиваете? Вы этого не желаете понять. Разумеется, сказка о Золушке. Но в картине это не главное.

– Вот как? – заинтересовался Глебуардус Авторитетнейший.

– Ну да, об этом я и пытаюсь вам рассказать. Экие вы, право. Важно ведь не то, что происходит, а то, как происходит. Вот зимний вечер. Вот окна и стены, окрашены закатным солнцем, голубой снег с искринкой. И чуть в стороне – свеча. И всё. Это одно. Затем – свеча, рояль, спящая горничная и полумрак вокруг. Это следующее. Затем прислужники, вспыхивают свечи, и свет заливает всё вокруг, так что снег за окном становится как бы частью залы. И главное – не что делают эти ваши прислужники, а свет. Это он сам вошел и всё осветил. И оказывается, – в нем стало видно всё, что было скрыто в полумраке, нет, не так, – в пустоте залы. А там была вся эта блестящая публика: элегантные дамы, седоусые генералы... Они ходят, беседуют. Музыканты раскладывают ноты. И всё так волшебным, удивительно. И нет никакой горничной. Понимаете, вспыхивает свет – и уже совсем иной мир, но как бы в том же самом. А дальше...

– Ну что скажешь, Пим, – поэтическая натура моя сестра? – Глебуардус Авторитетнейший улыбнулся.

– Я поражен. Надо будет посмотреть фильм. А то как-то вижу весь процесс съемок с задника и после идти в синема уже не тянет.

– Это, собственно, и есть искусство. На площадке бардак, а на экране – фильм, – пояснил Иван Разбой.

– А над чем вы работаете сейчас? – обратилась к нему Катрин.

– Да вот. Не работаю я сейчас. Нет настроения.

– Определенно, вы – загадочная личность. Но я вас понимаю. Гениальные произведения должны рождаться в муках.

– Да не дай бог! – бурно отреагировал Иван Разбой. – С меня хватит и этих снов.

– Каких-каких снов? – буквально впился в него взглядом Глебуардус. – А ну-ка, братец, поведай. Уж не про последний ли поход?

Иван обалдело глянул на него и ущипнул себя за ухо. Поднялся и стал прощаться:

– Извините, прошу прощения, приятно было... Мне надо идти, я спешу...

Глебуардус подошел к сестре, коснулся ее плеча, мол, не удивляйся, всё в порядке, и обратился к Разбою:

– Погоди уходить. Ведь тебя-то нам и не доставало! Что же ты молчал всё это время! Третий недостающий свидетель твиннинга! Извини, Катрин, ты этого еще не знаешь, это наш небольшой секрет, – Глебуардус выразительно глянул на Пима Пимского. Тот обалдело кивнул. – И потом, не пройти ли нам в залу, там, полагаю, всё уже готово к обеду. А? Не удивляйся, Иван, всему есть объяснения. Задержись еще на часок, и тебе всё станет ясным. Итак...

– Ах, дорогой Глебус. Кого ты хочешь провести? – улыбнулась Катрин. – Что ж, я в ваши мужские секреты вторгаться не буду. А теперь прошу всех пройти в залу. В самом деле, Глебус, ты всех нас задержал, а ведь господа, пожалуй, еще не пообедали.

После обеда, уже втроем, они собрались в библиотеке. Среди фолиантов царила атмосфера мудрого покоя, что-то вроде полудремы на сытый желудок.

– Ну-с. Что, никто не курит? А я вот сигару выкурю, люблю после обеда. Нет, скорее после ужина, да и то за карточной игрой. М-да. Пожалуй, лучше трубочку, – и Глебуардус потянулся за одной из бережно разложенных в малахитовой чаше трубок.

Пимский бессмысленно листал тома Верова. Разбой озираал огромные шкафы, набитые книгами, и думал о странностях жизни. О том, что дюк знает его секреты, которые Иван никому не открывал.

Все трое расположились в креслах, ближе к окну. Раскурив трубку, Глебуардус Авторитетнейший обернулся к Пимскому:

– Ну что? Вспомнил?

– Что?

– Наш разговор во сне.

Иван вздрогнул. Ему опять захотелось немедленно уйти.

– Наш разговор? – вяло спросил Пим.

– Ну да. Скажешь, раз во сне, значит, неправда? Не отвертись. Вот, Иван, в чём дело, – обратился Глебуардус к Разбою. – Нам троим снятся удивительные сны. Пимский утверждает, что ему ничего не снится, так он просто ленится вспомнить. Во снах этих мы видим друг друга. События в них развиваются в двадцатом столетии. Именно в одном из таких снов вы, Иван, жаловались мне на последний поход.

– Я припоминаю, но я ведь спал! Как такое возможно, чтобы и вы!..

– А! Слышишь, Пимский, а ведь в его снах о двадцатом и ты бываешь.

– Что из того?

– Так вы, дюк, помните, что я вам говорил об этом дурном «походе»? – спросил Иван.

– Слово в слово.

– И вы знаете, в чём дело?

Разбой сейчас был вполне уверен, что дюк всё знает, ведь недаром, в Морскую войну, он проник в магическую пирамиду ацтеков. Ему теперь, быть может, и не такие тайны открыты.

Но Глебуардус ничего пока объяснять не стал.

– Сны о двадцатом веке прошу считать данностью и не строить гипотез. Что же до «последнего похода», то это сюжет из романа Верова. Но не этого, – Глебуардус кивнул на двухтомник, который Пимский уже оставил в покое, положив на стол, – а того, что живет в именно что двадцатом столетии, мире наших снов. Как события из его романа смогли вам присниться, не ведаю. Но теперь у нас имеется это, – он вновь кивнул на книги. – Попробуем извлечь из них максимум полезного. Ну-ка, дай-ка полюбопытствую, – и Глебуардус взял со стола книгу. – Та-ак-с. Роман «Лес зачарованный». Посмотрим...

– Можно? – спросил Иван Разбой, потянувшись к столику, и, взяв другой том, принялся его листать.

Пимский сидел и смотрел в потолок. Он чувствовал слабость и думал, не подремать ли ему.

Глебуардус же углубился в дебри романа и, кажется, потерял интерес ко всему окружающему. Пим еще посидел, а затем стал подремывать. Но задремать как следует не вышло, так как Иван вдруг хмыкнул и громко произнес, почти выкрикнул, никому особо не адресуясь:

– Вот! Лечение от сонной раздвоенности у древних кефалхов.

– Что? – Глебуардус Авторитетнейший поднял голову. Взгляд его был, однако, далек от местных событий.

– То же, что и у меня! Хотя, конечно, способ лечения – это он насочинял. Жаль, а то бы я попробовал полечиться. Хотя, – Иван разочарованно вздохнул, – этого парня тоже не удалось вылечить. Но зато дальше: «Высланный в погоню отряд из сорока воинов окружил пещеру Мура. Солдаты провели весь день незамеченными, решив напасть ночью, врасплох. Даже двое чутких, самых осторожных рабов Мура, посланные за водой, не обнаружили чужого присутствия. С наступлением сумерек в пещере разожгли огонь. Ужин был скромным, так что большая часть беглецов улеглась, мучимая голодом. Вскоре все уснули. И только три охранника, из рабов, безмолвно несли стражу. Уснул и сам Мур. Как обычно, он попал в мир огромных домов и самодвижущихся экипажей. Он ехал в одном из таких вместе с симпатичной брюнеткой. Ее волосы развевались на ветру, она шутила. Они ехали к морю. Уже можно было бы различить шум прибоя, если бы его не заглушал мотор.

Воины царя Киркура разом ворвались в пещеру и в считанные минуты изрубили всех спящих. Мур лежал в луже крови с рассеченной как орех головой. Но он всё так же ехал в своем экипаже, именуемом Машиной, улыбаясь счастливому лепету возлюбленной». Это, собственно, конец. Кстати, как раз в моем сне есть машины, которые самодвижутся. И вертолеты есть...

Иван Разбой окинул обоих собеседников утвердительным взглядом и, задумавшись, стал ходить из угла в угол.

Пимский откинулся на спинку кресла и собрался было вновь закрыть глаза. Проямлил:

– Это не Мур, а мура собачья. Язык отвратительный. Развел Глебуардус сыр-бор, понимаете, из-за графоманства. Какие-то черные люди... – и закрыл глаза.

Глебуардус снова углубился в изучение «Леса зачарованного».

Через полчаса расстановка была следующей: Разбой, находившись, сел. Уставился в окно, почти не моргая. Пимский посапывал. А Глебуардус читал.

Но вдруг он оторвался от книги:

– Послушай, Пим. Ты всё же ученый. Как ты объяснишь такое. – Глебуардус зачитал: – *«Когда некто исчезнет из всех N миров, ты, о Могучая, станешь хозяином самой себя. И все миры, текущие через тебя в своей подобности, содрогнутся от твоего Ужаса».*

Пимский проснулся, недоуменно посмотрел на дюка и зевнул.

– Это как бы о... Впрочем, Мур вроде бы был одновременно в обоих мирах, – обронил Иван.

– Одновременно! Они были в разных мирах. При чем здесь одновременность? Пимский, объясни, наконец, ему!

– Не желаю ничего никому объяснять, – вяло произнес Пим.

– Но что же это может быть? – спросил Разбой.

– Вот! – Авторитетнейший улыбнулся. – Вот я и задаю сей вопрос нашему профессору: что значат эти N миров?

– Мне? Какой же я профессор, приват-доцент, ни то ни сё.

– Тебе, милейший, задали вопрос, – направил Глебуардус поток его мыслей в нужное русло.

– Вопрос, что ж. Вопрос, само собой. В том смысле, что нуждается в ответе. А ответа, как известно, без вопроса не бывает. Это достоверно так. Эрго, и стало быть...

– Ваня, не в службу, а в дружбу, встряхни-ка ты этого малого, – попросил Глебуардус.

Разбой подошел к Пиму и крайне нерешительно попытался потереть его плечо.

– Сейчас, сейчас. Отвечу, не извольте беспокоиться, и попрошу без суеты. Хороший ответ не терпит суеты... Кто бы из великих это мог сказать? А? Не припомню. Господи, я ничего не могу вспомнить... Кто я? Откуда, зачем? Длющаяся череда жизненных дней. Чьей жизни? Моей? Да кто я? Зачем?

– Кажется, я понял, – Глебуардус Авторитетнейший поднялся с кресла и подошел к двери. Приоткрыл ее:

– Самсон! Принеси, будь любезен, на три персоны. И орехов бы земляных, да покрупнее.

При виде янтарной жидкости, царственно-отчужденно заполняющей собой рюмки, Пим Пимский стал преображаться. Печать идиотизма на его физиономии пропала, сменившись выражением живого интереса. После первой рюмки Пимский предложил не мешкая перейти ко второй. После второй принялся за орех. С видимым удовольствием специальным большим ножом иссекал губчатую, сочащую скорлупу. А отложив нож, разлил по третьему кругу.

– Я пас. Мне вечером быть на именинах у Велирековых, – отказался Глебуардус.

– Я, пожалуй, тоже пас, – сказал Иван Разбой.

– За всё! – и Пим Пимский осушил свою рюмку. – Ну что ж, кажется, у вас были вопросы – охотно разъясню.

– Мы беседовали о тексте Верова. «Когда некто исчезнет из всех N миров...» Что это может значить? Имея в виду, что этот Веров связан с тем Веровым. И роман его должен иметь скрытый смысл, понятный только нам.

С лицом Пимского произошла перемена. Не будет преувеличением сказать, что лицо его исказила гримаса. Приват-доцент схватился за виски.

– Некто исчезнет из миров... исчезнет... Из всех миров! Ах ты, господи!

– Что с тобой, Пим? – обеспокоенно спросил дюк.

– Сейчас, – Пим машинальным движением подхватил бутылку, плеснул в рюмку, а затем так же быстро и машинально выпил. – Да нет, ничего... Голова что-то закружилась.

– Голова, говоришь? – прищурился дюк. – Что-то, братец, плохо выглядишь. Пользуясь случаем – в субботу намечается гранд-кутёж «У слияния». В восемь. Изволь быть.

Пимский снова потянулся к бутылке.

– Хороший коньяк...

– Послушайте, господа, – неожиданно предложил дюк. – Я сейчас подумал, жизнь-то всё же – длинная. Быть может, соберемся в другой раз, да хотя бы вот у тебя, Пимский. И всё, как подобает, обсудим.

– А, – махнул рукой Иван. – Я, право, совсем запутался. Сны, реальности... Может, точно, стоит передохнуть, чтобы всё уложилось.

– Глебуардус, ты большой человек, – заметил Пимский, – ты имеешь полное наследное право открывать и закрывать дискуссии. Но твои эн-миров во мне пробудили какое-то смутное воспоминание. Значит, в субботу, «У слияния»?

Он выпил уже шестую или седьмую стопку коньяка.

– В субботу, – подтвердил дюк. – Мы ещё вернемся к нашему разговору. А пока – отложить и обдумать, да. Серьезное дело суеты не терпит. И притом мне надобно переговорить с тобой face-to-face в *той* реальности. Дело у меня к тебе там будет. А сейчас, господа, предлагаю прерваться. Позвольте откланяться. Мне и в самом деле вскорости надо быть у Велирековых.

Пимский и Разбой шагали по бульвару.

– Вот вы с дюком всё говорили об этом авторе, Верове. Вы его романы во снах читали? Неужели наши сны столь же реальны, как это всё? – Разбой мотнул головой, не устаивая реальность более отчетливого жеста.

– Знаешь, бывают моменты, когда я вспоминаю. Вспоминаю отнюдь не сон. Что сон... Вспоминаю другую жизнь, в другом мире. Ярко... Но себя отчего-то не помню. Забавно. – Ивану послышалась то ли горечь, то ли раздражение в голосе Пимского. – Себя вспомнить не могу. Может, меня там вовсе и нет? А есть одни воспоминания.

– Как это? – Разбой поморщился, ему эта тема тоже стала неприятна.

– Да сам ничего не понимаю. Творится черт знает что такое. Куда там твоему Платону. А, – Пимский в сердцах развел руками, – всё это сон, мой Разбой. А воспоминания – лишь мысли о том, кто спит. К такой-то бабушке!

Теперь уже и Разбой чувствовал раздражение. Его раздражал Пимский, ему казалось, что тот нарочно кривляется. А Иван искал если не ответов на вопросы, то хотя бы намек на разгадку их общей тайны. До сегодняшнего дня ему не с кем было поделиться своим горем, именно оттого, что было оно столь странным, что напоминало безумие. Но теперь как будто появились друзья по несчастью.

– Прекрати, Пимский. То не сон, это не сон. А потом и вовсе – всё сон... Ведь отчетливо же я помню свои сны!

– Ну и что с того?

– А то, что они не могут быть снами! Так же, как и у Мура.

– Какого Мура?

– Такого! Его лечили от сонной раздвоенности. А он оказался сразу в двух мирах! – И добавил уже чуть ли не просительно: – Может, это ключ к моей тайне, а?

– Читай исторические хроники, а не беллетристику. Там уже всё сказано, всё, что могло произойти, уже давно произошло. Нам остается лишь повторять чужие ошибки.

– М-да. Прямо как во сне, – совсем пал духом Иван.

– Послушай, Ваня... А непустишь ли ты меня к себе ночевать? – неожиданно предложил приват-доцент.

– Отчего же...

– Чую, сегодня он ко мне явится, – пробормотал Пимский.

Иван расслышал, но не ответил, а лишь пожал плечами: если угодно им с дюком играть в прятки, то пусть их играют. Они свернули на Несуглинную, взяли извозчика и покатали по направлению к дому режиссера.

От рассказчиков

А теперь, дорогой читатель, настала пора отойти от сюжетных перипетий и расслабиться. Можно откусить мягкую сдобную плюшку с чаем, травяной рецепт которого мы тебе и предложим.

Итак, рецепт Настоящего Чайного Напитка Катанабуси.

а) «вкусные травы» (по две, а то и три части каждая) – адзи-но-якуй-со:

– мелисса лимонная;

– мята перечная;

– душица ароматная;

– липовый цвет медоносный;

– лист смородины душистый;

– тысячелистник горьковатый;

– боярышник (соцветия) с кислинкой;

– плоды шиповника колючего;

– чабрец луговой (вот его бы – четыре, а то и все пять частей, потому как основа);

б) «чайные травы» (по одной части каждая) – тя-но-якуй-со:

– ромашка полевая, гадательная;

- пустырник дикорастущий;
- зверобой продырявленный;
- мать-и-мачеха (не худо бы увеличить до полутора частей, ибо хороша);
- иван-да-марья (хороши как и их мать-с-мачехой);
- крапива жгучая, витаминная;
- подорожник придорожный;
- земляника чащобная;
- репешок пушистый;
- череда раздельная;
- сушеница топяная;
- хвощ жесткий;
- побеги черники лесной;

в) «особые травы» (по полчасти каждая, а касаясь корней и коры – то и того менее, по вкусу, ибо специи и сильны) – токую-но-якуйсо:

- одуванчик желтый;
- астрагал редкорастущий;
- лепестки пиона медвяные;
- лепестки розы нектарные;
- толокнянка сладкогорькая;
- шалфей эфирномасляный;
- багульник дурипахнущий;
- корень аира болотного ароматный;
- корневища элеутерококка живительного;
- кора дуба могучего терпкая (дубу должно исполниться не менее ста пяти лет);
- кора крушины терпковатая;

г) «горькие травы» (этих уж – десятая часть каждой и не боле!) – нигай-но-якуйсо:

- полынь всякая, но неизменно очень горькая;
- бессмертник желтый (он же печеночник, он же цмин песчаный);
- пижма желудочная;
- календула декоративная;
- гвоздика восточная;
- корень девясила высокого.

Заваривать же Чайный Напиток следует сосредоточенно, не торопясь, с благорасположением. Отрешишься от проблем и забот, от недоброжелателей и просто врагов, от жены (мужа) и свекрови (тещи).

Хорошо взять большой вместительный сосуд, лучше термос, лучше японский, и, поместив туда две-три чайные ложки состава, моментально залить крутым кипятком. Да! И не забудьте присовокупить добрую щепоть черного (котя) и зеленого (рекутя) чая соответственно. Это важно.

Минут через сорок-шестьдесят – пора. Но не пить, а открывать термос. Ведь напиток должен остывать еще полчаса. Вам надлежит находиться поблизости, внимая аромату, источаемому травами. Это настроит вас на предстоящее употребление.

Но если вы не желаете расслабиться или у вас нет под рукой требуемого состава трав, – не огорчайтесь. Выпейте пива или вина. Или ничего не пейте: жизнь, она хороша и так, сама по себе. Да и не все среди нас катанабуси. Да и вообще...

Итак, пока вы отдыхаете, пока Марк Самохвалов мучается проблемой своего раздвоенного сознания, пока Мастер Ри неутомимо движется к роковой битве с неведомым чудическим, а его двойник Кирилл Белозёров изрекает глубокомысленные сентенции. Пока загадочный Символист Василий подбивает клинья под Пима Пимского, который, в свою очередь, на

деньги наследного дюка Глебуардуса Авторитетнейшего предается горьким раздумьям о судьбах истории, пока последний таинственно хранит молчание. И наконец, пока в хитросплетение судеб героев входит загадочный писатель Константин Веров...

В общем, мы хотим поведать тебе, дорогой читатель, историю одной удивительной страны. Да-да, вот именно: слово Кириллу Белозёрову.

Иканоя

Тяжело описывать мир, который ты видел не собственными глазами, а глазами другого человека, пускай даже собственного двойника. Двойник твой думает вовсе не так, как привык это делать ты; имена и понятия, наполняющие его мысли, ускользают от тебя, а когда пытаешься вникнуть в них, понять, что они несут в себе, сопоставить со своими – лишь мучительные призраки наводняют тебя, безвыходные, как потерявшиеся гомункулы (это сравнение подсказал мне Гриша Цареград, может, оно что и проясняет, не знаю). Но двойник, хоть он и совершенно другой человек, есть двойник. Не буду описывать как – самому себе это объяснить трудно, – но мне удалось сперва ощутить, а затем понять его чувства. Я как бы стал понимать весь строй его мирочувствования, но объяснить умом, что я понимаю в этих чувствах, о чем они мне говорят, – не могу. Я создал из них как бы новый мир, свое отражение мира Мастера Ри. Я наполнил этот мир-отражение именами, я сделал его понятным – хотя и не вполне – самому себе, как и любому человеку нашей реальности. Я смог подобрать аналог, пускай очень-очень слабый, страны – родины Мастера Ри. Это Япония. В нашем мире эта страна по своей странности, с позиции европейца, напоминает положение Иканои в том мире. Я использовал японские слова, давая имена феноменам этой страны. По Гришину совету я назвал страны и земли, лежащие вне Иканои, родины Мастера Ри, именами из нашего мира. Так у меня в мире-отражении и в моих записках появились просвещенные греки, воинственные римляне, хотя в том мире всё как-то совсем иначе, не так... Чувствую, что вновь проваливаюсь в трясину бесполезных объяснений. Поэтому стану просто описывать Иканую, как если бы она находилась где-то в нашем Средиземноморье...

Далеко-далеко, на краю земли, на бескрайних лазурных просторах Южного Моря, под теплыми лучами солнца расположились Конские острова. В нашем мире, в нашей двойниковой реальности эти острова зовутся Корсикой и Сардинией, а море – Средиземным.

В мире Мастера Ри оба острова издревле составляли одно государство, единую Империю Южного Моря, которая умудрилась даже просуществовать на особых правах римской провинции. Империей ее стали называть уже после падения Римской, хотя император у нее был с незапамятных времен, просто назывался он несколько иначе. Конскими же острова называли те, чей марсовый с мачты впервые прокричал слово «Земля!», за приметив Иканую. На изумрудно-зеленом лугу, начинающемся прямо от кромки Южного Моря, паслись удивительно крупные кони. Они были и выше и мощнее обычных, намного превосходя их и в резвости, и в выносливости. Но, как выяснилось позже, эта порода не разводилась в других землях. Там их потомство оказывалось вполне ординарным. Вот из-за этих коней острова и получили свое имя.

Но кони – не главная странность, связанная со страной-империей Иканоя. Первое, что озадачило открывателей, было государственное устройство империи. Всё как будто было на своих местах: император с большим двором, вот могущественный город Киото, вот мелкие городки-провинции. Но Киото не был столицей, это был просто первый город в списке городов, а император не имел ни желания, ни возможности казнить или миловать.

Междоусобных войн в истории Иканои не случалось; трагедии, когда брат поднимает меч на брата, не ведали ее жители. Были они просты и мягки нравом. И хотя в античную эпоху охотно общались с Афинами и Коринфом, своих колоний нигде не создавали и у себя на ост-

ровах создавать колоний никому не разрешали. Несколько раз по этой, а может, и по другой какой причине, случались у них небольшие стычки с греками. Но то были детские недоразумения в сравнении с последующими претензиями Карфагена, сопровождавшимися двумя большими и жестокими войнами.

Иканийцы, как звали себя жители Иканои, были тогда весьма разрознены. Они так и не смогли пропитаться духом этнического гражданства, которым так бодряще разило от греков и которым те настойчиво, но безуспешно пытались поделиться с иканийцами. С другой стороны, и подданными своего императора иканийцы себя не ощущали. Строй их душевных интересов не ограничивался сиюминутным: заботами своего города, села, дома. Да, города, безусловно, существовали, но полисами они не были. И главное – у иканийцев совершенно не наблюдалось племенного и родового деления. Такая парадоксальность исторической ситуации стала возможна благодаря буси – странствующим воинам.

Буси не принадлежали никакому хозяину и сами не были хозяевами. Они просто, как казалось со стороны, следовали путями своих душевных поисков и задач. Буси равнодушны были к удовольствиям этой жизни и потому не находили интереса ни в деньгах, которые их успешно обходили стороной, ни во власти. Единственная священная миссия, дело, которому была посвящена их жизнь, – охранение дел, установлений духа Иканодзу. Этим именем иканийцы называли дух нации.

Давным-давно это было, когда над островами лишь вольно гуляли ветра, шелестели травы и на просторах лугов паслись табуны чудо-лошадей. Однажды летним ранним утром первый луч восходящего солнца пронизал небесную голубизну прибрежных вод и на песок отделился ступил могучий Иканодзу. Он окинул взглядом просторы Конских островов, и появились иканийцы. Потом он учил их строить дома, ловить рыбу и приручать лошадей, растить травы и выпекать хлеб. А теплыми звездными вечерами у «костра речей» рассказывал им Истории Мира и давал свои установления. Поколения сменялись поколениями, а Иканодзу всё беседовал со своим народом. И казалось, что так будет всегда... Но однажды он ушел, растворившись в прозрачной воде Южного моря, и снова стал прибрежным песком, купающимся в лучах восходящего солнца. Но остались иканийцы, и остались его установления. Это не были строгие правила, от которых нельзя отступать ни на шаг. Иканийцы принимали их как простые советы доброй жизни. На самом деле это и была плоть, какая-то странная волшебная основа их жизни, и тот, кто удалялся от этих установлений, больше не мог оберегаться доброй волей Иканодзу и переставал быть иканийцем. Хотя, честно говоря, таких отступников в истории Иканои почти не встречалось.

Мир иканийцы воспринимали не космогонически (всякие там черепахи, слоны, блин мира с хрустящим краем), а душевно. Мир в понимании иканийцев представлял собой то, что они чувствовали, ощущали, к чему могли обращаться душой; и то, что находилось вне их чувств. К первому относились духи земель – духи, населяющие природу этого мира, – и духи народов. Ко второму относились небесные духи, к которым иканийцы обращались через Иканодзу.

Обычаи иканийцев были пропитаны тем же ясным и терпимым духом. Бедные не ходили в бедности, а богатые в богатстве. Деньги внутри Иканои не имели никакой силы и служили только для торговли с внешним миром. Со времен Иканодзу, с изначальных времен повелось, что человек сам выбирает, чем он будет заниматься, чем он может послужить другим. Выбрав, иканиец становился мастером своего дела. Потому люди работали не за что-то, а для других и из любви к своему делу. Они могли сходиться в группы, объединенные одной ясной идеей, чтобы построить акведук или большое торговое судно, разводить чистокровных иканийских коней на горных пастбищах, построить в городе баню или переписать списки каких-либо книг для городской библиотеки или для частного собрания.

Работа, делание – естественное состояние иканийца. Духовный смысл его деятельности сильно разнится от того же у цивилизованных народов. Не деньги, не потребность быть одетую-обуту влекут или понуждают иканийца действовать. Работая, он созидает свою душу. Так иканийцы и говорят: «Сначала душа человека как навес из ветвей, потом она – хижина, следом – дом из камня, затем она вырастает в дворец, а дворец – в храм». Для части иканийцев, называемых «катанабуси», последние ступени взросления души несколько другие: «душа вырастает из дома в крепость, цитадель, а крепость – в храм».

Изобилия подобный способ жизни не порождал. Нормальный человек, желающий заморских разносолов и деликатесов, изысканных составов для притираний и золотых треножников для дома, для семьи, получить всего этого не мог. Иканийское общество проявляло поразительную глухоту, черствость и невежество в столь возвышенных материях. Но и питаться, как какие-то спартанцы, чечевичной похлебкой и хлебом из отрубей, никто не питался. Ели сытно и жили тепло. Жизнь каждого иканийца сильно зависела от всех остальных соотечественников. Их соединенные талант, способности и возможности образовывали пространство свободы для каждого человека.

Общественное управление было организуемо системой общественных же проектов – совместных начинаний. Любой человек мог изобрести общественную надобность и привлечь единомышленников для ее осуществления. Так как обычно существование того или иного общественного явления сильно зависело от самих людей, то общественных организаций как таковых не наблюдалось. Начинания сменялись довольно часто и могли существовать одновременно в одной и той же сфере интересов и задач. Форм, передаваемых по наследству, косневающих не существовало. Строй жизни не поощрял тупость и леность. Когда люди собирались для начала нового проекта, они обращались к Иканодзу, чтобы он дал им ясность мысли, благость идей и силу действий. И удивительное дело – действительно полезные общественные проекты входили в силу, а начинания легкомысленного порядка быстро слабели и рассыпались.

Общественное изобретательство не было делом мастеров-самоучек, вольно переходящих от изобретения универсальной колесной формулы велосипеда к изобретению не менее универсальной формулы общественного блага или прямому утверждению национальной идеи. Наоборот, века поисков принесли сложное знание, принимающее в расчет чуть ли не все связи всего со всем. Знание, где каждая сущность, наполняющая собою формы этого мира, имеет свой знак – иероглиф; а связи между этими сущностями и движимыми ими формами – суть правила соотнесения иероглифов друг с другом, пути возникновения смысла. И здесь иканийцы нечувствительно прошли мимо материковых традиций построения науки, создав знание, говорящее не языком чисел, а языком качеств-имен. Рассказывают, Иканодзу беседовал звездными вечерами у костра с первыми иканийцами именно таким языком, языком символов, духовных соотнесений. И окружающие предметы и события представляли перед глазами и навеки запечатлелись в душах иканийцев удивительными именами, иероглифами. Потому и мыслили иканийцы странно. Соответственно и писали не предложениями, не смысловой линией, а узором смысла. Там, где образованный грек записывал немудреную, в общем-то, мысль на половине пергаментного свитка, иканиец ставил пару-другую иероглифов, располагая их рядом друг с другом, изменяя что-то таинственно в написании самих иероглифов, – и смысл, оставаясь похож как будто на мысль, высказанную тем же греком, оказывался многомыслием, обретал новые оттенки, внутренние связи и грани соприкосновения с остальным миром. Подростки в пору своего взросления забавлялись тем, что наобум соединяли разнообразные иероглифы, случайно, по воле прихоти изменяя что-либо в их написании, и, обнаруживая непредсказуемые смысловые переливы, в восхищении созерцали рождение новых миров, сочинить которые материковые народы и мечтать не могли. Так в игре подросток приучался всматриваться и вдумываться в начертанные им иероглифы и через них в скрытую суть мира.

Вариантов написания и понимания каждого иероглифа существовало великое множество, а произносился он всегда одним и тем же словом. Если бы греки вздумали перенять хотя бы иероглифическое письмо иканийцев, то оно у них не смогло бы перейти в живой разговорный язык, так как всё смысловое богатство иероглифа при его произношении ускользало. А что нельзя произнести – то еще тяжелее помыслить. Отсюда проницательный читатель может заключить, что мыслили иканийцы как-то не так, не по-здешнему. И окажется прав.

Как же тогда они общались и как представлялись мысли их внутреннему взору? С последним просто – представлялись в виде тех самых таинственных иероглифов. Иканиец умел целую гамму чувств, взаимосвязей объектов мира передать одним иероглифом, не расплескав всего, в него заключаемого. А вот общались... Как бы это подоступнее... Мы можем назвать это телепатией или третьей сигнальной системой. И ошибемся. Можно это назвать... но лучше не надо даже пробовать. Потому как нет в нашем мире слов, способных назвать это. У иканийцев это называлось «чувством слова». Для иканийца слово, как яркий луч, несется в переливающемся облаке света – в связанных с ним чувствах. Когда иканиец произносил слово, его собеседник слышал в себе те самые «чувства слова», которые несут и смысловые вариации и эмоциональные оттенки и многое другое неповторимое. Как умудрялись иканийцы сообщать друг другу эти чувства – нам не понять, не обладаем мы той чуткостью, с нами в детстве не беседовал Иканодзу на своем небесном языке, не склонялся с доброй улыбкой над нашей кроватью. В общем, не иканийцы мы. А жаль... Понятия иканийцев неотделимы от чувств, а чувства прямо соотносятся с самой сутью вещей. И что здесь можно добавить?

Отсюда проистекают все трудности словесной передачи иканийских понятий. Основной смысл произносимого слова заключен в согласных. Гласные же определяют «чувство слова» и могут быть любыми. Но без них голый скелет из согласных не имеет никакого смысла! Поэтому я и решил использовать в своих записках не иканийские слова, а японообразные.

Теперь я немного расскажу об известной мне истории Иканои. Об этом меня просил сам Григорий Цареград – как же ему откажешь. Вот, Гриша, специально для тебя пишу, хотя один бог ведает, каких мне стоило трудов раздобыть эту информацию из глубин сознания Мастера Ри!

Общей национальной идеи у иканийцев не было. Поэтому во внешнем мире они не имели каких-либо особых целей, мало интересовались соседними народами, чужие земли им были не нужны и о других народах иканийцы думали только хорошее. До поры до времени...

Отношение их к войне также отличалось от бытующего тогда в мире. Они относились к ней как к неизбежному злу. Видеть в неприятеле того, кого надобно убить, они не могли; считали его такой же жертвой, как и себя. Но законы мира неумолимы и безжалостны. Не хочешь воевать ты – найдется какой-нибудь кретин, который жизни своей не мыслит без войны с тобой. Деваться, собственно, некуда.

Приходилось иканийцам вести войны. Естественно, на своей территории. Собрать же народ в войско было делом нелегким. Простых парней от сохи отрывать было вообще бесполезно. Те не желали убивать людей. Более просвещенные иканийцы, научившиеся более или менее контролировать разумом свои душевные инстинкты, с тяжелым вздохом, но шли в войско. Кроме того, на время войны набирали наемников, обычно из греков, выделявших иканийцев из всех прочих народов за свободолюбие. Как только удавалось собрать такое войско – исход войны становился ясен. Иканийцы не ведали страха в бою и на поле боя никогда не поддавались панике – главному врагу любого войска. А конница, благодаря чудо-лошадям, навоевала на неприятеля ужас уже одним шумом, поднимаемым тысячным топотом копыт и трубным ржанием. Психологически эта конница действовала подобно македонской фаланге, то есть фатально. Всадники, сидя высоко на лошадях, закованные в броню, были неуязвимы; действуя тяжелым копьём или алебардой, они разили сверху любого противника – пешего или конного.

Но пока это войско не было собрано и сколь-нибудь обучено, приходилось несладко. Чтобы не случилось катастрофы, а также для других, гораздо более важных, целей существовал орден буси. Он, как галактика, состоял из двух рукавов. Были воины-философы – айконадзобуси и воины меча – катанабуси. Всё, что известно об ордене, относится к катанабуси. Об айконадзобуси мне решительно ничего толком узнать не удалось: Мастер Ри им не был.

Живя в обществе поголовного ненасилия, катанабуси вели жизнь отшельников, странников. К ним относились с особым уважением, как к причастным к высшим тайнам Иканодзу и даже небесных духов. Да и в самом деле, это удивительная тайна, когда человек, относящийся ко всем людям по-доброму, берет в руки меч, чтобы противопоставить себя кому-то из них.

Для обычного человека нашего мира предыдущая фраза лишена смысла. Но взгляните на мир глазами древнего иканийца (за «современного» иканийца ничего не могу сказать – не ведаю), оказавшегося на пути какого-нибудь варвара. Иканиец знает, что варвара гнетет дух-без-лица, заменяя своей кровожадностью его собственную волю и мысли. Вы знаете, что как только бездыханно рухнете на землю, – в тот же миг отправитесь в прекрасную небесную страну, где с вами будет разговаривать сам Иканодзу, где царит радость и мудрость, а несчастный варвар всю свою жизнь будет жалеть об убийстве, – если не душой, то телом, которое будет болеть и медленно умирать, – оставаясь жалким рабом духа-без-лица при жизни и после смерти.

Чтобы избавиться от подобных гуманистических настроений, добровольцы, идущие в войско иканийцев, несколько дней молятся на священных площадях перед синто – своими храмами. А в это время против наступающего противника выступают катанабуси, находящиеся постоянно в боевой готовности.

Буси не боится смерти, как и любой иной житель Конских островов. Но, в отличие от остальных, буси не боится и чужой смерти. Вся сложность вот именно здесь заключена. Этот духовный опыт катанабуси мне не понятен. Понятно лишь, что катанабуси должен иметь постоянно открытой связь с Иканодзу, не позволяя духам-без-лица прервать ее. Такое не дается от рождения, но рождением предопределяется. Путь буси предreshен самим Иканодзу, его думами о своем народе, и по этому пути невозможно пойти в смысле добровольчества. Это жертва, которую душа избирает еще до рождения, находясь совсем в иных мирах.

Силы и волю, сообщаемые буси высшими духами и Иканодзу, сами буси могут эманировать в других людей. Так учителя укрепляют молодых буси, когда связь последних с высшими духами еще непрочна, не стала еще легкой и подобной лучу.

Так как орден буси невелик и каждый в нем на счету, то катанабуси, независимо от возраста, должен в совершенстве владеть оружием, обладать ясным умом и солидным знанием ведения войны. Но, как известно еще со времен Платона, о чем думаешь – тому и уподобляешься, поэтому чтобы не уподобиться самим духам войны, катанабуси большую часть времени проводят в общении друг с другом и с высшими духами; кроме того, они интересуются всем, что происходит на островах, вникают во все интересные начинания. Но сами принимать участия в проектах не могут. Их кодекс предписывает вести странническую жизнь, нигде не задерживаться подолгу. Катанабуси, оставаясь свидетелями общей жизни иканийцев, как бы скользят над ней.

Каковы же катанабуси в бою? Используют они длинные двуручные мечи, я называю их «катана», хотя от японских они отличаются, но я эти оружейные тонкости уже не различаю; оперируют, если на коне, – копьем или алебардой; великолепно стреляют из полутораметровых луков. Но техника владения оружием сама по себе опасна для их духа. Она способна исказить связь света. Поэтому буси превратили владение оружием в искусство, самоценное само по себе, в упражнение для укрепления силы духа. Использование оружия на войне считается у них делом вторичным, как для косца разрезать кожаный ремешок острием косы за неимением ножа. Так как владение оружием превратилось в искусство, то общего стиля у буси не суще-

ствуется, каждый обретает свой стиль. Поединков у них нет, но есть «встречи», когда буси бьются не ради результата, а ради духовной сути, тайна которой осталась для меня недоступной. В бою катанабуси бесстрашны в любых, самых немыслимых ситуациях. Их индивидуальные духи чудесным образом собираются в единый мощнейший дух, как магнитные частички – в большой сильный магнит. Противники же, сколько бы их ни было, оказываются перед этой духовной силой скопищем разрозненных песчинок, не соединенных ни общим долгом, ни дисциплиной. Человек ощущает на себе действие этого сверхдуха как психический удар, лишаящий разума и стойкости. Бывало, сотня буси обращала в бегство десятки тысяч врагов.

Победить отряд катанабуси невозможно, если живы хотя бы двое из них. Последнему же предписывается кодексом бусидо покинуть поле боя, ибо он, последний катанабуси, считается тем же, чем у римлян значок на древке или знамя у других народов, то есть тем, что, безусловно, должно быть спасено от рук неприятеля. Сила духа и удивительная сила владения оружием делают небольшие отряды катанабуси необычайно эффективными в начале войны. Они не дают неприятелю как следует организовать высадку на острова, продвинуться в глубь территории. В прямом сражении сталкиваться с ними всем войском опасно: войско почти наверняка разбежится, давя само себя. Потом, правда, соберется вновь, ведь немногочисленные катанабуси вряд ли смогут нанести противнику значительный урон в живой силе. Но выйти пару раз на поле боя и оба раза навалить полные штаны – такое здорово отрезвляет горячие головы.

Обычно отряды катанабуси вступали в войны и заканчивали их без помощи ополчения и наемников. Было лишь несколько тяжелых войн, когда неприятель имел подавляющий, многократный перевес и мог поддерживать численность своих армий и боевой дух за счет всё новых подкреплений, – тогда понадобились усилия всех иканийцев. Такие войны велись с Карфагеном и Римом.

Однажды галлы пронизали насквозь Аппенинский полуостров и вздумали переправиться на Конские острова на судах, любезно предоставленных пребывавшими в панике италийцами. Всего в ту пору на островах насчитывалось тысячи полторы катанабуси, считая и совсем желторотых. А галлов только воинов было триста тысяч, а с ними шли жены, дети, старики – такое вот переселение организовали. Кто-то их из Европы погнал.

Полторы тысячи катанабуси решили проблему галлов за один месяц. Заманивали в горные ущелья, где тем невозможно было развернуться всей массой. Чуждые всяческой дисциплине галлы оказались крайне нестойки перед «психическим ударом» катанабуси и бежали от них раз за разом. Когда же отряд катанабуси числом в триста человек захватил весь лагерь галлов, где находились их жены и дети, война оказалась завершённой. Галлы были рады убраться с Конских островов. Можно лишь вообразить ту степень унижения галлов-воинов, когда их жены плевали в них и обзывали последними словами, если они вновь вернулись в леса своей родной Галляндии и свернули шею тому неизвестному нам ужасному противнику, что ранее толкнул их на великое переселение.

Но потом наступили не самые счастливые времена. Крепнувший Рим с упорством агрегата расширял свои владения. Его вторжения на Конские острова стали регулярными и изнурительными для иканийцев. Начавшаяся война с Карфагеном вынудила Рим пойти на заключение особого договора с Иканоей. Иканоя становилась самостоятельной провинцией Рима, то есть Рим чисто номинально назначал своих консулов на управление ею. Наместник имел свой дворец в портовом городе, выстроенном иканийцами специально для римлян, и дальше этого города власть наместника не распространялась. Иканийцам было безразлично – существует этот самый Рим или нет; главное – прекратились походы римлян на острова. По договору иканийцы поставляли римлянам лошадей, которые во многом решили исход войны с Карфагеном.

Но в эту эпоху яркие личности перестали почему-то рождаться на Конских островах. Жизнь стала тише и проще. Интересные вещи стали происходить с языком. Для тех, кто общался с римлянами и греками, живя в портовых городах, древнее иероглифическое письмо

перестало быть единственным. Речь просвещенных иканийцев пополнилась оборотами, заимствованными от римлян. Это не был процесс упрощения языка, нет. Мышление иканийцев стало более разнообразным, но духовно ничем не обогатилось.

А в окружающем мире стало известным иканийское знание «соединенных сущностей», но использовать его не умели, слишком тяжело было освоить. Римляне охотно посещали острова, даже завязали оживленную торговлю. Среди знатных римлян считалось почетом отправиться в изгнание на Иканийские острова. Но с римлянами иканийцы общались лишь через несколько проектов, посвященных именно связям с Римом: торговый проект, несколько других, которые бы мы назвали «бытовые услуги и культурный досуг». Был и языковой проект. Так как иканийский язык выучить иностранцу практически невозможно, то сами иканийцы учили другие языки и создали «иканизированный латинский». Среди римской знати считалось престижным знать этот иканизированный латинский (латинизировать иканийский так и не удалось).

Буси стало рождаться совсем мало. Опасности вторжения извне в эпоху Рима не существовало – не было врагов у Рима в этой части Европы. К тому же Рим запретил иканийцам иметь отряды катанабуси. Поэтому катанабуси можно было повстречать в горных лесах, в городах же они появлялись редко и без оружия. Айконадзобуси римляне считали жрецами и не трогали. Но именно айконадзобуси охраняли дух нации всё это странное время.

Но вот Рим пал. Дороги Европы наводнили всевозможные племена варваров, принявшихся создавать свои маленькие королевства. Пытались они пожить и на Конских островах. Естественно, ничего у них не получилось, и об Иканое в Европе забыли надолго, на столетия. А у катанабуси появился новый обычай – посылать молодых буси на материк странствовать и набираться опытности, так сказать, расширять свой кругозор.

Таким странствующим катанабуси был молодой Мастер Ри. Из недр его сознания я всё это с огромным трудом и почерпнул.

Глава девятая

Это был очень старый лес. Деревья стояли в нем редко, могучие седые исполины, древние и замшелые, знающие себе цену и потому не терпящие близкого соседства себе подобных. Только тощему лесному паслену да ежевике разрешалось ютиться у корней буков и вязов, грабов и осин, мохнатых сизых елей и мощных корабельных сосен.

Лучи осеннего солнца свободно пронизывали лесную чащу, между стволов беспечно разгуливал ветер. То и дело слышался треск сухой ветки, ломающейся под неосторожным копытом лося или продирающегося сквозь кусты дикого кабана. Лес кишел зверьем – непуганые косули с детским любопытством разглядывали двух путников, нелепых существ, неведь каким ветром заброшенных в эту первозданность; огненно-рыжие лисы мелькали в траве, токовали на лужайках глухари. Резкие голоса птиц сопровождали путников днем, а по ночам тоскливо и тревожно вскрикивала выпь да загадочно ухал филин.

Лес рос на холмах, покрывал холмы сплошным разноцветьем осеннего одеяла – из всё еще зеленеющей стены, словно факелы пламени вырывались золотисто-желтые и багряные струи. Проще простого заблудиться в таком лесу, если день выдался пасмурным и не видно солнца. Без ориентира не удержать направление среди однообразных холмов, и путник начинает ходить кругами, потом, поняв, забирается на вершину холма, карабкается на самое высокое дерево. Находит направление, идет – и снова сбивается, и снова кружит.

Между тем странник еще ни разу не сбился с пути и не заплутал. Вёл он уверенно, тропой – не тропой, скорее – лесной дорогой, заросшей кустарником и высокой, местами по пояс, травой. Дорога эта едва виднелась, но всё же указывала на то, что и в этой местности когда-то обитали люди.

А еще холмы изобиловали водой. Из-под круч сочились родники, стремительные ручьи часто пересекали путникам дорогу, а в ложбинках между холмами текли даже речушки, некоторые из них приходилось одолевать лишь по поваленным стволам, благо таковых хватало.

Как-то раз, у ночного костра, Мастер Ри спросил у странника – знает ли тот, что за народ некогда обитал здесь и почему обезлюдел этот благодатный край? Странник кивнул, мол, сейчас расскажу, рыцарь. Но, неспешно отхлебывая из деревянной чашки горячий чай, заговорил о другом.

– Да, рыцарь, тайна этого леса – великая тайна. И мне она отчасти ведома. Но сперва скажи мне – знаешь ли ты, какую власть имеют над людьми покойники?

– У тебя что ни вопрос, то жди подвоха. Ты спрашиваешь о наших предках?

– Ты иканиец, рыцарь, и тебе трудно такое понять. Вы поклоняетесь Иканодзу, небесному духу. Ну а все прочие народы поклоняются своим покойникам. Ты прошел через земли многих народов. Припомни – кого люди считают основателями своих родов или королевств? Покойников. Кто дал народу законы, по которым народ судит о справедливости и несправедливости? – давно усопший царь. Чем гордится человек прежде всего? – деяниями предков. О ком повествуют бесчисленные саги и легенды? О доблестных мертвецах. Родовые замки и дворцы построены руками мертвых, искусства и ремесла, несравненной красоты изделия созданы ушедшими мастерами. Почему люди говорят о прошлом с тоской? Почему золотой век – всегда прошлое? Почему могилы предков и склепы особенно почитаются потомками? Да рыцарь, для людей жизнь – великая ценность, но верят люди лишь покойникам.

– Удивительные вещи говоришь ты сегодня, странник.

– Но не это самое странное, что бытует между людей. Есть целые страны, в которых вся жизнь человека – приготовление к предстоящей смерти. Таков Египет.

– Ты бывал и в Египте?

– Доводилось бывать... Но я тебе показываю эту сторону жизни, чтобы ты сам прикоснулся к тайне древнего народа, населявшего некогда эти земли. Видишь, рыцарь, раньше здесь были земли очень древнего царства. Древнего, могучего и непонятного. Тысячу лет назад закончилась их история, время и лес скрыли от нас – кто были они, как строили свои дома, зачем жили. Но никто не стал здесь селиться после их ухода. Послушай, рыцарь, я не знаю еще, куда заведет тебя твоя дорога, но скажу – по какой дороге бы ты ни шел, кто-то уже прошел ее до тебя. Его уже нет, но, пройдя этой дорогой, он оставил на ней для тебя важные пометки, которые надо уметь разглядеть. Через них ты откроешь смысл и предназначение пути – и тогда будешь идти с открытыми глазами. Надо правильно выбирать дорогу. И если твой путь лежит к великой цели, то иди дорогой, оставленной великими предками. Знай, что я веду тебя царской дорогой. Ее проложили великие цари древнего народа. Скоро ты сам разглядишь ее, увидишь воочию. А завтра мы пойдем к скале и возле нее заночуем. Скалу оставил ушедший народ. Для нас оставил. Он многое здесь оставил для нас, потомков. Думается мне, для того это сделано, чтобы не оборвалась связующая нить с великими ушедшими. Кто знает, быть может, когда поднимешься на скалу – что-то важное откроется на ней твоему внутреннему взору. Но может быть, и ничего не откроется. Пока путь не пройден – тайна его сокрыта.

Странник закончил говорить. Мастер Ри спросил:

– Тебе приходилось бывать здесь раньше?

– Нет, в этих краях я не был. Но я – странник, и потому знаю, как искать нужную дорогу. Давай спать, рыцарь.

– Долго ли отсюда до скалы?

– Думаю, к полудню доберемся.

Но шли они целый день. Когда солнце уже клонилось к закату, странник уверенно покинул лесную дорогу, круто свернув в чащу.

Вскоре они подошли к скале, массивной серой громаде, неведомым спящим зверем разлегшейся среди леса. С трех сторон скала была гладкая, с совершенно отвесными стенами, а в выступах четвертой, пологой угадывались древние ступени, занесенные землей, поросшие травой; из расщелин тянулись, стелясь по ступеням, ветви можжевельника.

Мастер Ри забрался на скалу, осмотрелся и свистнул:

– Фью! Поднимайся сюда, странник, здесь удобное место.

– А нет ли там логова голодного и страшного зверя? – пошутил странник и вскарабкался следом. – Между прочим, ты наконец-то назвал меня по имени.

– Я не знаю твоего имени.

– Ты позвал меня – «фью!», а именно так меня называют – странник Фью. Да, место любопытное.

Плоская просторная площадка словно плыла посреди моря-леса, раскинувшегося вокруг сколько хватало взора. И лишь на западе, куда клонилось сейчас светило, различимы были бледно-розовые пики далеких гор.

Посреди площадки валунами выложен был очаг. Странник посмотрел и пробормотал:

– А дров-то нет. Рыцарь, там привалилась сухая сосна. Наломай с нее веток.

Мастер Ри обвязал верхушку сосны ремнем и вытянул на скалу всё дерево. Доверив страннику заботы о костре, он присел на гладкий камень, положил перед собой меч на вытесанные кем-то два плоских выступа и засмотрелся на сверкавший над горизонтом круг солнца.

Легкие розовые облака безмятежно раскинулись по небу. Небесный свод играл изумительными красками заката. Тот, кто создал в стародавние времена эту картину, был щедр и, судя по всему, остался доволен тем, что у него получилось. И, чтобы имя его не избылось в веках, поставил свой знак на этой картине, свой иероглиф, свою печать. И сейчас эта печать переливалась искрящимся золотом, замерев над далекими вершинами гор, сверкавшими в лучах печати-солнца на самом краю лесного моря.

Казалось, это небо, эта синева, горы и лес – всё это нездешнее, светлое, удивительное и доброе. И два человеческих существа, вторгшиеся в этот мир, – их просто нет.

Мастеру Ри вспомнился другой вечер, другие горы, другое солнце.

Вспоминались горы Уго, где он провел полгода, совершенствуясь в «движении сквозь пустоту». Учитель Матахаса Аа сидел перед Мастером Ри; было, как и сейчас, время заката. За спиной учителя медленно, словно нехотя, опускался красный диск солнца. Но вот учитель взмахнул руками и пошел дождь, запели соловьи и подул теплый южный ветер, который принес с гор звуки большой битвы. На плечо учителя сел белоголовый ворон. Его глаза были полузакрыты. Он был стар, как учитель, а белые перья на голове казались седыми. Мастер Ри понял, что его, Мастера Ри, здесь нет. И не было. Перед учителем сидит другой человек. Но это было не сейчас, а когда-то. И это было заблуждение. А сейчас – момент осознания. «Кто я?» Мастер Ри смотрел на всё происходящее, и оно совсем не удивляло его, потому что его ни в чем этом не было.

Мастер Ри посмотрел на учителя. Матахаса Аа улыбался – его не было. Мастер Ри посмотрел на ворона. Тот открыл глаза – и ворона не было. Всё происходило, всё свершалось, но ничто не имело своего имени. Мастер Ри так и не нашел знания – кто он и просто принял свое отсутствие. Мир скользил мимо. Так холодная сталь бритвы скользит по щеке, не в силах ее повредить, так табун огромных иканийских лошадей бешено скачет по кругу, в центре которого стоит маленький ребенок и куда-то показывает ручкой. «Лошадка», – произносит он. Слабость и сила смотрят друг на друга, но в мире каждой из них нет места для другой.

Перед Мастером Ри молча сидел его учитель и чистил картошку. Потрескивали сучья в костре. Солнце было уже далеко внизу. Небо охватили сумерки. Всё это было обычное. И здесь был настоящий Мастер Ри. Единственное было не так: этот Мастер Ри был ложью, потому что никакого Мастера Ри никогда не существовало...

– Рыцарь, вы, иканийцы, в чем видите душу солнца? – вдруг спросил голос за спиной, и Мастер Ри вспомнил о страннике.

– Свет, это и есть его душа, – обернулся катанабуси. – У солнца нет тела.

– Да ну! – казалось, удивился странник. Он уже успел разжечь огонь и теперь развязывал свой походный мешок. – Но ведь душа невидима. В нашем мире главное – тело!

– Тело ни в каком мире не бывает главным, ты сам это знаешь, – возразил Мастер Ри. – Тело – только черточка в иероглифе души.

– А-а! – обрадовался странник. – По-иканийски заговорил, рыцарь! У вас основа иероглифа-души – иероглиф-солнце. А сердце иероглифа-солнца – иероглиф-любовь, – последнее слово странник произнес по-иканийски.

Мастер Ри спросил:

– Фью, кто ты?

– Э-э, пустое... Послушай лучше, Мастер Ри, сказку.

– Заварю чай, – Мастер Ри извлек из своей котомки плотно завязанный кожаный мешочек.

– Настоящий чай катанабуси?

– Он самый, – Мастер Ри распустил узел, и над площадкой повеяло ароматом далекого летнего луга. – Ровно сорок трав и корней.

– Да я еще пару-тройку своих добавлю, – Фью запустил руку в походный мешок. – Не возбраняешь?

Мастер Ри кивнул и подсел к очагу.

Когда в наступивших сумерках тихонько тлел костерок, когда в руках у обоих уютно расположились деревянные чашки с горячим чаем, когда на небе разгорались звезды, а тишину нарушал только шепот ветра, странник Фью вспомнил об обещанной сказке.

– Я обещал рассказать сказку. Так слушай, – глядя на угли костра и невольно макая бороду в чашку, но того не замечая, повел рассказ странник.

– Давно это было. Много раз восходило и заходило солнце с тех пор. В горном ущелье росло дерево. И всё бы ничего, да вот только горы окружали его странные. С одной стороны ущелья высились белые скалы, покрытые шапками ледников. Прозрачный словно хрусталь ручей стекал от них прямо к корням дерева, и когда оно пило эту студеною влагу, то цвело нежными цветами, а с листьев его стекал волшебный сок удивительной целебной силы. Но приходили иные времена, ветра менялись, и тогда корни дерева питал ручей, стекавший с другой стороны ущелья. А там мрачно темнела аспидная скала, над вершиной ее вечно клубился зловонный пар, а по склонам бурлили потоки грязи. И когда корни дерева впитывали воду мутного тепловатого потока, – странник повертел чашку в руке, но глотка не сделал, – оно покрывалось ядовитыми шипами, источало едкий колдовской экстракт.

Странник замолчал, задумчиво глядя на угли костра. Тихонько потрескивали ветки, шелестел лес, вскрикивали ночные птицы. Но эти звуки, казалось, преодолевали огромные, нескончаемые расстояния, прежде чем им удавалось пробиться, достичь верхушки скалы, где сидели люди.

Странник поднял взгляд. Что-то мелькнуло в его глазах, а может, это был просто отблеск пламени.

– А потом в ущелье пришли люди. Им был нужен камень, красивый белый камень. И они разбили, раскололи, превратили в маленькие кирпичики большую белую гору. Они построили из этих кирпичиков дома и колодцы, стены городов и сараи. Они растащили по камушку всю белую гору, всю без остатка. И ее не стало... И хрустальной чистоты поток перестал нести свою влагу корням дерева, навеки, – странник залпом допил чай. – И дерево стало корявым, и его кору покрыли глубокие раны, а из ран сочился яд, сильнее которого не было, – странник умолк.

– Фью, – сказал рыцарь, – ты сотворил «одну голову на двоих».

Странник не ответил. Только потянулся к котелку и налил себе еще чая.

– Говоришь о дереве, а думаешь о человеке. Говоришь о теле – думаешь о душе.

– К сожалению, рыцарь, часто именно тело выбирает дорогу в этом мире. И когда ему очень хочется пить, то оно пьет из первого же источника, потому как пить-то очень хочется. А если ты – дерево и к твоим корням течет грязный поток – что прикажешь делать? Конечно – не пить и умереть!

Помолчал и пояснил:

– Если душа избрала сон – дорогу в этом мире выбирает тело...

– Но и белого камня не хватило. Люди явились вновь и разбили, раскололи, распилили черную гору, – неожиданно продолжил Мастер Ри сказку. – И пресекался теплый грязный поток. И дерево снова изменилось. Затянулись его раны, и пробились сквозь частокол колючек молодые, зеленые листья, и оно зацвело. Но теперь это было просто дерево, одно из обыкновенных.

– Как же мы назовем эту историю?

– Отныне это «Сказка о дереве, утратившем душу», – сказал Мастер Ри.

Вот так и возникают сказки в этом мире – у костра, под звездным небом, в тихой неспешной беседе.

– Но Железный Грон, рыцарь, это не просто черная гора, и не может найтись тот, кто разрушит ее, – вздохнул странник. И добавил, зевнув:

– Это две черных горы, одна из которых белая... так мне, вроде бы, видится... Устал я, пойду спать.

Он лег спиной к костру и вскоре уже похрапывал.

Мастер Ри выпил еще чашку чая под звуки песни старого странника, а потом вернулся к своему камню у обрыва. Привалился спиной к нему и задремал.

Ему приснилось, что он – клубок нитей, катящийся по хрупкому холсту тончайшей материи. Он не мог понять, что же в этой материи необычного, пока не разглядел, что каждая ниточка этой материи – живая душа, как и он, когда-то, быть может, бывшая таким же клубком, а теперь размотанная и намертво вплетенная в общий узор. Тогда он почувствовал, что на него смотрит некто, и хочет поймать его, и тоже вплести в холст. Мастер Ри проснулся. Светало. Уже горел костер, странник сидел у очага и зябко кутался в плащ.

А через два дня лес кончился, и перед путниками открылась унылая равнина, лишь изредка украшенная то одиноким чахлым кустом, то низкорослым деревом, то безобразным валуном. Воздух отсырел, солнце бледно проглядывало сквозь туманную дымку. Попахивало близким болотом.

Погода стояла тихая, а потому всадника, во весь опор мчащегося им навстречу, было слышно издалека.

– Это самое, рыцарь, – поежился странник, – слышишь, скачет кто-то, стало быть, будь начеку. Да пошли поскорее, место это дурное.

Мастер Ри хранил молчание, продолжая размеренно вышагивать по тропе навстречу увеличивающейся черной точке.

– Ты, рыцарь, меч-то уж изготовь.

Катанабуси успокаивающе поднял руку в знак того, что слышал и понял, но меч обнажать не поспешил.

Черная точка по приближении оказалась здоровенным детиной, сплошь закованным в черные зеркальные доспехи, верхом на такой же огромной и закованной лошади. Приблизившись к путникам, детина натянул поводья, и лошадь стала тормозить, выставив вперед все четыре ноги. Такого Мастер Ри еще не видывал. Он даже слегка опешил. Лошадь, оставив за собой длинную внушительную борозду, встала колуном поперек тропы.

– Тебя я искал, сын гиены, – совершенно бесцветно, в ритме метронома, произнес всадник, повернув скрытое черной стальной маской лицо к страннику. Черная рука, не мешкая, выхватила тяжелый боевой топор и занесла его над головой Фью.

Странник смотрел на нависшую черную башню, и в его взгляде читался ужас. Шел человек, встречал на своем пути опасности и препятствия, с трудом или без преодолевал их. Но вот встретил очередное и понял – это смерть.

Меч катанабуси совершил лишь одно движение – сначала срезало голову всаднику, затем лошади, затем меч снова оказался в ножнах. Странник сперва ничего не понял: казалось, меч и не покидал ножен.

То, чем стали всадник и лошадь, немного постояло с вознесенным топором, а потом с грохотом обрушилось на тропу. Из образовавшейся груды изверглись и во все стороны покатались, пропадая в траве, блестящие металлические штуки: пружинки, колесики, шестеренки...

Старик шагнул к груде и потыкал посохом в лошадиную голову.

– Механоид, однако, – пробормотал загадочное слово странник. – Ну да и ладно. Пойдем, рыцарь.

В этот день больше ничего не произошло. Но у вечернего костра странник всё прислушивался да всматривался в ночную мглу.

Мастер Ри послушал землю и, завернувшись в одеяло, сказал:

– Места эти безлюдны, Фью.

– Нельзя тут ночевать, рыцарь, место, видишь сам, дурное. С этим-то монстром управились, да явятся похлеще. Безумство это. Именно так, безумие – ночевать в самой щупальцах Железного Грона.

Он еще долго ворчал и ворочался. Но всё же уснул.

На следующий день тропа волшебным образом превратилась в превосходную каменную дорогу, проложенную, наверное, в незапамятные времена. Дорога была широка, сложена древними массивными плитами, замшелыми, скользкими, но без единой трещины.

– Смотри, рыцарь, – значительно произнес странник. – Я говорил, что веду тебя царской дорогой, так вот это она и есть. Ты по ней и иди, а мне теперь влево надобно, не для меня эта дорога.

– Мы расстаемся, странник Фью?

– Это дорога твоя, приведет тебя к городу. Но я тебя потом снова повстречаю или не повстречаю, смотря как рассудишь. До свиданья говорю тебе, рыцарь.

– До свиданья, Фью, – Мастер Ри поклонился страннику и зашагал по дороге.

Город возникал перед Мастером Ри своими стенами. Они были огромны. Они побеждали закон перспективы, и, казалось, не путник приближается к ним, а сами они растут вверх прямо из земли. Широкая дорога, по которой шел катанабуси, была теперь выложена розовыми зеркально поблескивающими плитами. Казалось, что дорога пролегла вовсе не через заброшенный неведь когда край, настолько чистым и ухоженным выглядело это розовое зеркало. Мастер Ри подумал, что дорога вполне могла некогда пересекать всю Европу от Северного моря до Южного, но сохранилась только здесь, вблизи этого города. Строить такие стены и дороги мог лишь великий народ, каких теперь нет на земле; может быть, даже легендарный народ гипербореев. Мастер Ри ступал по плитам, и они при каждом шаге издавали глухой звук. Этот звук то сопровождал путника, то отставал от него, то снова нагонял и вырывался вперед.

Стена всё росла. Наконец Мастер Ри остановился перед аркой ворот. Ее свод терялся в полумраке где-то высоко. Была она сложена из огромных блоков серого камня с розовыми ветвями жил. Створок у ворот не было.

Мастер Ри беспрепятственно вошел в город. И остановился – прямо на него наплывали крыши домов, словно волна обрушилась на городские стены. Но можно было представить, что волна не обрушивается, а вздымается, уходя ввысь, в глубь города. Крыши горчичного, красного, зеленого цветов уходили гребнями вверх, одна за другой вырастая вдаль, покатые только в одну сторону – в сторону стен. Вслед за крышами росли и дома. Те, что ближе, походили на гигантские особняки, иные – на огромные каменные сараи. Чем дальше к центру, тем дома становились выше. Но росли не этажами, росли сами этажи. Окна вытягивались вверх, кирпич превращался в каменный блок. Возникали колонны, расположенные на разных высотах, так, что казалось, были это не этажи, а поставленные друг на друга цельные дома, каждый из которых, к тому же, обладал собственной архитектурной фразой.

Мастер Ри долго шел вперед и, наконец, очутился перед кольцом домов-башен. Это был один огромный дом, окаймлявший центр города по выверенному кругу. Быть может, это была еще одна, более древняя, стена. Башни подпирали небо, соединяясь друг с другом внушительными арочными мостами, под которыми проходили улицы.

За кольцом башен всё изменилось. Дома стали одного роста. Архитектура – строгая и отрешенная, казалось, жила собственной, иной жизнью. Эти дома не могли быть построены для людей. Они были слишком огромны, слишком холодны для взгляда. Мастер Ри не смог представить шумную толпу горожан, собравшихся на рыночной площади, окруженной этими домами. В воображении возникали бесстрастные тени каких-то высоких седовласых титанов в длинных одеждах. Они молча слушают друг друга, неторопливо двигаются. И от них исходит сила – непонятная, неприложимая ни к чему вне стен этого города.

Дома как корабли вплывали своими острыми носами на центральную площадь. Посреди нее Мастер Ри увидел молчаливый строй людей в серых балахонах. Они стояли неподвижно с надвинутыми на лица капюшонами. Мимо сновали горожане. Справа расположились ряды

зеленщиков, слева – торговцы скотом. Была здесь и кучка богато одетых людей, державшихся подчеркнуто особняком, наверное, знатных граждан.

А молчаливый строй «серых плащей» стоял посередине площади, и казалось, что этот мир с его заботами находится не здесь, не в этом городе, не в этой вселенной.

Мастер Ри подошел поближе. Стал накрапывать мелкий дождик. Звуки шагов, голосов, скрип повозок, ржание, мычание и тишина капель дождя – всё это существовало, всему было место, ничто не теснилось и не сплеталось. В движении горожан не было чего-то привычного.

Мастер Ри остановился и еще раз осмотрелся. Теперь он смотрел не на детали, а просто повел взглядом, слушая. Люди встречались, сходились, говорили, расходились. Путь каждого не пересекался с путем другого. Ничто их не соединяло. Или так только казалось? Ведь вокруг царила обычная городская жизнь. Разве что площадь была куда как больше, чем в других городах. Но своей вовлеченности в это Мастер Ри не ощущал. Это было как наваждение – бесстрастное, непонятное; сморгни – и ты исчезнешь из этого ирреального мира.

Кажется, Мастер Ри понял, откуда исходило это неуловимое чувство, лишавшее персонажей площади-сцены их личного аромата, их вещественной терпкости. Оно шло от кораблей-домов, принесенное ими из далеких морей. И оно было больше всего человеческого, сдувая его куда-то в неизвестность.

Мастер Ри смотрел на прохожего, слушал стук его деревянных башмаков. Потом взгляд пересекла струна падающей капли, и Мастер Ри отчетливо расслышал звук ее падения на каменную плиту. «Это движение сквозь пустоту», – подумал Мастер Ри.

И Мастер Ри понял, что люди в мире этого города – ложь. И что город в мире этих людей – тоже ложь. И что его, Мастера Ри, нет ни в том, ни в другом мире.

Он подошел вплотную к строю «серых плащей». Оказалось, что на правом фланге отдельно стоит человек, в таком же сером плаще, но с откинутым капюшоном. Стоит и смотрит на людскую суету. Его седые выющиеся волосы ниспадают на плечи. Острый с горбинкой нос, тонкие пальцы рук. Человек повернулся навстречу Мастеру Ри, словно знал, кто к нему подходит.

– А вы заметили, молодой человек, что оружие здесь не носят? – внезапно заговорил он.

Мастер Ри посмотрел на свой меч. За поясом его не было. «Что-то не так, он что-то другое мне говорит», – подумал Мастер Ри, и эхом до него донесся другой голос – далекий, но сильный:

– Добро пожаловать в форпост земель гипербореев.

– Здравствуйте, – ответил Мастер Ри.

Он ясно ощущал, что его левая рука надежно покоится на рукояти меча. Но посмотреть вниз уже не решался.

– У вас есть дело ко мне, молодой человек? – спросил «лейтенант».

Мастер Ри чувствовал, что не стоит ему обращать внимание на эти слова и в особенности пытаться понять происходящее. Он просто смотрел в глаза «лейтенанта» и ничего не ожидал. А «лейтенант» смотрел в глаза Мастера Ри, и вместе с тем казалось, что смотрит он в другую сторону.

– Забавный карапуз у вас за плечом. Тень нерожденного ребенка?

– Джинн, взятый на королевскую службу сиром Королем Артуром.

– Джинны описываются как великаны, творящие всякого рода большие глупости. Этот, однако, не больше поросенка. А что это у него в ручонках? Никак сабелка? А ну, дай-ка я его... – «Лейтенант» протянул руку.

Мастер Ри увидел вдруг себя как бы сверху и почему-то в образе странного человека в леопардовой шкуре, молодого, совсем юнца с усатым поросенком, парящим над правым плечом. Поросенок дремал, сжимая под мышкой тусклое лезвие ятагана. Но вот откуда-то возник

пожилой крестьянин и быстренько поймал поросенка одним взмахом поместительного кожного мешка.

– Вот так-то. Королевской службы в Рольнодоре быть не может, – пояснил «лейтенант». – Теперь можно знакомиться. Я – Снолис, лейтенант, если вам так понятней. А это – гвардия Рольнодора.

– Мастер Ри, иканиец.

– Это верно. На рыцаря ты не похож. Будь ты рыцарем – тебя бы уже здесь не было. Я вижу, ты понимаешь, о чем я говорю.

– На моем языке это значит – «расстаться со своей формой».

– Хороший язык. Иканои гиперборей не знали. Их могущество пришлось на столь древние времена, что все ныне живущие народы их не помнят.

– Так это город гипербореев?

– Это Рольнодор. Граница. Граница отделяет землю от суши. Но теперь осталась только суша. Земли гипербореев больше нет.

– Я знаю легенду об атлантах. Говорят, некоторые из них бывали на наших островах и даже положили начало одному из наших родов. Говорят также, что атланты и гиперборей были двумя великими народами, поделившими мир между собой.

– Нет, они существовали в разных потоках. Белое и красное встречается в одной реке, но в океан всё равно впадают двумя рукавами – белым и красным. Для атлантов гиперборей были слабым и немногочисленным народом, не умеющим отстаивать свои интересы. Но на самом деле они нас не видели. Но ты, Мастер Ри, иногда смотришь на меня, значит, у вас, иканийцев, хорошие учителя. Было бы забавным обнаружить, что ваше знание восходит к атлантам. Нет. Те были маги, а в тебе этого нет.

– Это знание Иканодзу, – а до слуха Мастера Ри опять донесся далекий голос:

– Подойди поближе, иканиец.

Мастер Ри непроизвольно сделал шаг вперед. Но улыбнулся про себя и спросил:

– В этом городе жили гиперборей?

– Нет, они не жили в городах. Они их строили. Они их только строили. Сохранять было не их задачей.

– Но если не гиперборей жили здесь, то что за племя могло освоиться в этих стенах?

– Ты уже совсем рядом, Мастер Ри. Дело оказалось невеселым, никакой народ здесь жить так и не сумел.

Снолис посмотрел вокруг себя. Мастер Ри сделал то же. Площадь была пуста. Только синие квадраты ткани колыхались в центре.

– Здесь никто не мог жить. Нынешние люди просты, им кажется, что всё в порядке. Они спят в сагохорах, а им чудится, что в приличных человеческих домах. Имеют доходную торговлю, так как город не донимают всякие, которые на королевской службе. В одном из асфегов они собирают совет и решают свои дела. Но в огаласах они уже не появляются.

– Огаласы, это вот эти дома-корабли?

– Да, они. Но не дома, а огаласы.

– Асфеги – это башни?

– Да, но не башни, а асфеги.

– Значит, во внутреннем городе никто не живет, сюда только заходят?

– Нет, во всем Рольнодоре никто не живет. Но, с другой стороны, ты прав, надо ведь это как-то назвать. Пусть будет по-твоему.

– Я шел по тракту много дней. Эти места совсем безлюдны. А здесь, в Рольнодоре...

– Ты прав, всё так и есть. Это тоже люди, как и ты. Они здесь неплохо устроились, им здесь хорошо. Хотя их жизнь в Рольнодоре ничто в сравнении с его камнями. А вокруг – безжизненные пространства, ибо это земли Железного Грона.

– Значит, Рольнодор неподвластен Железному Грону?
– Города гипербореев никому неподвластны, даже времени.
– А эта гвардия? Как вы защищаетесь?
– Ты из клана воинов. Крестьянина можно победить, потому что он – крестьянин, воина – потому что он воин. Победить можно то, что видишь. Но нельзя ни победить, ни даже просто потрогать то, что есть, но есть не для тебя.

– Понимаю. Если гиперборей обладают таким знанием, почему они ушли?

– Произошло то, что должно. Где они сейчас, и где их земля – неизвестно.

– А где еще их города?

– Их нет. Рольнодор – пограничный город. Но и он скоро уйдет. Его интересуют люди, а здесь для них ничего нет. Здесь есть всё, но не для них. Поэтому Рольнодор обречен уйти из времени. Он уже постепенно вываливается из времени, и если бы я не позаботился, людей давно смыло бы с этих улиц. Слышишь этот запах?

– Это запах Северного моря?

– Нет, но ты недалеко от истины. Что-то морское есть в нем.

Снолис замолчал. И снова шелест дождя...

– Покинуть город можно через любые ворота – западные, восточные и северные. Через западные ты попадешь сразу к океану...

– Но до океана – тысячи фарлонгов.

– Через восточные – в обитаемые земли ромеев, через эти ворота единственно и ходят все горожане. Ну а через северные – напрямик в гиблые болота у отрогов черных скал. Скажи, Мастер Ри, твой путь по-прежнему лежит дальше на север?

– Да.

– Тогда иди. В гостинице, вон за тем асфегом, – Снолис махнул рукой, указывая, – можешь отдохнуть и как следует перекусить. Покинешь Рольнодор через северные ворота и тем сократишь путь. У ворот получишь то, что тебя давно дожидается.

Снолис глубоко вздохнул и закрыл глаза. До Мастера Ри донесся далекий голос:

– Уходи.

Снолис повернулся к гвардии и произнес певучую фразу. Сильный порыв ветра ударил по центру площади, и хор хрустальных снежинок плавно и сферически правильно поплыл во все стороны, растворяясь в каплях дождя и гомоне торгующего люда.

Центр площади был пуст. И уже через него шел крестьянин, на ходу снимал шляпу перед Мастером Ри.

А потом были северные ворота, как две капли воды похожие на южные, через которые Мастер Ри вошел в город. У ворот Мастера Ри нагнал запыхавшийся посыльный от магистрата. Почтительно произнес:

– Примите, о незнакомец, – и протянул Мастеру Ри ларец. – Это ваше.

Мастер Ри покинул город. За воротами был вечер. Вдали, на холме, неясно трепетали отблески пламени. «А странник опередил меня», – подумал Мастер Ри и двинулся к подножию холма.

Под ногами чавкала грязь, небольшие болотные лужи поблескивали по сторонам, не переставая, сыпал дождь вперемешку с мокрым снегом.

Невысокий пригорок, на котором горел костер странника, был единственным мало-мальски пригодным для ночлега местом среди этих промозглых, туманных просторов. И где-то еще севернее, но уже совсем близко, Мастера Ри поджидали черные скалы Железного Грона.

Глава десятая

Казалось, непогода мертвой хваткой вцепилась в город. Холода сменялись оттепелью, и дождь смывал с мостовых остатки выпавшего вчера снега, а назавтра снова холодало и снова с неба сыпалась то ледяная крупка, то снежные хлопья, подгоняемые жестким, пронзительным ветром.

Марк сидел в своей лаборатории поближе к теплему боку радиатора, курил, следил за безумным танцем снежинок за окном и ждал Григория.

Григорий, не заходя к себе, поднялся на четвертый этаж.

– Пришел? – хмуро приветствовал Марк Григория.

– Есть новости? – в той же манере поздоровался тот.

– Имеются.

– Надо полагать, насчет Верова?

– Насчет всего этого. Тревожно мне, вот что.

– Где гордо поднятый нос, дружище дюк?

– Ну давай без подколок, – возмутился Марк.

– Может, боишься, что параллельные миры – это бред, а мы с тобой – гигантские флуктуации? Самые гигантские после Вселенной, которая тоже суть флуктуация, но поболее. Одно только нам физика объяснить не может – что такое флуктуация, откуда она, зараза такая, берется?

– Кончай со своими заездами. А то сейчас морду набью.

– Хм, не советую, – ответил спокойно Григорий. – Итак, почему оно должно флуктуировать? Если мы флуктуации, значит, ничего достоверного об окружающем мире знать не можем, даже того, случаются ли в нем флу... – Григорий глянул на физиономию Самохвалова и усмехнулся. – Мы хаос. Дерьмо собачье, желе, студень. Вторичный продукт. Знаешь, что наша Солнечная система – это вторичное вещество? Когда-то была большая такая звезда, и вот она... Ты не зверей, Маркуша, расслабься. Скажи лучше, как жить будем?

В это время в комнату вошел Кирилл.

– Ага, рыцарь, Мастер наш Наимельчайший. Как там, странствуешь? – приветствовал его Марк.

– Что такие смурные? – ответил тот, встряхивая мокрый плащ.

Григорий Цареград пожал плечами.

– У тебя хоть нет таинственных незнакомцев, вроде того, который скупил все книги Верова, – Марк задавил бычок в пепельнице.

– Ты бы курил не здесь. В коридор иди, – поморщился Григорий.

– У меня похуже, мужики. У меня Железный Грон, – сказал Кирилл.

Впрочем, он не ждал от друзей понимания. Так получилось, что неведомая угроза по имени Железный Грон разделила его с ними. Они не хотели его понять, а он недоумевал – почему они так взволнованы проблемой книг Верова и совершенно не интересуются тем, что прямо несет смерть. Или Мастер Ри для них – нечто совершенно сказочное?

Марк извлек из кармана мятую пачку «Примы» и тупо на нее уставился. Вышел в смежную комнатенку к ДРОНу, пощелкал там чем-то и, закулив снова, сказал:

– Слышь, Грегуар, как ты допёр внушить дюку мысль насчет поискать Верова?

– В «Лесе зачарованном» в самом деле что-то интересное? – спросил Григорий.

– Вот сейчас ДРОН перезагружу и поведаю. А то от нетерпения истаешь.

Но, перезагрузив ДРОН, Самохвалов вновь, в третий уже раз, закурил и заговорил о другом:

– А давайте-ка, хлопцы, еще раз попробуем выяснить, что с нами конкретно происходит.

– Легко, – согласился Григорий. – Итак, я ложусь спать и засыпаю. И вижу очень реальный сон, как я, Пим Пимский, просыпаюсь в своей меблированной квартире с отдельным входом. Пелагея несет утренний кофе. Ну и день начался. Но это неважно. Там может пройти и месяц, пока я сплю. Или здесь может пройти месяц, пока мне это снова приснится. Никакой системы, по-моему, в этом нет: однажды тот тип ложится спать, засыпает. И вот я-он снова здесь, в нашем маразме, *in corpore*. И думаю себе: «Хоть бы или я не просыпался, или тот алкаш не засыпал». Вот, собственно, и всё.

– Ясно. А что у тебя? – Самохвалов ткнул дымящейся сигаретой в сторону Кирилла.

– У меня, мужики, хреновня сплошная. То умираю по два раза на день, то бодро шлепаю Железному Грону голову снести.

– Не густо, – констатировал Самохвалов, – только умирать-то зачем? Столько раз-то... Сколько раз, говоришь, умирал?

– Много. То в видениях, то в колдовском лесу.

– И где такие леса произрастают?

– Это я смутно, меня тогда так скрутило... И что поганно: умираю, умираю и всё равно чего-то кому-то должен. И поделать уже ничего не могу. И Грон этот Железный – достал он меня, парни...

– Какой еще гром? – Самохвалов наконец обратил внимание на жалобы Кирилла.

– Да тот чудак, которого надо уничтожить. Сам Артур-король-его-величество просил. Этот умеет уговорить. В общем, не нравится мне это.

– Это дело надо запить. Ну-ка, Григорий, что у нас в термосе? Так вот, Веров, «Лес зачарованный», – прихлебывая чай, начал рассказывать Марк. – Дело происходит в пустыне. Каменистое нагорье, воздух – опилки, а почва – голые камни. Герой – некто Перчик. Посылают его отыскать «волшебную гору, сплошь поросшую лесом». Где искать – неизвестно.

– Кто посылает? – перебил Григорий.

– Да вождь племени, аксакал. Они какие-то кочевники, овец пасут.

– Ты же сказал – там пустыня.

– Не придирайся к словам. Племя хилое, погибает, всюду враги и податься некуда. А легенда гласит о большой горе и чудесном лесу на ней. Так сказать, последняя надежда, *last escape*. Дальше нудное описание его пути, всякие чудеса, но это всё мелочи. Находит он эту гору и видит: всюду у подножия кости человеческие. Ну, поправляет амуницию – и к вершине. Легенда же утверждает: «Водрузивший свой Знак на вершине, горой да владеет». А кто ею владеет, тот может перемещать ее куда попало, в любом направлении стран света. И ставить ее на любую сушу или воду. Вот. Доползает он из последних до вершины и видит – на мечях насмерть бьются двое. Лиц не видать под масками. Оба обильно истекают кровью. Вот один падает обессиленный, сверху валится второй. Два трупа. Перчик подходит и заглядывает под маски. Ну-ка, Грегуарий, с трех попыток – кого он там видит?

– Кого же?

– Себя самого! И кости у подножья – его же трупы. Он, оказывается, убивал себя самого на этой горе. Дальше. Натурально, как полагается, из лесу выходит старик «и ну шепелявить чяво-то». Говорит, мол, ты последний из Перчиков остался, больше вас, Перчиков, нет ни в одном из множества миров. И подводит старик Перчика к Камню, читай, мол. А на Камне том начертана та самая Формула Заклятия Горы: «Когда некто исчезнет из всех *N* миров, ты, о Могучая, станешь хозяином самой себя. И все миры, текущие через тебя в своей подобности, содрогнутся от твоего Ужаса».

Марк Самохвалов залпом допил чай.

– А старик, конечно, тут же умер, – предположил Кирилл.

– Что ему сделается? Исчез куда-то, истаял волшебю.

– И как ты думаешь, что означает «*N* миров»? – спросил Григорий.

– В этом-то и штука, Григорий! Когда дюк это прочел, у него дыхание сперло. Это не художественное – это математическое мышление.

– Но кто Перчиков сводил вместе?

– Не сечешь? Сама гора и сводила. Жутко интересно, не правда ли?

– А дальше? – расспрашивал Григорий.

– Дальше? Всего романа тогда, в библиотеке, дюк не дочитал. В конце, само собой, заглянул, – Марк Самохвалов продекламировал: – А дальше – *«она сдвинулась!»*

– И всё? – удивился Григорий.

– То-то и оно, что всё. Что-то этот Веров крутит, не договаривает. А вот что?..

– Послушай, Кирилл, – вспомнил Григорий, – а что в твоём мире, нет Верева? Хорошо, кабы был. По крайней мере, хоть какая-то тенденция, закономерность. По крайней мере, было бы на кого спихнуть наши проблемы, от кого требовать ответов.

– Нет, мужики, не было. В моём мире – Железный Грон.

– А как там наш железный ДРОН? – Марк в очередной раз совершил экскурс к рентгеновской установке, повозился, пощелкал.

Вернувшись, спросил:

– Я вот что хочу услышать от тебя, Гриша. Кто таков был этот твой ночной Символист? А?

– Так ото ж, – ответил Григорий.

– Ну, кто он такой? По твоему рассказу выходит, что и не человек вовсе. А может быть, псих?

– Не знаю.

– Не знаешь? К тебе ночью вваливается незнакомый тип, ты его чаем поишь. Он предметы интерьера ворует, небылицы рассказывает. Лучше бы тебе знать, мужик, поверь мне.

– М-да... Неприятная история. Я ведь за двойника своего не отвечаю.

– Стой, Грегуар, всё это я уже усек. Другое непонятно – на кой хрен твоему Символисту эта ночная ахинея, весь этот балаган?

– Черт его знает, – буркнул Григорий.

– Твоего Пимского чуть ли до утра мурыжил...

– Ну как же, – произнес Кирилл. – Хотел его бессмертную душу.

– Тьфу на тебя! Ладно, замнем. Так говоришь, не знаешь Символиста? И Пимский не знает? Дерьмо какое-то.

– В нашем мире я читал в самиздате «Символист и Луна», «Мироздание и честный Символист». Да и Пимский думал, что где-то когда-то они встречались. В самом деле, именно так и полагал. А потом стал припоминать – где? Вспоминал и не вспомнил... Как бы тебе... Вот ты разговариваешь с человеком и знаешь наверняка, что с ним знаком. А потом понимаешь: нет, и близко не знаком. И вообще, он наутро ничего не помнил. Это я помнил, а он – нет. И теперь лишь что-то смутно припоминает.

– Плохо дело, брат, – пробормотал Марк Самохвалов. – Плохо. То, что кончается хорошо или никак, или плохо-но-не-совсем, я всегда понимаю очень четко, у меня, знаешь ли, наследственная интуиция. А вот такое... Ладно, вот Иван Разбой, как с ним быть?

– Было бы о ком говорить. Нам еще его проблем не хватало. Случай, на мой взгляд, клинический. Я уже уяснил, что оттуда нашу реальность он воспринимает исключительно как сон, а здесь, почему-то, не может отрешиться от этого ощущения сна. Ну а как выйдет из этого состояния – ничего не помнит. Если бы не странные взгляды коллег, до сих пор бы считал, что ничего особого с ним не происходит.

Дверь распахнулась, и на пороге возник Иван Разбой. По тому, как он замер и стал дико озираться по сторонам, было ясно: снова тот самый случай. Григорий подмигнул сотоварищам и начал в своей манере:

– Ввожу в курс дела. Это – Кирилл Белозёров. Я...

Но Разбой не стал слушать. Он бросился к Григорию и схватил того за руки.

– Пимский! Так ты жив-здоров! Слава богу! Ну и переполох ты всем устроил!

Григорий Цареград не любил неожиданных сюрпризов, он поморщился, но заговорил с Разбоем спокойно:

– Что именно, Иван? – спросил он. – Какой переполох?

– Ну как же... Во всех вечерних газетах – «Таинственное исчезновение. Из запертой изнутри квартиры загадочно исчезает приват-доцент...»

– Да-а, вот так номер, – присвистнул Марк Самохвалов.

– Ну, я пошел, – очнулся от сонного наваждения Иван Разбой. – Мне еще к шефу на доклад. А чего это вы какие-то заторможенные? Или случилось что?

Ему никто не ответил. Разбой пожал плечами и вышел.

– Хорошие же тебе сны снятся, Разбой, – сказал вслед ему Марк. – Ну, и куда ж ты там делись? – посмотрел он на Григория.

Тот пожал плечами:

– Думаешь, сны для меня закончились?

Марк Самохвалов строго глянул на него:

– Не всё так просто, как тебе философствуется, парень. В общем так – ночевать будешь здесь, в институте, со мной, – Самохвалов кивнул на диван. – Вот здесь. Мне сегодня всё равно на печи дежурить. Магниторезистивные лантаниды выпекаем, будь они неладны.

– А ты?

– А я вот в кресле, за компом. Поиграю, пульку распишу.

– С машиной играть – только время тратить, – заметил Григорий. – Со мной играть тоже не предлагаю...

– Да уж...

– И сколько вы здесь жить собираетесь? – поинтересовался Кирилл.

– Там видно будет, – отрезал Марк. – Ты иди, со своим Железным Гроном борись. Достал уже всех тут этим Гроном.

Григорий помолчал, затем сказал:

– Ладно. Может быть, ты и прав. Что-то есть в этом. На всякий случай – черкни адрес. Записывай: Зареченка, Камышовая, 5/15, Нина.

Марк записал адрес и вопросительно уставился на Григория.

– Написал, и хорошо. Теперь положи на стол. Не в стол, а на стол. Это тебе на всякий случай.

Григорий спал на топчане, укрывшись синим лабораторным халатом. Марк боролся со сном крепким чаем. Делал виртуальные ставки, вяло отвечая на ходы машины. И совсем уж машинально разыгрывал распасы. Иногда оглядывался на спящего. Но ничего не происходило.

В конце концов Марк задремал. Спал он тревожно и недолго. Проснулся с криком: «Гришка! Мать твою!» Вскочил, его качнуло. В полумраке каморки было по-прежнему тихо; на дисплее светилась недоигранная пуля, тихонько гудел вентилятор компьютера. Но Самохвалова колбасило.

– Гриша, а Гриша? – негромко окликнул он. – Мне такое паскудство приснилось. Гриша?

Ответа не было. И Гриши не было. На топчане валялся перекрученный халат. Марк рванул к выходу, чертыхнулся, вспомнив, что с вечера запер дверь, запер тщательно, на оба замка, хмуро подмигнув Григорию, мол, лыбься не лыбься, а запереться надо, – и сунул ключи в карман.

Марк, наконец, справился с замками, высунулся в ночную черноту институтского коридора – и понял, что сейчас завоет. Громко и бессмысленно.

Дюк Глебуардус Авторитетнейший проснулся необычайно рано. Причиной явилось то обстоятельство, что с вечера наследный дюк кутил, – вспомнили молодость в дружеском кругу, – и перебрал крепкого португальского шампанского.

Глебуардус взял колокольчик и позвонил. Серебряный звон обернулся в голове у дюка тяжелым чугунным колоколом.

В спальне бесшумно возник Самсон.

– Чего угодно, барин?

– Принеси-ка, любезный... – Дюк подумал, махнул рукой. – Рассолу. Или нет, пива полпинты. Англицкого светлого.

– И всё-то вы, батюшка Глебуардус, чудить изволите. Где это видано, чтоб пиво по утрам подавать? Как можно?

– Твоя правда, Самсон, – согласился дюк. – Изрядно перебрал вчера. Подай, пожалуй, целую пинту.

– Да уж, чего уж, хватили вы лишку вчера. А вот батюшка ваш покойный в ваши годы...

– Уволь, ну уволь же от своих диссонансов! Пиво неси, шотландку.

Прихлебывая пиво, дюк подумал – кутили и впрямь изрядно. На Набережной, там, где могучая, полноводная Кляуза принимает в себя воды Теренги-реки, Пим вскарабкался на бронзовую царь-пушку и оттуда отдавал матерные команды. А компания пыталась, хохоча, им следовать. Завывали цыгане. Он, Глебуардус, истово бился об заклад с графом Недрибун, что вот сейчас он, наследный дюк, пересечет Кляузу вплавь, насквозь, и рвал с себя камзол. А Пимский всё не унимался:

– По дюку – беглый огонь! Окружай, нахрен! Отрезай, такого-то и такого-то, от реки! Живым, живым брать! И живьем же жарить!

В общем, не дали переплыть. Опять же цыганки эти прилипчивые... За что их Марк так любит?

Глебуардус Авторитетнейший помотал осторожно головой, отгоняя воспоминания. Солнечный луч лег на лицо.

А когда у ворот двора приват-доцента выгружал того из кабриолета, Пимский подал последнюю команду: «На абордаж!» И мешком вывалился на мостовую.

Почему взбрело Глебуардусу Авторитетнейшему немедленно, сразу после завтрака, проведать Пимского? Может, оттого, что вчера у «Трапезунда», первого кабака, коий почтила вниманием высокая компания, Пимский обмолвился: «Дюк, мне тебе надо кое-что поведать, но не здесь и не сейчас. Потому как чертовщина выходит. А сейчас уьемся!» Предложил лишь встретиться завтра, то бишь уже сегодня.

Кабриолет Глебуардуса подкатил прямо к чугунным воротам двора. Во дворе было как обычно – мирно и спокойно. С молодых кленов слетали остатки листвы. Она мягко шуршала под ногами. На скамейке возле качелей, устроенных между двумя деревьями, сидела уже знакомая дюку девочка Настя, из семьи, что занимала цокольный этаж и, кажется, еще и сдавала угол какому-то студенту. Впервые Глебуардус повстречал девочку неделю назад, когда зашел сюда вместе с Пимским. Как оказалось, Пим был с Настей коротко знаком. Тогда вместе с нею оказался тот студент, он сейчас качал ее на качелях. И позавчера, когда дюк okazji проезжал мимо и решил заглянуть к приват-доценту, то застал такую милую сцену: Настя сидела на этой самой скамеечке, прикрыв глаза ладошками, а студент стоял рядом, с большим желтым листом в руке и говорил:

– Вот слышишь, Настенька, ветерок? Видишь, как он вьется вокруг тебя, ластится: поиграть хочет. Он хочет сделать тебе подарок. Ты не подглядываешь?

– Не-а, – девочка помотала головой и плотнее прижала ладошки к глазам.

– А я тебе буду рассказывать, что делает ветерок. Вот я вижу, как он сорвал с ветки большой лист. Это лист не простой, а волшебный. Ветерок недаром выбрал именно его. Сейчас ветерок подхватил лист и понес вверх, выше дерева, выше дома.

– Так он улетел?! – испугалась Настя.

– Нет. Это ветерок хотел показать твой подарок своим друзьям-ветеркам, мол, смотрите, какой он замечательный. А теперь он возвращается. Слышишь? – И студент легонько потрепал листом над головой девочки. – А теперь он кружится вокруг тебя, слышишь? – И студент легонько коснулся листом волос, щеки девочки.

– Ну конечно слышу, – с детской важностью сформулировала Настенька.

– А сейчас ветерок кружит листик прямо над тобой, он хочет положить его тебе на колени, открывай скорее глаза! – И студент выпустил листик. Серьезными, удивленными глазами Настенька смотрела, как большой ярко-желтый кленовый лист, медленно покачиваясь, опускался ей на колени.

– Вот, Настя, хорошенько храни его, не выбрасывай. Это лист исполнения желаний, если очень чего-то хочется, ты пошепчи ему тихонько, ветерок услышит, прилетит и всё исполнит...

Остановившись у дверей квартиры приват-доцента, дюк позвонил и, не дожидаясь, пока вечно заспанная и недовольная Пелагея затеется отворять, громко позвал:

– Пимский, дружище! Отворяй, – да и толкнул двери. А они вдруг открылись.

В узкой прихожей обозначилась квадратная, совершенно неуместная здесь фигура городского. И некий неприятный голос воскликнул:

– Ба! Кого это занесло в наши пенаты! Какова персона!

Дюк нахмурился.

– Это что за шабаш? Где Пимский?

– А вот про это, ваше сиятельство, мы у вас самих поинтересуемся, – ответил всё тот же голос. – Да вы проходите, ваше сиятельство. Митрин, пропусти дюка.

Городовой отступил, вжавшись в стенку, и впритык пропустил дюка, после чего запер двери.

В гостиной Пимского находились двое. Первый, высокий и жилистый, расхаживал по гостиной. Второй, плотного телосложения мужчина, сидел в невообразимом кресле Пима. Этот был дюку знаком: полковник жандармерии Кэннон Загорски. Он кивнул вошедшему Глебуардусу, нехотя встал, поклонился и снова погрузился в кресло.

– Позвольте, господа, кто соблаговолит пояснить, что происходит? – потребовал разъяснений дюк. – На каком таком основании вы пребываете в доме моего друга, приват-доцента Пимского?

– Мы, ваша светлость, – подскочил к дюку жилистый, – здесь исключительно по долгу службы.

– С кем имею честь? – холодно осведомился Глебуардус Авторитетнейший.

– Дюк, – подал голос Загорски, – позвольте полюбопытствовать – когда вы в последний раз видели Пимского?

– Я не обязан давать отчет. Или вы мне докладываете, чем обязан, или я отсюда прямо к генерал-губернатору.

– Ваше сиятельство, прошу вас с этим повременить. До выяснения некоторых обстоятельств. Да вы садитесь, садитесь, – суетился жилистый, пододвигая дюку второе кресло, – спешить не будем, куда теперь нам с вами спешить...

– В самом деле, присаживайтесь, дюк, – поддержал того полковник. – Чайку выпьем. Эй!

В комнату вошла Пелагея. Хотела было что-то сказать, но только торопливо перекрестилась.

– Пелагея... э-э... Авдотьевна, этот ли господин изволил тут появляться давеча? – осведомился у нее Загорски.

– Он самый, как есть. Являлся сюда их сиятельства, да не токмо оне являлись, много их тут быват...

– О тех еще поговорим. А вот его ночью не припомнишь?

– Как же, ночью они барина и приволочили, к самым дверям притащили.

– А сюда не заходил ли?

– Барин? Да куды ему итить-то было, стоял – и то плохонько...

– Тьфу, дурища! – не выдержал жилистый. – Не барин, а вот этот господин!

– А-а-а... Не, не упомяну.

– Так не упомянешь или не входил?

Растерявшаяся Пелагея устала на дюка взглядом уставшей коровы:

– Вы, вашество, сами бы им всё растолковали.

– Ладно, ступай, – распорядился Кэннон. – Чаю принеси. Мне – с брусникой. А вам, Глебуардус Авторитетнейший?

– Черт! – в сердцах сдался дюк и сел в приготовленное кресло.

И тут же услышал главное:

– Ваш Пим Пимский исчез, не далее как этой ночью.

– В каком смысле – исчез?

– В прямом. Растворился в воздухе, – расхохотался жилистый. – Вообразите – ночь, запертая квартира, на дверях – засовы, на ставнях – щеколды, и ваш приват-доцент, к тому же, как выяснилось – вдребезги пьяный, вдруг бесследно растворяется в воздухе. Спрашивается – кому выгодно это так называемое исчезновение? А, ваше сиятельство?

– Вы что же это, серьезно? – Дюк вопросительно глянул на Кэннона Загорски. Тот сосредоточенно кивнул и поспешил отвести взгляд.

– Вы что же, меня подозреваете?

– Ну что вы, дюк! – с обидой заговорил Загорски. – Никто вас, разумеется, не подозревает. Да и, извольте видеть, улики-то особых против вас не имеется. Но следствию помочь с вашей стороны было бы актом доброй воли, скажем так.

– Что за бред? Если Пимский исчез, его искать надо!

– Этим мы сейчас и занимаемся. А пока давайте просто поговорим...

Полковник жандармерии Кэннон Загорски был чистокровный кельт, что само по себе являлось лучшей рекомендацией для службы в русской жандармерии. Безупречный послужной список, казалось, подтверждал прописную истину – «лучшее око государево – жандарм из иноземцев». Тем паче – кельт. Может, поэтому карьера Загорски оказалась столь блестяща: шестнадцатилетним отроком прибыл в Россию; в двадцать три года – действительный жандармский поручик, в двадцать восемь – кавалер высочайшего Ордена Малиновой Подвязки и личный адъютант граф-адмирала фон Штюмме, в тридцать четыре – полковник и глава отдела Особых Расследований при дворе Его Императорского Величества. А может, причина была вовсе не в деловых и уж тем более не в национальных, традиционно кельтских качествах. Тогда в чем же? Вот именно что загадка...

И с чего бы это Загорски самолично явился по первому сигналу из Уголовки на квартиру Пимского – тоже загадка. Нечего было делать матерому зубру, крупному специалисту сыскного дела, да просто очень занятому руководителю в этой совершенно дурацкой ситуации, когда некого ловить, когда неясно – «а был ли мальчик?», когда самолично надо внушать этому жилистому дуrolому из Уголовки – кого считать подозреваемым, а кого – в самом деле исчезнувшим.

С дюком Глебуардусом Авторитетнейшим, особой знаменитой и влиятельной, он был, разумеется, знаком хорошо, как с близкой к императору персоной. А с некоторых пор налаживание отношений с дюком приобрело для полковника особый интерес. Но об этом – позже.

Разговор затянулся на три часа. Да и не разговор это вовсе был. Разнообразные полицейские чины то и дело приходили, уходили – «в университет не являлся», «в Военно-Морском архиве не был», «в кабаках и моргах – не обнаружен». И много такого еще оказалось, где он не появлялся, не был замечен, не обнаружен, не состоял. До Глебуардуса всё это доходило как из тумана, неотчетливо и размыто.

Жилистый из Уголовки всё наседавал на приводимых свидетелей, как то: всё та же несчастная Пелагея, дворник, собственно и вызвавший городского, соседи. Создавалось впечатление, что в мозгах детектива всё уж разложено по полочкам, всё разъяснено и осталось лишь только хлестко озаглавить дело. Из многозначительных взглядов, бросаемых следователем на дюка, Глебуардус сообразил, что его фигура занимает в мыслительных построениях сыщика позицию едва ли не ключевую. А почему бы нет? Дюк – фигура столь энигматическая и странная; такому вполне может прийти в голову инсценировать исчезновение приват-доцента и с блеском организовать это дело. Но дюку было не до подозрений детектива. Даже когда тот, вперив пронизательный взгляд в область аристократической переносицы, доверительно поведал:

– А ведь вы знали дюк, что потерпевшего сейчас дома быть не может в связи с лекциями в университете! Зачем же вы явились сюда, на место преступления? – то Глебуардус Авторитетнейший лишь пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.